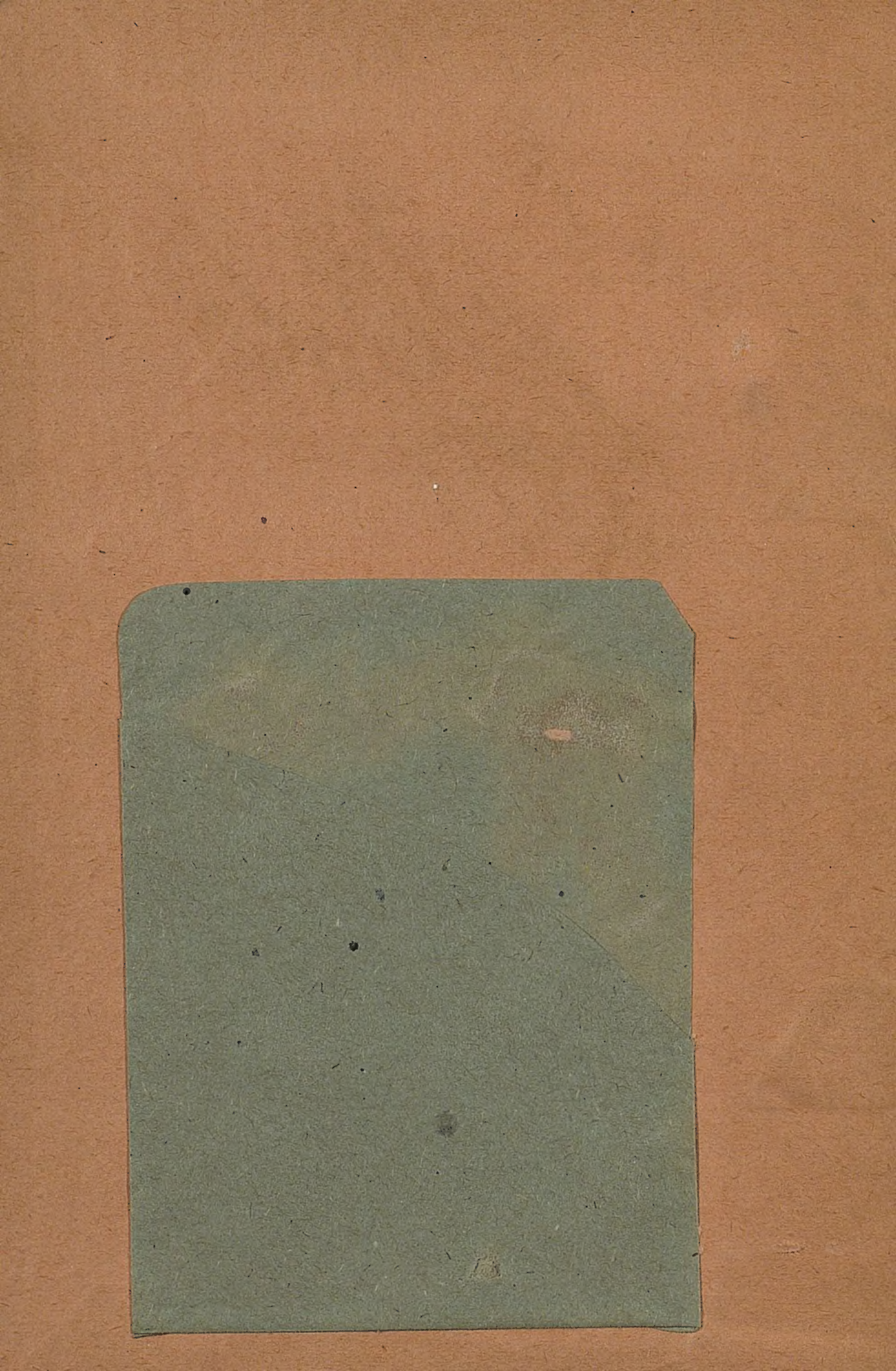
Вардин. Эпоха войн и революций

Ил. ВАРДИН

ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

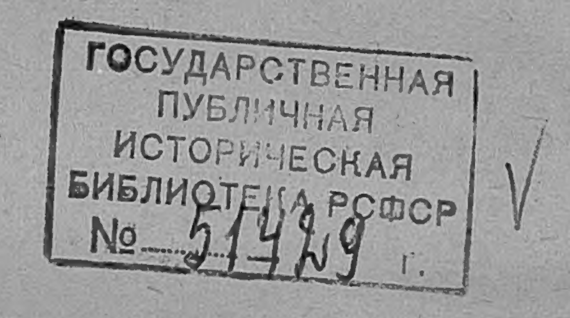
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ил. ВАРДИН

ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

Гиз 8219. Главлит 28583. Тираж 10.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коммунизм действует на основе точного учета об'ективной социально-политической обстановки. Ему нужна правда, как она есть. Пусть обстановка неблагоприятна для быстрого движения вперед, пусть она диктует отступления и сложные маневры, — тем более необходимо иметь ясное представление о том, что есть. Пролетариат — класс восходящий, будущее принадлежит только ему. Поэтому обманывать себя пролетариату не нужно, поэтому он стоит на почве науки.

Но эта правда, это научное познание об'ективной социально-политической обстановки усердно затемняется его противником — буржуазией и, в особенности, ее приспешниками и лакеями — вождями социал-демократии.

Таким образом *анализ об'ективной обстановки становится орудием классовой борьбы*. И это вполне понятно: с вопросом о состоянии об'ективных условий связан вопрос *о перспективах революции, о стратегии и тактике пролетарской партии*.

Предлагаемая вниманию читателя книжка имеет целью дать некоторый материал для характеристики современной политической обстановки, для выяснения вопроса о перспективах революции. Книжка составилась из статей, писаных в течение июля-августа и октября-ноября 1924 г. Все они — за исключением статьи: «Фашизм-меньшевизм-революция» — были напечатаны в «Большевике», «Правде», «Молодой Гвардии» и «Заре Востока». Статьи: «Борьба классов в Англии» и «Крах демократической эры» подверглись дополнению и значительной переработке.

Что касается статьи: «Фашизм-меньшевизм-революция», то ее судьба не лишена некоторого политического интереса. Она была написана для «Большевика» в августе 1924 года в ответ на известные доклады тов. Троцкого, которые им

были сделаны на непартийных собраниях вскоре после конгресса Коминтерна и были напечатаны в «Правде». Большинство редакции «Большевика» (т.т. Бухарин, Слепков и Астров) высказались против напечатания статьи в «Большевике», мотивируя это несогласием с ее основными положениями. Статья с некоторыми дополнениями и изменениями появилась в январской (1925 г.) книжке журнала «Красная Новь». Здесь она печатается в том виде, в каком она была сдана летом 1924 г. в редакцию «Большевика».

В своем письме январскому (1925 г.) Пленуму ЦК РКП (б) тов. Троцкий заявлял, что его летние доклады в партии не встретили возражения. Как видит читатель, возражения были, и довольно решительные.

* * *

Большая часть собранного в книжке материала имеет целью разоблачение ошибок и иллюзий, связанных с «демократически-пацифистской эрой». Ныне, когда иллюзии, связанные с прошлогодней «эрой», крахнули, на сцену выступают уже ошибки иного порядка, связанные с укреплением капиталистической реакции.

Некоторые товарищи явно *переоценивают* политическую и экономическую устойчивость капитализма. Появляется опасность утери перспективы. Короткую «передышку», полученную мировой буржуазией и сплошь и рядом прерываемую разнообразнейшими «конфликтами», нередко принимают за длительную *органическую* «стабилизацию» капитализма.

В книжке дан некоторый материал для правильного, на наш взгляд, подхода и к «новейшей эре». Суть вопроса заключается в том, что *капитализм не вывел человечества за рамки эпохи войн и революций,* что органической стабилизации капитализма нет, что непримиримая борьба по линиям межгосударственной, классовой, колониально-национальной — продолжается.

Февраль, 1925 год.
Москва.

ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Десятая годовщина мировой войны. Эррио и Макдональд — очередные спасители буржуазной Европы — на сто первой конференции снова и снова «укрепляют» всеобщий мир, порядок и благоденствие — на основе сотрудничества классов и гражданского мира между ними.

А в Москве окончил свои заседания V конгресс Коминтерна — конгресс мировой революционной партии, партии непримиримой классовой борьбы — гражданской войны с империализмом.

Реформы или революция? Восстановление капитализма «демократически»-фашистскими средствами или его революционное крушение?

Пять периодов

Понять текущую политическую обстановку, составить правильный взгляд на ее перспективы можно только, подходя к вопросу *исторически*. Тот, кто оперирует только фактами текущего дня, кто неспособен связать сегодня с историческим вчера, тому не дано правильно наметить и решение вопроса.

Если взять отрезок времени примерно от начала второго десятилетия XX века и до наших дней, то мы констатируем *смену ряда исторических периодов,* когда рабочий класс то поднимается к борьбе, то отступает, чтобы снова подняться. За сравнительно короткий срок — примерно 12 — 14 лет — мы насчитываем *пять* сменивших друг друга периодов.

Предвоенные годы проходят во всем мире под знаком *обострения классовых и национальных конфликтов.* Небывалые дотоле в Европе забастовки (Англия, Франция, Германия), массовое движение трудящихся города на почве дороговизны,

широкая политическая борьба против милитаризма, ряд революций на Востоке, первые брожения в колониях свидетельствовали о начале новой эпохи. В эту полосу лихорадочного состояния мир вступил еще после революции 1905—1906 г.г., но разгоревшийся пожар классово-национальной освободительной борьбы был потушен войной.

Военные (1914—1918) годы, это — период «гражданского мира» между классами, когда пролетариат, руководимый социал-демократией, отказывается от самостоятельной классовой политики, когда он свои интересы подчиняет интересам защиты своего «отечества». Империализм торжествует по всей линии: он победил социализм, он подчинил его своей не только материальной, но и *духовной* власти. Империализм выступает в качестве бесспорного вождя нации, его идеология побеждает, пропитывает собою все идеологии, — за одним только исключением: большевизм, коммунизм не делает ни единой уступки империализму. Но большевизм в этот период — еще идея, не овладевшая массами и, следовательно, не ставшая *силою* в исторической борьбе.

1918 — 1920 г.г. — эпоха «мирового большевизма». Политическое могущество буржуазии расшатано, экономическая система капитализма подорвана. Массы требуют реализации широких обещаний военного периода. Массы «заражены» великим примером победы большевизма на востоке Европы. Возникает *Коммунистический Интернационал,* основная задача которого *развернуть российскую пролетарскую борьбу и победу — в борьбу и победу во всем мире*. Мировая буржуазия отвечает на это наступление революции комбинированными средствами: внутри ведет «умеренную», «демократическую» политику вильсонизма, коалируется с социал-демократией, идет на ряд частичных уступок пролетариату, во вне предпринимает бешеное контр-наступление против революции: *интервенция* — это попытка мирового капитала затушить российский революционный очаг, заделать гигантскую брешь, образовавшуюся в здании империализма. Итог: *мировой большевизм потерпел поражение в том смысле, что он не смог победить в европейском масштабе, империализм потерпел поражение в том смысле, что он не смог победить российскую революцию.* Отступив в борьбе с буржуазной Европой, большевизм «окопался» на неприступной советской земле. Отступив от советских стран, империализм

перешел в наступление против внутреннего большевизма, против всего рабочего класса.

Наступление капитала (1921—1923 г.г.) по линии политической прежде всего означает захват власти партиями крайней реакции (в Англии — консерваторы, во Франции — национальный блок, в Италии—фашисты, в Германии — блок буржуазных партий, в Польше—народовые демократы, в Испании—фашисты, в Болгарии—фашисты, в Швеции—консерваторы). Умеренные либеральные представители буржуазной реакции (в Англии — Ллойд-Джордж, во Франции — Бриан, в Италии—Факта, в Германии—Вирт, в Польше—Витос, в Швеции—Брантинг) отходят на второй план. По линии экономической наступление капитала означало повсеместный планомерный нажим на позиции, завоеванные рабочим классом в эпоху мирового большевизма (8-часовой рабочий день, заработная плата, охрана труда).

Социал-демократия с облегчением сердечным провозглашает на весь мир «окончательное» упрочение капитализма, «окончательный» крах всех революционных «иллюзий». Наступившая эпоха,—заявляет теоретик русского меньшевизма Далин в своей книге в 1922 году,—это эпоха «*после* войн и революций», эпоха мирного сотрудничества наций, государств, классов, эпоха реформ и постепенного процветания на почве демократии. Революции—насильственной, большевистской революции, той, которая рисовалась пылкому воображению «утопистов» Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля,— такой революции не будет более никогда.

Так говорил теоретик российского меньшевизма. То же самое вещал и теоретик мирового меньшевизма Карл Каутский в книге: «Пролетарская революция и ее программа». Насильственные перевороты допустимы — вернее, *были* допустимы лишь в прошлом, и только в отношении феодально-монархических, абсолютистских правительств. Но восставать против буржуазно-демократических правительств—это безумие, варварство. На почве демократии, в рамках демократии пролетариат, под руководством его наиболее сознательной, наилучше организованной, «процветающей части» (выражение Каутского), сможет постепенно, сначала в коалиции с буржуазией, а потом и самостоятельно, притти к власти. Маркс и Энгельс думали, что в переходный от капитализма к социализму период необходима будет диктатура

пролетариата. Каутский считает, что это заблуждение: «естественной» формой власти в переходный период является не диктатура, а... *коалиция*.

На основе этой ренегатской, отреченской, ликвидаторской программы *консолидируется* мировая социал-демократия в эпоху победоносного наступления мирового капитала.

А в 1918—1920 г.г., когда наступал пролетариат, когда буржуазия находилась в состоянии растерянности и даже паники, когда ее власть висела на волоске, социал-демократия была разбита на две части и действовала на основе двух программ. Правая часть, об'единенная во II Интернационале, целиком стояла на почве демократии и коалиции и *активно* воевала против революции—в союзе с военщиной, полицией, буржуазно-дворянской белой гвардией. (В Германии Носке-Шейдеман, в Польше Пилсудский-Дашинский, в России меньшевики-активисты и т. д.) Левая часть социал-демократии, об'единенная в 2½ Интернационале (Мартов - Дан в России, Криспин - Гильфердинг в Германии, Бауэр - Адлер в Австрии и т. д.), выставляла лозунг «сочетания» диктатуры и демократии, советизма и парламентаризма, допускала ограничение политических прав имущих классов, декларировала необходимость революционного завоевания власти пролетариатом, но на всех этапах борьбы удерживала пролетариат от решительных действий, путалась у него в ногах, убивала в нем дух борьбы и всем этим *помогала* буржуазии удержать свои позиции, окрепнуть, а затем перейти в наступление. Когда социал-демократии показалось, что положение мирового империализма достаточно упрочилось, что революционные «иллюзии» в европейском рабочем классе выветрились, она стянула свои фланги и в мае 1923 года на Гамбургском конгрессе образовала единый «социалистический» «рабочий» Интернационал. Основной для всякого класса вопрос о власти «социалистический» Интернационал оставил «*открытым*»*!* Но фактически, разумеется, конгресс целиком стал на почву коалиционного сотрудничества классов. «Социалистическим» министрам лишь предлагалось на время пребывания в буржуазном министерстве выйти из состава Исполкома Интернационала... О советизме и революции никто более не вспоминал. Ибо *социал-демократия об'единилась на основе капиталистической победы,* и она хотела, чтобы эта победа была длительной, прочной, если не «вечной».

Значение «новой эры»

Новый перелом в мировой обстановке наметился во второй половине 1923 г. Надежды социал-демократии не оправдались: «нормальное» господство буржуазии заколебалось слишком быстро. Пролетариат от обороны постепенно стал переходить к контр-атакам, предпринимать встречные бои, подготовлять наступательные действия как по линии экономической, так и по линии политической. *Усиление активности пролетариата революционизирующе подействовало на значительные круги мелкой буржуазии,* ничего хорошего не получившей от укрепления «нормальной» крупно-буржуазной власти. В результате, период от августа 1923 года по июнь 1924 года характеризуется общим постепенным усилением революционного и оппозиционного движения в Европе. Германские события осени 1923 года, революционные бои в Болгарии и Польше, поражение консерваторов в Англии и национального блока во Франции, кризис фашизма в Италии, поражение консерваторов в Японии—все эти факты свидетельствуют о том, что обстановка начала меняться в неблагоприятную для империализма сторону. С этой точки зрения большое *показательное* значение имеет оформление левого крыла в Амстердамском профсоюзном Интернационале, выступление левых вождей (Фиммен, Персель, Кук) с левыми речами на Венском (июнь 1924 г.) конгрессе этого Интернационала. В. И. Ленин учил нас оценивать «полевение» социал-демократических и профсоюзных вождей прежде всего и главным образом с той точки зрения, что это «полевение» *отражает* в слабой и приблизительной степени *действительное полевение рабочей массы, действительный рост ее сознательности и активности.* Когда социал-демократия «левеет», это — вернейший признак того, что в глубинах пролетариата назревают великие события. «Леветь» начали профсоюзные вожди, ибо профсоюзы ближе, непосредственнее связаны с массой, чем развращенные сотрудничеством с буржуазией, поглощенные парламентскими комбинациями и махинациями, оторванные от рабочего класса партийные вожди. Но с расширением и усилением революционного движения постепенно будет оформляться и «левое» крыло социал-демократии. Осенью 1923 года революционная борьба германского пролетариата разрывала на части германскую социал-демократию.

Ее спасла от развала победа буржуазии, после того как она предварительно спасла... самоё буржуазию. Ныне об'единенная социал-демократия повсюду служит опорой «демократической» власти. Однако новая революционная борьба масс безжалостно *растреплет* социал-демократию, а победа пролетарской революции *ликвидирует* ее...

Да, «нормальное», так сказать, «единоклассовое» правление буржуазии оказалось недолговечным. На авансцену снова выдвигается отвергнутая так недавно вильсоновская всеспасающая, всеблагая «демократия», снова к власти призывается социал-демократия. О чем говорит этот факт? Почему вдруг настала «новая эра» вильсонизма? Что означает столь быстрое возвращение меньшевизма из «отпуска»?

Ответ один. Капитализм настолько внутренне прогнил, настолько он по сути дела беспомощен перед лицом гигантских противоречий, затруднений, проблем, настолько он неспособен наладить нормальную жизнь, что, как только пролетариат снова зашевелился, как только проявились первые признаки его активности, командующие группы буржуазии оказались вынужденными снова прибегнуть к помощи, к поддержке «процветающей», подкупленной, развращенной верхушки пролетариата, руководимой социал-демократией. Перед ней снова ставится задача: еще и еще раз помочь буржуазии выпутаться из трудного положения, еще и еще раз спасти ее от гнева пробуждающегося пролетариата. Стало быть, *«новая эра» свидетельствует не о силе, а о слабости, о внутренней подточенности капитализма.* Меньшевиков призвали вновь потому, что дела буржуазии очень плохи. Это она чувствует великолепно. *Эррио* в палате депутатов при обсуждении правительственной программы заявил буквально следующее:

«Мы стоим накануне очень больших затруднений. 1925 год—опасный год. Необходимо много осторожности и предусмотрительности».

Да, буржуазия не от хорошей жизни призывает Макдональдов, Реноделей, Стаунингов (датский премьер-министр), не от хорошей жизни призовет завтра Вандервельдов и Тұратти. *Одного факта возвращения к власти социал-демократии было бы достаточно для того, чтобы заключить о глубочайшем кризисе империализма.*

Несущаяся в пропасть Европа

Но если присмотреться поближе к послевоенному капитализму, то какая же картина открывается перед нами? В области *экономики* никто не верит в длительность и прочность хозяйственной стабилизации и хозяйственных успехов буржуазии. Не успели литературно-политические лакеи капитализма сочинить первые восторженные брошюры об «изживании» кризиса, как им уже приходится бить отбой: уже появились первые трещины в хозяйственно-производственной «твердыне» Америки, Англии, Германии, — стонут от промышленного кризиса Польша и Румыния. Преданнейший буржуазии экономист Петр Струве об'яснил недавно в белой печати «секрет» небывалого промышленного процветания Америки: производилась гигантская работа по «починке» страны, по переоборудованию промышленности. За время войны, — говорит Струве, — все было запущено, никто не думал о ремонте, о строительстве, о замене изношенных машин новыми и т. д. Теперь Америка взялась за все это и развернула небывало широкую работу по изготовлению средств производства, по ремонту старых и постройке новых домов, по проведению железных дорог, изготовлению автомобилей и т. д. На основе усиления производства расширился и внутренний рынок. Но вот средства производства готовы, дома построены, на каждые пять человек приходится один автомобиль, — и... сокращается производство, ибо больше машин и домов не нужно. Придется еще больше сократить производство, ибо рынков недостаточно — гниющая Европа покупать не может, внутри — фермеры разоряются и бегут в города (Струве говорит, что чудовищно разбухшее во время войны сельское хозяйство Америки неизбежно должно сжаться до размеров довоенных.). В перспективе — гигантский кризис промышленности, углубление и расширение кризиса сельского хозяйства.

Америка неизбежно идет к кризису, Европа по сути дела не выходила из состояния глубочайшего кризиса. Неустойчивость валют наиболее ярко отражает неустойчивость всей экономики. Милитаристическая горячка свидетельствует о том, что мир во власти слепой, безумной капиталистической стихии. Безработица для ряда стран, и прежде всего для Англии, попрежнему является труднейшей проблемой. Основной

для Европы вопрос о репарациях еще очень далек от разрешения, несмотря на план экспертов, несмотря на одобрение этого плана всеми буржуазными и социал-демократическими партиями, всеми правительствами. План экспертов натолкнется на решительное сопротивление пролетариата. Международный капитал увидит, что не все его планы осуществляются на деле. Чем больше будет проявлять себя поднимающийся к новой борьбе пролетариат, тем больше *добавочных* трудностей будет накопляться на пути буржуазии.

Подводя итоги французским выборам, вождь «левого» либерализма Милюков писал:

> «Послевоенная жизнь в Европе продолжает быть трудной и тяжелой. Шесть лет прошло с тех пор, как народы сложили оружие, подписали договор о мире, а их правительства приступили к нахождению «устойчивого равновесия» государственной жизни. Работа движется, но в определенный срок избирающий народ в день выборов своим вотумом показывает то давление, которое испытывает народный барометр».
>
> «*Переменчивое*» — так можно охарактеризовать давление 1924 года в Западной Европе. *Выход еще не найден,* и очевидно, что *вызвать бурю легче, чем потом «faire le beau temps» (делать хорошую погоду).* (См. «Последние Новости», 13 мая 1924 г.)

«Переменчивое»! Либералу угодно дать метеорологическое название тому социально-политическому *сдвигу,* который происходит в массах. Но он понимает, что дело идет о серьезном. «Выход еще не найден». Капиталисты за шесть лет не нашли этого выхода, хотя никто им не мешал, никто их не блокировал, не осаждал, хотя они при всей разрухе, созданной их войной, располагали огромнейшими богатствами, опирались на превосходный аппарат, на богатейшую культуру, знание, навык. Все-таки «выход еще не найден», и поэтому очень легко можно «вызвать бурю». Какую? Милюков прозрачными намеками дает ответ. Он пишет:

> «Война не только разрушила Европу, но она *переменила и ожесточила народную* психологию... Сложив оружие, народ остался тем же народом, перенесшим всю тяжесть борьбы, принесшим неисчислимые жертвы, и он

> требует теперь себе за это *лучшей жизни*. Пока не будет достигнуто этого, «кризис парламентаризма» будет длиться там, где он есть, а где его нет — там *придут другие кризисы, но уже с явлениями едва ли «парламентарного характера»*. (Там же.)

Вот откуда, значит, угрожает «буря»! Народ требует «лучшей жизни», а империализм дает жизнь худшую, чем довоенная, и с перспективой на ее дальнейшее ухудшение. Империализм грабит, угнетает, доводит до состояния нищеты не только пролетариат, но и *средние слои* — мелкую буржуазию, интеллигенцию. Но массы уж не те, какими они вошли в войну. Их «психология» изменена и «ожесточена». Сегодня они вызывают в решающих странах Европы парламентские кризисы. Но завтра, если буржуазия все еще не найдет «выхода», массы создадут империализму «другие кризисы, но уже с явлениями едва ли парламентского характера», — массы создадут *революционный кризис империализма*. Вот это и значит — «переменчивое».

И вот почему все мыслящее в буржуазии об'ято тревогой, вот почему печать неуверенности и неустойчивости лежит на всем, что делает буржуазия. Весьма, с этой точки зрения, показательно состояние нынешних парламентов. В Англии, Франции, Германии нет устойчивого парламентского большинства, стоящие у власти правительства опираются на комбинации разнородных сил, на непрочные, ненадежные коалиции. В самих парламентах — небывало резкие столкновения, постоянные скандалы, постоянные драки,—общая нервность и неустойчивость... Так бывает, когда создается положение «переменчивое», когда в воздухе пахнет приближающейся бурей».

Полное бессилие парламентов еще Л. Мартов вынужден был констатировать в 1922 г. в споре со своими, как он их называл, — «либеральными социалистами». Мартов говорил о «фашистском коррективе» к парламентаризму, о всевластии банков, бирж, военщины, фактически сведших роль парламентов к нулю. Это было сказано в эпоху наступления капитала. Но кто скажет, что в нашу «демократическую» эпоху «фашистский корректив» менее чувствителен, что Макдональды и Эррио не находятся во власти империалистических концернов, банков, трестов, во власти военщины?.. Буржуа-

зия сама себя лишает фактически парламентского прикрытия. Так бывает, когда появляется нечто «переменчивое»...

От «левого» кадета перейдем к «левым» меньшевикам. Как они смотрят на положение, на «судьбы капитализма» в Европе? Подводя итоги парламентским выборам в Германии и во *Франции,* «Социалистический Вестник»—центральный орган меньшевиков — писал:

> «Уже английские выборы показали, что подпочвенные воды истории подмывают господство наиболее реакционных элементов буржуазии, ставших в странах Антанты у правительственного руля, после того как раз'единенный междоусобной борьбой пролетариат отступил на оборонительные позиции. *Молот острейших экономических, национальных и политических противоречий,* охвативших Европу после Версальского завершения мировой войны, с такой тяжестью ударявший по народно-хозяйственному организму побежденных стран, *не пощадил и торжествующих победителей,*—и те и другие оказались прикованными к одной и той же *несущейся в пропасть колеснице послевоенной Европы*». («Соц. Вестник» № 11, 28 мая 1924 года.)

«Несушаяся в пропасть» буржуазная Европа! Это сказано несколько сильнее и несколько точнее, чем метеорологическое «переменчивое» определение левого либерала Милюкова. И это признание убийственно и для капитализма, и для меньшевизма, который совсем еше недавно об'явил оконченной эпоху войн и революций, который рисовал — и все еще рисует — перед пролетариатом исключительно мирные перспективы. Но не видеть то, что есть, меньшевики не могут. Новую «демократическую» вильсонистскую «эпоху» они оценивают следующим образом:

> «Новая международная ситуация приносит с собой *более мирные,* более культурные, более осторожные методы осуществления Версальского договора, чем изживаемая эпоха господства международной реакции. Но *от этого сами условия Версальского мира ни на чуточку не теряют своих пагубных последствий для всей хозяйственной и политической жизни Европы.* И от этого *проект экспертов,* стоящий на почве Версальских постановлений,

не получает свойства чудодейственного средства, излечивающего все болячки послевоенного мирового хозяйства. *Наоборот, он сам несет в себе зерна новых затруднений и новых конфликтов,* которые неизбежно возникнут при проведении его в жизнь». (Там же.)

Вот приговор, произнесенный самими меньшевиками над новейшей политикой мирового меньшевизма. Ибо ведь «более мирные, более культурные, более осторожные методы осуществления Версальского договора» практикуют именно вожди II Интернационала во главе с Макдональдом. Проект экспертов одобрен и выдается за самое действительное спасительное средство Исполкомом II Интернационала, за план экспертов энергично стоят социал-демократические партии Франции, Бельгии, Германии, Австрии, Англии.

Мировой меньшевизм прочно уцепился за «несущуюся в пропасть колесницу послевоенной Европы», вместе с капитализмом он катится в историческую яму и туда же тянет рабочий класс. Мировой меньшевизм и думать не смеет о пересмотре Версальского договора. В английском парламенте Макдональд *высмеивает* самую мысль о пересмотре. Это вполне понятно. Версаль, это — высшее олицетворение политического творчества послевоенного капитализма. Меньшевизм в основном не может осуществлять иной политики, кроме той, которая намечена буржуазией.

Вернемся к «судьбам капитализма». В мае т. г. пленум ЦК партии меньшевиков выработал новую партийную платформу. Во вводной части этой платформы дается обстоятельная характеристика послевоенного капитализма. Платформа констатирует, что «послевоенный капитализм не в силах обеспечить длительного периода действительной устойчивости и органического под'ема», что он «перелагает всю тяжесть послевоенного бремени на плечи рабочих масс», что он «понижает уровень жизни рабочего класса» и всем этим «наново обостряет социальные отношения». «В области экономики, — заявляет платформа, — послевоенный капитализм неспособен обеспечить столь быстрый экономический прогресс, какой требуется состоянием масс и гигантским разрушением производительных сил Европы». Наконец, меньшевистская платформа констатирует, что «послевоенный капитализм стоит перед лицом непрекращающегося роста сухо-

путных, морских, воздушных и иных вооружений на фоне массового обнищания и разорения в целом ряде стран и оказывается неспособным действительно обеспечить мир». Общий вывод, к которому приходит меньшевистская платформа, формулирован следующим образом:

> «Новая фаза капитализма, не устраняющая основного антагонизма капиталистической системы — противоречия между неслыханным дотоле планомерным сосредоточением орудий производства в руках немногочисленной олигархии частных собственников и гигантским обобществлением производства в целых огромных отраслях, — неизбежно ведет при колоссальном самосознании масс, с одной стороны, и господствующем состоянии социальной и политической неустойчивости, с другой, к дальнейшему *углублению и обострению социальных противоречий.* Борьба рабочего класса за *политическую власть* в целях устранения этих противоречий, путем обобществления орудий производства, становится *основным содержанием ближайшей исторической эпохи*». («Соц. Вестник» № 12 — 13, 20 июня 1924 г.)

К этой характеристике послевоенного капитализма прибавить нечего. Самые крайние оптимисты из рядов коммунизма не давали более убийственной характеристики современного империализма, чем это сделано в платформе меньшевиков. И выводы, вытекающие из наличной социально-политической обстановки, также ясны меньшевикам: «Борьба рабочего класса за политическую власть... становится основным содержанием ближайшей исторической эпохи». А в цитированной выше статье об итогах французских и германских выборов «Соц. Вестник» высказывался еще более категорически: «*Без прихода рабочего класса к власти нет выхода из послевоенного тупика*».

«Субъективный фактор» в революции

Картина ясна. Капитализм находится в состоянии беспрерывного тягчайшего кризиса. *Эпоха войн и революций продолжается.* Рабочий класс должен притти к власти. Только этим путем можно спасти несущуюся в пропасть буржуазную Европу. Но приход к власти рабочего класса невозможен

без революционного свержения капиталистических правительств, без гражданской войны, без диктатуры. Новейшая форма обмана и предательства «левого» меньшевизма в том и заключается, что он, рисуя ужасную картину состояния послевоенного капитализма, декларируя необходимость прихода к власти пролетариата, вместе с тем уверяет рабочий класс, будто он сможет стать у власти без революции, на основе «корректированной» фашизмом «демократии», парламентски используя затруднения капитализма. Это величайший обман. Если затруднения капитализма не будут использованы революционной партией для его *свержения,* если рабочий класс будет надеяться, что буржуазия, попав в «безвыходное» положение, сама добровольно сдастся, то новые и тягчайшие поражения пролетариату обеспечены. На 2-м конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

> «Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не *усыпила* такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не *подавила* такое-то *движение или восстание* такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Попытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. *Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика.* Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. *Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции».*

Об'ективная обстановка в Европе революционная. Этого факта не могут скрыть ни либералы, ни меньшевики. Центр вопроса теперь находится в «суб'ективном факторе»—в организованности и сознательности пролетариата, в его готовности к решающим битвам, в способности его коммунистического авангарда возглавить и завершить победоносно рево-

люционное восстание пролетариата. Революционная активность, воля, энергия рабочего класса и его партии,—эти «суб'ективные факторы» на фоне об'ективного кризиса капитализма имеют *решающее* значение. Меньшевизм отвлекает внимание рабочего класса от этого важнейшего обстоятельства и тем оказывает ценнейшую услугу капитализму. Полуменьшевистские элементы в коммунизме («правый уклон»), недооценивая значения «суб'ективных факторов», тем самым препятствуют победе пролетариата.

Буржуазия отнюдь не страдает грехом недооценки «суб'ективных факторов». Ее вожди всячески маневрируют, лавируют, сегодня выдвигают одни средства, завтра другие, послезавтра их сочетают, все время имея в виду одну основную цель: сохранение основ капиталистического господства. Какими средствами располагает ныне капиталистическая стратегия?

На первый план выдвинута вильсонистская «демократия». Задача заключается в том, чтобы пацифистскими фразами *отвлечь* внимание пролетариата от революционной борьбы. Необходимо расколоть пролетариат, необходимо всячески препятствовать его об'единению на боевой платформе. Тут главная роль возлагается на социал-демократию, при обострении положения—в особенности на ее «левое» крыло.

Одновременно ведется энергичнейший натиск на коммунистическую партию. Социал-демократия воюет против коммунизма по преимуществу «идейно», подготовляя почву для «материального» воздействия со стороны фашистов, полиции и военщины. Задача заключается в том, чтобы разорвать связь между революционной массой и ее боевым авангардом, чтобы *обезглавить* пролетариат.

Наконец, как одно из средств самозащиты умирающего капитализма, в «резерве» имеется *наступление* на внешний коммунизм, на Советский Союз. В зависимости от ряда конкретных условий, империализм снова может поставить все на карту и наброситься на республику Советов. Наличность «демократических» правительств является слабой гарантией в данном случае. Наоборот, в известном смысле «демократия» может стать весьма удобной для проявления империалистического авантюризма.

Необходимо иметь в виду, что буржуазия, выдвигая на передний план «демократию», одновременно оставляет на

сцене вооруженный до зубов фашизм. «Демократия» не посмеет тронуть пальцем фашистские организации. Оружие в руках боевых шаек буржуазии сохраняется и приумножается. Малейшее изменение в соотношении общественных сил в пользу буржуазии или начало открытой гражданской войны будет означать, что «демократия» быстро получит по шапке и на авансцену снова выступит фашистско-консервативная реакция керзоновской, муссолиновской, пуанкаристской или гитлеровской марки.

Смена боевых методов буржуазии может происходить быстро еще и потому, что если в 1919—1920 г.г. аппарат капиталистических государств был в корне расшатан, а фашизм только еще складывался, то ныне государственный аппарат буржуазии действует не плохо, а фашизм вполне сложился в качестве боевой гвардии капитализма. Кризис фашизма и реакции ни в какой мере не означает их решающего поражения. «Демократия» реакции не страшна, «демократия» сама находится в руках воинствующего империализма. *Судьба фашистско-империалистической реакции может быть решена только на баррикадах революционной гражданской войны*. И тут снова и снова решающее значение имеет коммунистическая партия. В августе 1921 года, в письме к немецким коммунистам, *Ленин* говорил:

> «Не терять хладнокровия и выдержки; систематически исправлять ошибки прошлого; неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; вырабатывать в себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии, — вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу».

Фашизм, это—практический результат учета буржуазией «русского опыта». Партии Коминтерна учитывают «русский опыт» тем, что постепенно «большевизируются», т.-е. приобретают необходимейшие качества боевой революционной партии. В 1918—1919 г.г. европейская буржуазия удержа-

лась потому, что при революционной обстановке не оказалось революционной партии. При новой создающейся революционной ситуации, революционные партии, руководимые Коминтерном, налицо. Об'ективный и суб'ективный факторы сочетаются и дают максимум гарантии того, что из ближайшей неминуемой войны классов в Европе победителем выйдет пролетариат.

* * *

Эпоха войн и революций, открытая российским 1905 годом, продолженная балканской войной, китайской революцией, мировой войной, Октябрьской революцией, средне-европейской революцией,—эта великая эпоха революционного крушения империализма и утверждения пролетарской диктатуры — продолжается.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Несколько недель понадобилось для того, чтобы весь капиталистический мир от Японии до Ирландии загорелся и — началась *первая* мировая империалистская война. Нескольких недель оказалось достаточным для *всемирного* военного взрыва, ибо империализм целиком, во всех своих частях был подготовлен к тому, чтобы от одной искры загореться пламенем невиданных пожаров.

Война — это была величайшая *победа* капитализма и одновременно величайшее его поражение. Это была победа, ибо капитализм сразу все подчинил своей власти, своей воле, — даже и те силы, которые дотоле, казалось, находились в непримиримой вражде с ним: капитализм сразу выступил в качестве бесспорнейшего вождя и гегемона нации, всех ее классов. «Гражданский мир» означал «всеобщее» признание буржуазии единственным «спасителем» нации, государства, культуры.

Но одновременно война исторически была величайшим *поражением* капитализма, ибо она вскрыла его полное бессилие справиться со своими собственными противоречиями без чудовищной растраты, разрушения, расхищения колоссальнейших материальных благ, без уничтожения десятков миллионов человеческих жизней, без того, чтобы в течение ряда лет превратить мир в одну гигантскую фабрику саморазрушения.

Основные итоги войны известны. По самой скупой официальной статистике убито 9.890.000, ранено 23.900 000. Количество убитых равно количеству населения всей Болгарии и Швеции. Количество увечных равно количеству населения Швеции, Финляндии, Литвы, Эстонии, Болгарии. Военные издержки, не считая военных долгов, составляют около 500 миллиардов руб., военные разрушения—около 80 миллиардов

руб. (одних пароходов потоплено на $3\frac{1}{2}$ миллиарда), материальные убытки от человеческих потерь — смерти, ранений, болезней — 15 миллиардов руб. Всего расходы, вызванные войною, и потери, вызванные войной, выражаются в сумме около 600 миллиардов руб. Что эта сумма означает?

До войны ежегодный национальный доход Америки выражался в сумме 70 миллиардов руб., доход Англии—22 миллиарда, Германии—21 миллиард, России—13, Франции—12, Австро-Венгрии—8. Всего шесть решающих стран мира получали ежегодно 146 миллиардов руб., т.-е. $\frac{1}{4}$ того, что было загублено за четыре года четыре месяца войны. Кто, когда, какими путями, какими реальными средствами возместит человечеству эти неслыханные потери? Кто, когда, какими реальными средствами залечит эти раны, нанесенные миру капитализмом?

Империалистская война исторически являлась величайшим поражением капитализма, империалистский мир обнаружил его полнейшее банкротство, — банкротство по линии политической, экономической, идеологической, банкротство решительное, непоправимое.

Идеология войны

Начнем с *идеологии*. Ни одного слова правды относительно своей собственной войны империализм сказать не смел. Вся она была основана на невероятной лжи, на чудовищном обмане, лицемерии. В этом смысле война велась империализмом *воровским* способом. Этот способ мог удасться капитализму потому, что его целиком поддержала социал-демократия. Но замечательно то, что капиталистические руководители мира не смели открыть массам подлинные цели войны, ибо эти цели давным-давно скомпрометированы, ибо подлинная военно-империалистическая идеология есть идеология бессмысленного чудовищного грабежа и насилия. Не смея говорить правду о своей войне, буржуазия творила *легенды* о войне «справедливой», «освободительной», о «последней войне» во имя «права» и «цивилизации». *Программа Вильсона,* которую на словах принимали все империалисты, содержала в себе обещания об открытой дипломатии, о сокращении вооружений, об устранении всех «экономических барьеров», о «всеобщей лиге наций в целях создания взаимных гарантий поли-

тической независимости и территориальной неприкосновенности как великих, так и малых государств» и т. д. и т. п.

Программа Вильсона провозглашала «принцип справедливого отношения ко всем народам и национальностям и их праву на существование в одинаковых условиях свободы и безопасности в отношении друг к другу, все равно, принадлежат ли они к числу сильных или слабых народов. *Если этот принцип не будет положен в самую основу международных отношений, то никакого международного права и справедливости быть не может*». Заключительные строки вильсоновской программы мира, оглашенной в американском парламенте 8 января 1918 года, звучали так: «*Наступил момент морального перелома, наступила последняя война за свободу человечества,* и американский народ готов бросить на весы свое собственное могущество, свои высшие цели и стремления, самое свое существование и преданность идеалам».

Такова была официальная программа и идеология войны всех воюющих держав, в том числе и вильгельмовской Германии, где также немало прекрасных слов было наговорено относительно «свободы», «права» и «справедливости». Когда от слов перешли к делу, сначала в Германии, а затем в странах Антанты эта вильсоновская программа, эта демократическая идеология войны потерпела полнейший крах. Легенды о «справедливой» войне были рассеяны, подлинные цели, подлинное лицо империализма открылось. И если широкие массы в войну вступали и войну проделывали, находясь под гипнозом «возвышенной» идеологии империалистской войны, то уже после империалистского мира, сначала Брестского, затем Версальского, ценность этой великолепной идеологии стала для всех очевидна. Империализм лишился красивого идеологического прикрытия, ныне он стоит перед лицом человечества в виде чудовищного обнаженного зверя.

«Восстановление»

600 миллиардов, в том или ином виде загубленных на войне. Европа должна Америке 16 миллиардов руб., в том числе Англия — 7 миллиардов. Союзники должны Англии 14 миллиардов, в том числе Франция—4½ миллиарда. Как, какими средствами. из каких *реальных* источников будут погашены эти долги? Когда и как будут созданы

те *новые* богатства, часть которых может пойти на оплату долгов?

Победоносный антантовский империализм располагает при решении *проблемы восстановления* двумя основными источниками: 1) Германия, 2) «свой» рабочий класс. Ограбление Германии все послевоенные годы шло весьма успешно, однако воинствующая империалистская клика Франции добивается уничтожения Германии, как крупнейшей индустриальной державы, и окончательного упрочения военной и промышленной гегемонии Франции над Европой. Такое «решение» репарационной проблемы резко обостряет внутренние отношения между союзниками. В итоге — новейшая попытка «справедливого» решения вопроса в виде плана экспертов. Что касается другого источника «восстановления» — рабочего класса, то его эксплоатация за период *наступления капитала* (1921 — 1923 г.г.) все возрастала. В 1924 г. намечается все возрастающая *активность пролетариата,* что «осложняет» положение буржуазии, затрудняя ее работу по залечиванию ран послевоенного капитализма.

В чем сущность плана экспертов? По линии международной это означает: *гегемония в Европе принадлежит не Франции, а Америке.* С кем при этом Америка будет «сотрудничать» — с Англией или Францией, — этот вопрос окончательно еще не решен. По линии внутригерманской план экспертов означает переложение центра репарационных тяжестей на плечи рабочего класса. Репарационная доля германских рабочих увеличивается ценою резкого ухудшения их положения. Но усиление эксплоатации немецкого пролетариата означает неизбежное ухудшение положения рабочего класса и других стран. Уже в *международном* масштабе капитализм восстановляется ценою огромного понижения жизненного уровня пролетариата.

Но выработать «мудрый» план экспертов не значит провести его в жизнь. Три основных препятствия лежат на пути осуществления этого плана.

Первое препятствие — Германия. Она «принимает» проект экспертов, как приняла в свое время Версальский мир, как приняли мы в 1918 году Брестский мир. Осуществление этого плана Германия будет саботировать всяческими путями, при первой же малейшей возможности она попытается сорвать душащий ее репарационный план.

Второе препятствие—разногласия между Англией и Францией, Англией и Америкой. Лондонская конференция (июль — август 1924 г.), созванная в целях примирения расходящихся точек зрения англо-франко-американской буржуазии, не даст этого примирения и дать не может, ибо *ничего нового в политике Франции по существу нет, ибо Эррио продолжает политику Пуанкарэ.* 6 июля во французском сенате, после ораторской дуэли Пуанкарэ-Эррио, между партиями национального блока и левого блока было достигнуто *единогласие.* Группа Пуанкарэ во главе со своим шефом *выразила доверие правительству Эррио* потому, что заявления Эррио по вопросам внешней политики *удовлетворили* Пуанкарэ и его партию. Но это значит, что серьезное, длительное примирение англо-французской политики становится невозможным.

Третье препятствие, стоящее на пути осуществления плана экспертов, это — *борьба германского и международного пролетариата* против плана, в основе которого лежит безграничная эксплоатация рабочего класса. Каждая крупная стачка будет ударом по плану экспертов. Срыв попытки экономического закабаления пролетариата будет срывом этого «гениального» плана. Борьба в защиту 8-часового рабочего дня, борьба против уменьшения заработной платы, это есть самая действительная борьба против репарационного плана мирового капитала... Проблема восстановления остается... проблемой.

Спасения ждут от Америки. *Ллойд-Джордж* в книге «Мир ли это?» («Изд-во «Пучина», Ленинград-Москва, 1924 г.) пишет:

> «Существует *единственная возможность* справедливого и окончательного решения в деле репараций — добиться присутствия представителя Северо-Американских Штатов в учреждении, имеющем решить этот вопрос. Если Америка не примет участия в вопросе репараций, решение этого вопроса по существу будет отсрочено до *рокового момента непоправимого бедствия.* Если Америка не может занять пустующего места в международном трибунале, который должен разрешить *роковые для человечества спорные вопросы,* то я не имею ни *малейшей надежды* на возможность какого бы то ни было улучшения в общем положении». («Мир ли это?», стр. 55.)

И вот, Америка пришла в Европу, точнее, *вернулась* в нее после ухода в 1919 г. Но оправдаются ли надежды бывшего премьера Британской империи? Спасет ли республика банкиров — Джек Лондон называл ее «республикой разжиревших свиней»,—спасет ли эта великая республика доллара измученную, истерзанную Европу? *Ж. Кайо* — бывший премьер Франции — иначе смотрит на дело, чем Ллойд-Джордж. В книге: «Куда идет Франция? Куда идет Европа?» (Госиздат, 1923 г.) Кайо пишет:

> «*Одряхлевшая Европа* стоит перед лицом Америки и других стран, находящихся в состоянии *горячки и гипертрофии*. Соединенные Штаты, Япония, Канада, Австралия страдают от финансовой и экономической разрухи, от того что *не находят, как прежде, рынков на нашем полушарии и не получают больше оттуда фабрикатов*» (стр. 145).

Америка возвращается в Европу, — но у нее свои проблемы, свои кризисы. Она поддержит Европу, как веревка поддерживает повешенного. Америка будет «спасать» Европу в качестве своей... колонии. В самом деле, с чем республика миллиардеров вернулась в Европу? В 1918 — 1919 г.г. значительные массы измученного войной мещанства и даже рабочего класса Европы ждали чуда от могущественной республики, ждали каких-то неиз'яснимых благ от Вильсона, от 14-ти пунктов его программы. Капиталистическая идеология войны не была еще разоблачена до конца, демократически-пацифистские иллюзии были еще сильны.

А теперь — с чем приходят Дауэс и Юз? с чем приходит Морган? Что несут они Европе, что несут Германии? План экспертов — какому из 14-ти пунктов вильсоновской программы соответствует он?

Заем в 200 — 300 миллионов рублей для Германии — вот то «чудо», которое обещает совершить моргановская «демократия», если... если Европа будет вести себя прилично. Получив заем, Германия упрочит свои финансы и начнет аккуратно выплачивать репарационные суммы. А ее железные дороги, ее промышленность будет работать под «контролем» международного, т.-е. прежде всего и главным образом *американского,* капитала. «Контролируя Германию, регулируя ее хозяйство, регулируя ее платежи, Америка тем самым

фактически «контролирует» всю Европу, т.-е. командует над Европой, — командует силой доллара.

Доллар — это самый передовой, самый ловкий, самый бесцеремонный тип капитала. Что означает его гегемония в Европе? Будет ли это знаменовать собою торжество вечного мира и справедливости? Доллар приходит в Европу со всеми своими чертами и «привычками». К чему они сводятся? Жесточайшее колониальное подавление (Филиппины). Жесточайшее классовое подавление, бешеная борьба с рабочим движением, начиная от применения вооруженного штрейкбрехерства и провокации (пинкертоновшина), кончая фашизмом (Ку-Клус-Клан). Бесстыдные колониальные «революции» в соседних странах, обладающих ценными природными богатствами (нефть, золото и пр.), с целью выставить оттуда соперничающий империализм («Мексиканские нравы»). Подкуп всех и вся, начиная от «социалистических» «рабочих» вождей и кончая министрами. Жадность, тупость, ограниченность. Вот основные черты «спасающего» Европу доллара. Эти свои черты он неизбежно будет проявлять на каждом шагу. Стало быть, не мир и покой, а кровь и ужас несет народам Европы республика миллиардеров.

Но что означает тот факт, что на почве разрешения репарационной проблемы центр Европы отдается под контроль американского капитала? *На-ряду с крахом идеологическим европейский капитализм потерпел крах экономический; исторического права на существование он более не имеет.* Место обанкротившейся буржуазии должен занять пролетариат. Европа должна стать Союзом советских республик. Только тогда она возродится к новой самостоятельной жизни. Только тогда она избегнет колониального гнета.

Политические и социальные проблемы

Как послевоенный капитализм решает политические и социальные проблемы? Начнем с вопроса о *мире*. Ллойд-Джордж в своей книге: «Мир ли это?» пишет:

> «*Европа стала милитаристичнее,* чем когда бы то ни было. Экономическое восстановление Европы надолго отсрочено возникновением *нового милитаризма*. Старый континент бросает собакам войны тот хлеб, которым он должен был бы питать своих детей. Наступит день, когда

эти псы в своей кровожадности бросятся на детей и пожрут их. *Все как будто ждут в полном вооружении первой возможности снова начать резню.* Европа является кипящим котлом адской ненависти между народами. Могущественные люди распоряжаются запасами топлива, разводят костер и раздувают его пламя». («Мир ли это?», стр. 131).

В 1913 году в Европе под ружьем находилось 3.747.179 солдат, в 1922 году их было уже 4.354.965. И это после того, как Германия, Австрия, Венгрия, Болгария разоружены, а Советский Союз имеет армию вдвое меньшую, чем имела царская Россия. Но дело не только и не столько в количестве штыков и пулеметов, сколько в *характере* тех средств разрушения, которыми располагает послевоенный капитализм. Авиация, военная химия, артиллерия — во всех этих областях сделаны гигантские успехи и делаются все новые и новые успехи. *В распоряжении капитализма нет силы, которая была бы способна положить предел беспрерывному лихорадочному росту чудовищных средств разрушения, отравления, удушения, заражения* (холерными, тифозными и т. п. бациллами). Появление «левых» министерств в Англии и Франции не меняет ничего: аппарат войны работает во славу империализма, не взирая на то, какие министры приходят и какие уходят. Ведь смена кабинетов не означает «смены» господствующей капиталистической системы. Америка, которая в глазах обывателя выступает в роли «миротворца», сама занимает виднейшее место в бешеной скачке вооружений, при чем она близка к тому, чтобы обогнать здесь своего главного соперника — Англию.

В итоге, в десятую годовщину войны, после 6-ти лет мира—«Европа без мира», «Европа над бездной» (выражения Фр. Нитти — бывшего премьер-министра Италии). *Буржуазная* Европа над бездной. Она неизбежно мчится в пропасть и тянет за собой трудящиеся массы. Всей Европе грозит гибель, если пролетариат не сбросит в пропасть обанкротившуюся, прогнившую буржуазную командующую верхушку...

Как послевоенный капитализм решает вопросы *национальный и колониальный?* До войны узлом национальных противоречий и конфликтов являлись на Западе Австро-Венгрия и Балканы. В результате Версальского мира не ре-

шена правильно и полностью ни одна национальная проблема. Балканы кипят в котле национальных противоречий сильнее, чем когда-либо. Вопросы македонский, хорватский, бессарабский и т. п. оказались неразрешимыми для буржуазии. Польша раздирается национальной борьбою белоруссов, галичан, украинцев. «Демократическая» Польша своей шовинистской политикой решительно восстановила против себя так наз. «национальные меньшинства». Крах национальной политики буржуазной Польши со всей определенностью вынуждена констатировать даже эмигрантская печать в лице газеты «Последние Новости» — органа Милюкова.

Версальский мир создал новую национальную проблему — немецкую. Вопрос о немецких меньшинствах остро стоит в Польше и Чехо-Словакии. «Немецкий вопрос» обостряется тем, что Антанта не позволяет Австрии, лишенной в ее теперешнем виде возможности жить, присоединиться к Германии.

Мы отметили только главнейшие национальные узлы послевоенной Европы. На-ряду с ними имеются десятки менее значительных по размаху, но не менее острых по характеру национальных конфликтов между старыми и новыми государственными образованиями Европы и внутри их. Буржуазия может эти конфликты обострять и углублять, но мирно ликвидировать их она не имеет никакой возможности. Война была начата под лозунгом защиты «слабых народностей». Империализм не защитил ни одной действительно слабой народности, — он поставил десятки из них в условия новых насилий и угнетений.

Колониальный вопрос буржуазия решает совсем просто — тут все остается по-старому: колонии — *собственность* «великих держав», этим все сказано. В Индии, Китае, Марокко, Месопотамии империализм ведет беспощадную войну против всяких освободительных движений. «Полевение» правительств и в этом отношении не имеет никакого значения. Великобританскую политику империалистического насилия и угнетения с успехом продолжает «рабочий» министр Томас, по приказу которого английские аэропланы бомбардируют месопотамских повстанцев и который очень много говорит о преданности рабочего класса *Империи*. А «социалистический» премьер Англии Макдональд в первые же недели своей власти тоном русского царя крикнул индусам, чтоб они бросили всякие надежды насчет независимости.

В отношении колониальных и полуколониальных народов Востока империализм признает только один аргумент — насилие. Никаких компромиссов он здесь не допускает. Народам Азии и Африки остается одно: империалистическому насилию противопоставить революционное насилие.

Перейдем к *рабочему* вопросу. В секретной записке, предназначенной для руководителей Версальской мирной конференции, Ллойд-Джордж в 1919 году говорил:

> «Европа охвачена революционным настроением. В груди рабочих живет глубокое чувство, но не чувство недовольства, а *чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни*. Мы никогда не добьемся длительного успокоения, если мы поставим себе целью создать те же условия существования, какие были в 1914 году».

Итак, вождь английской буржуазии констатировал у пролетариата «чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни». Он считал, что в результате мира буржуазия должна дать рабочему классу *лучшие,* чем до войны, условия жизни, чтобы примирить его с капитализмом. Очевидно, исходя из этого соображения, Версальская конференция организовала Бюро Труда при Лиге Наций, а в 1919 г. в Вашингтоне на специальной всемирной конференции представителей правительств, хозяйских и рабочих профессиональных организаций был признан в качестве нормального рабочего дня 8-часовой день. Всеми этими мероприятиями буржуазия, в момент всеобщего под'ема революционной волны, пыталась ослабить в рабочем классе «злобу и возмущение» против капитализма.

Но ныне, в десятую годовщину войны, где та страна, в ко торой рабочему классу живется лучше, чем жилось до войны? Такой страны нет в мире. В результате войны пролетариат в своей массе повсеместно получил ухудшение условий труда. Капитализм за счет пролетариата воевал, теперь за его счет «чинится», совершает новые авантюры, готовится к новым войнам. Совершенно естественно, довоенные условия жизни вызывали у миллионов трудящихся «чувство злобы и возмущения». Какие же чувства должны вызывать нынешние условия жизни? Что должен думать и делать пролетариат, когда буржуазия не смеет даже обещать ему улучшение положения в ближайшие годы?

Новый «демократически-пацифистский» период никаких изменений в положении пролетариата, разумеется, не вносит. Подобные вопросы решаются не доброю волею министров, а борьбою классов. С этой точки зрения весьма поучительно сравнить два «демократически - пацифистских» периода. В 1919 году в Вашингтоне 8-часовой рабочий день узаконяется, 1924 год идет под знаком ликвидации 8-часового рабочего дня. В Германии, Италии, Венгрии, Польше это крупнейшее завоевание пролетариата фактически почти полностью ликвидировано. Буржуазия пытается победу, одержанную над пролетариатом средней Европы, превратить в общеевропейскую — ликвидировать 8-часовой рабочий день повсеместно.

В области заработной платы и охраны труда то же самое: в 1919—1920 г.г. пролетариату уступают, ныне против рабочего класса ведется энергичнейший поход, ныне капитал всячески «экономит» именно на пролетариате.

Почему такая разница — ясно всякому: 1919 — 1920 г.г., это — эпоха наступления пролетариата, эпоха мирового большевизма. Ныне пролетариат решительного наступления не ведет, инициатива находится еще в руках буржуазии и потому она не считает себя вынужденной делать пролетариату широкие уступки.

Но картина банкротства капитализма по линии политической и социальной очевидна. Вопросы войны и мира, национальный, колониальный, рабочий вопросы послевоенным капитализмом не только не разрешены, — они обострены, углублены, расширены. Есть единственный путь для их действительного решения — *революция*.

Историческая задача пролетариата и социал-демократия

В чем историческая задача пролетариата в нынешнюю эпоху войн и революций? В том прежде всего, чтобы использовать гигантский кризис капитализма, воспользоваться полнейшим банкротством капитализма и свалить его. Война означает прямую диктатуру умирающего капитализма. Историческим ответом на капиталистическую диктатуру может и должна явиться *революционная диктатура пролетариата.* Банкротирующая буржуазия революционно сменяется рабочим классом. Империалистской войне противопоста-

вляется война гражданская, империалистскому плану восстановления—социалистическии план восстановления. Задачу революционного свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариат разрешит в том случае, если им руководит своя революционная партия.

Какова роль социал-демократии с точки зрения выполнения пролетариатом его исторической задачи? Она признала империалистскую воину, установила гражданский мир, голосовала военные кредиты, входила в буржуазные министерства. Социал-демократия признала Версальский мир, признала план экспертов. Она всячески помогает капитализму в его попытках преодолеть политические и экономические кризисы.

Империализм продолжает разбойничью внешнюю политику. Социал-демократия поддерживает эту политику, голосует кредиты на вооружения, *соучаствует в подготовке новых воин.* Однако все это не мешает ей на словах выступать против воин, публиковать антивоенные резолюции и манифесты, даже угрожать в случае войны политической стачкой. Все это — чудовищный обман масс, которые при первых же выстрелах будут преданы в руки военщины.

Социал-демократия вместе с фашизмом — охранной гвардией капитализма — обрушивается на пролетариат каждый раз, когда он восстает против капитализма. Социал-демократия саботирует, дезорганизует борьбу пролетариата за его экономические позиции.

Словом, в войне и мире, в ошибках и преступлениях, во внутренней, как и во внешней политике социал-демократия покорно следует за буржуазией. У нее нет более программы, которая угрожала бы существованию капитализма, и нет тактики, кроме той, которая наиболее прочно привязывает пролетариат к колеснице империализма. *Мировая социал-демократия делит с капитализмом банкротство идеологическое, экономическое, политическое.*

В чем теперь основное назначение социал-демократии? В том, чтобы затруднить пролетариату понимание его исторических задач, чтобы убить в нем стремление к решительной революционной борьбе с капитализмом. Величие и сложность эпохи требуют от пролетариата небывалой широты мысли, гигантского размаха, постановки перед собой великой задачи переустройства мира. Социал-демократия всячески

отвлекает рабочий класс от широких исторических задач и пытается сосредоточить все его силы и внимание на вопросах будничных, повседневных. Она пытается уверить пролетариат, что он неспособен к руководящей роли в стране, что он «пропадет» без буржуазии.

25 лет тому назад Карл Каутский энергично боролся против Бернштейна за то, что он пытался «*обескуражить пролетариат* посреди борьбы *недооценкой*, без всяких оснований, его *политических способностей*». Ныне этим «обескураживанием» занимается вся международная социал-демократия во главе с тем же Каутским. Подчеркивая обязанность социал-демократии в отношении «расширения горизонтов пролетариата за пределы его минутных и профессиональных интересов», 25 лет тому назад Каутский писал:

> «Мы ставим перед ним (пролетариатом.—*И. В.*) *высокие цели*, благодаря которым он сам начинает жить *более высокой духовной жизнью; мы возносим его над мелкой будничной работой*, которая необходима и настойчиво выдвигается самой жизнью, но именно поэтому сам пролетариат навязывает ее нам, при чем нам не нужно особенно горячо напоминать о ней. Постараемся же, чтобы *мания ничтожества не деградировала пролетариат и его цели*, чтобы дальновидную принципиальную политику не заменил переменный курс применительно к отдельным случаям, иными словами, чтобы трезвая будничность не взяла верх над идеализмом, чтобы не исчезло сознание *громадных исторических задач*, поставленных перед пролетариатом». («Ответ Бернштейну», стр. 241, изд. «Буревестник», Одесса 1905 г.)

То, что 25 лет назад делали бернштейнианцы, то ныне делает вся международная социал-демократия. Эта партия неустанно работает над тем, чтобы пролетариатом овладела именно «мания ничтожества», чтобы он «деградировал», опустился, забыл про свои великие цели, слился с ограниченным и тупым, «трезвым» и «практичным» мещанством. *В море повседневной житейской мелочи, в болоте жалкого крохоборчества социал-демократия готова утопить основные исторические цели пролетариата.* Нет уже более разговоров о том, чтобы перед рабочим классом ставить «высокие цели», чтобы втягивать его в «более высокую духовную жизнь»

Все усилия социал-демократии направлены к тому, чтобы *превратить рабочий класс в идейного нахлебника и приживальщика буржуазии.*

Духовное старчество, дряблость, ограниченность, трусость — вот черты мирового меньшевизма, которые он пытается навсегда привить пролетариату. Второй Интернационал, это — интернационал шамкающих стариков. Там даже физически юные являются духовно и политически дряхлыми. Все они думают, чувствуют, живут мыслями, настроениями, переживаниями последней четверти XIX века. Социал-демократия, как и капитализм, это — исторические покойники, которые еще не погребены.

Коммунизм — вот партия грядущего, вот партия молодых, смелых, дерзких. Вот кто отражает дух, запросы, веления новой эпохи,— эпохи войн и революций. Вот кого не затронет «мания ничтожества», вот кто ставит перед пролетариатом «высокие цели», ведет его к великим историческим битвам и победам.

Революция была, есть и будет

Какие изменения произвела война в мировой обстановке? Она еще более запутала основные противоречия капитализма, она усилила гнет над классами и нациями, она увеличила нищету сотен миллионов, она разрушила слишком много, не создала взамен ничего.

Но на-ряду с войною действовала *революция,* из империализма вышедшая и империализм убивающая, революция, которая по-своему решает основные проблемы человечества. И если десятилетие войны не является триумфом капитализма, если над угнетенными классами и нациями не веет духом отчаяния и безнадежности, если, наоборот, буржуазию охватывает ужас перед лицом навороченных ею, неразрешимых для нее противоречий, то это потому, что *революция была, есть и будет,* что *пушки стреляют не только по приказу империализма, но и против империализма.*

Революция ликвидировала три империи, уничтожила давившую над всем миром чудовищную машину военно-полицейского насилия. Первый раз в истории, в России она привела к власти пролетариат, в Германии победу пролетариата сделала исторически очередной задачей. Революция избавила:

Россию от полуколониальной зависимости англо-французского капитала, Турцию — от неминуемой гибели, которая была предрешена стоящими на страже цивилизации «великими державами». Революция пробудила и подняла против империализма сотни миллионов колониальных и полуколониальных рабов капитала. Народы Востока на опыте убеждаются, что гнет империализма ослабевает по мере усиления революционного движения, что гнет империализма падает там, где побеждает пролетарская революция.

Революция только начала свое победное шествие. Угнетенное человечество приведено уже в движение, и никакая сила в мире не загонит более порабощенные империализмом классы и нации в спокойное стойло «нормального» капитализма. Новая попытка «пацифистски - демократическими» фразами обмануть массы потерпит позорный крах. На деле не будет ни пацифизма, ни демократизма, ибо империализм остается в полной силе, ибо финансовый капитал командует над миром с небывалой откровенностью и цинизмом. Пацифизм, мирное сотрудничество, мирное соревнование невозможно, ибо невозможно мирными путями разрешить разрывающие капитализм противоречия. Пацифизм на деле невозможен, — возможна пацифистская *фраза,* возможны плохо прикрытые *маневры* под флагом пацифизма и демократизма.

Империализм в качестве основной решающей силы остается, и его войны тоже остаются. Нет иного пути для борьбы с империалистскими войнами, чем тот, который указывает *Ленин:*

> «Нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира... нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией...
>
> ...Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

ВОЙНА. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ. БОЛЬШЕВИЗМ

Мировая война — это прежде всего кризис мирового империализма. Война означает, что капиталистические державы вынуждены поставить в порядок дня штык, так как мирным путем задач экономического развития мира они разрешить не могут.

В чем во время войны заключались задачи пролетариата? В том, чтобы использовать этот кризис для свержения мирового капитализма. В чем заключается измена международной социал-демократии? В том, что она вместо того, чтобы указать пролетариату путь борьбы с империализмом, поставила рабочий класс на службу отечественной буржуазии. Империалистская война ставит на карту судьбу международной буржуазии. Буржуазия вступает в свой последний фазис. Пролетариат стоит перед задачей *замены* империализма, замены капитализма социализмом. В эту эпоху революционная партия рабочего класса резче, чем когда бы то ни было, должна была *противопоставить* пролетариат буржуазии. Но европейская социал-демократия, и прежде всего германская, не поняла, что с начала XX века капитализм перешел в сверх-капитализм — империализм, что в этот последний фазис развития капитализма пролетариат должен поставить себе задачу свержения капиталистического господства.

Война и революция

Накануне мировой войны мы имеем целый ряд войн: итало-турецкую, балкано-турецкую, войну между «союзными» балканскими государствами. Мы имеем целый ряд дипломатических столкновений между Францией и Германией. В 1911 г. чуть не вспыхнула война.

Осенью 1912 года Европа была накануне войны. Политическая атмосфера во всем мире была насыщена грозой. Но социал-демократия этой грозы не чувствовала и не понимала *новых задач,* стоящих перед пролетариатом. Наоборот, рабочие массы чувствовали приближение *новой* эпохи. Поэтому 1912—1913 г.г. являются годами целого ряда грандиозных массовых выступлений европейского пролетариата, грандиозных стачек в Англии, Франции, Германии. На-ряду с этим во всей Европе происходит широкое движение на почве борьбы с безработицей, так называемое «движение хозяек». Вопрос об ухудшении положения рабочего класса волновал всю рабочую Европу.

Одновременно левые элементы европейской социал-демократии во главе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Карлом Радеком, Паннекуком и др. пытались вскрыть сущность и основные черты империализма, обострить борьбу с ним, формулировать новые задачи, выдвигавшиеся перед пролетариатом, выяснить конкретные формы борьбы с империализмом (всеобщая стачка, восстание и т. д.).

Эти стачки, борьба на почве дороговизны, борьба с империализмом, которая велась левыми элементами социал-демократической партии, все это говорило о том, что широкие массы и отдельные элементы социал-демократии чувствовали приближение новой эпохи. *Массы сами ставили в порядок дня революционную борьбу, а социал-демократия в целом не хотела и не была способна понять запросы момента и соответственно перестроить свой аппарат.* О революционных массовых действиях, о наступательной борьбе против империализма руководящие круги социал-демократии и слышать не хотели.

Из этого непонимания сущности империализма и задач рабочего класса вытекала неизбежно последующая измена европейской социал-демократии. Против войны как будто борются социалисты всех стран. И германская, и бельгийская, и французская социал-демократия ведут «войну против войны». Но борьба ограничивается парламентскими рамками. Война, несмотря на парламентское противодействие, стала фактом. Мобилизованы все силы в стране для «защиты отечества», т.-е. для разрешения империалистских задач каждой данной страны. Было совершенно ясно, что война, которая вспыхнула, есть война империалистская, что никаких истори-

чески-прогрессивных целей ни у Германии, ни у Англии, ни тем более у России — нет.

Что же должна была делать в это время социал-демократия? Задачи социал-демократии были определены задолго до мировой войны. На Штуттгартском международном конгрессе в 1907 г. было принято, вопреки оппортунистам, предложение Ленина и Люксембург, которое обязывало мировую социал-демократию, в случае войны, ответить решительной революционной борьбой против войны, против капитализма.

Если война, — говорит Штуттгартский конгресс, — все же несмотря на противодействие пролетариата, вспыхнет, социал-демократы «обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить, и *всеми силами использовать вызванный войною экономический и политический кризис* для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и *ускорить падение капиталистического господства*».

Еще более ясно и решительно высказался Базельский международный конгресс в 1912 г. В манифесте конгресса, между прочим, говорилось:

> «Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что *франко-германская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа.* Пусть они не забудут того, что затруднения, вызванные взаимным соперничеством государств в производстве чудовищных затрат на военные и морские вооружения, были причиною того, что *социальные конфликты в Англии и на континенте стали осложняться забастовками в небывалой степени.* Они безумцы, если не понимают, что одна лишь мысль о страшной войне возбуждает у пролетариата всех стран чувство гнева и негодования. Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий или из-за хитросплетений тайных соглашений. Если правительства, ухудшая всякую возможность правильной эволюции, вынуждают пролета-

риат всей Европы принимать отчаянные решения, то на них именно и будет лежать вся ответственность за вызванный ими кризис».

Иными словами, Базельский конгресс признавал, что на империалистскую войну пролетариат должен ответить революцией, ибо ссылка на Парижскую Коммуну, на 1905 год есть *ссылка на революцию*. Указание было совершенно точное, социал-демократия каждой данной страны должна была провозгласить, что пролетариат не принимает ответственности за эту войну, что пролетариат в этой войне ставит в порядок дня разрешение своих исторических задач, что он подготовляет прямую атаку против капитализма.

Ничего подобного сделано не было. Наоборот, социал-демократия каждой данной страны заявила: я вчера боролась против войны, но сегодня война стала фактом, и я защищаю свое отечество. Для Германии это значило, что социал-демократия защищает то положение, чтобы все германские колонии остались за германской буржуазией и чтобы германская буржуазия могла награбить новых колоний у Франции и Англии. Защищая английское «отечество», социал- демократия Англии защищала, в интересах английской буржуазии. колониальное рабство и угнетение Индии, Египта, Ирландии, Персии, Китая и т. д. Поддерживая войну со стороны России, социал-демократия поддерживала планы ограбления Турции, Австрии и т. д. Таково было положение во всех воюющих странах. Повсюду социал-демократия под лозунгом «защиты отечества» фактически выступала в защиту империалистских целей данного государства.

Отказ от провозглашения гражданской классовой войны в ответ на империалистскую—это первая измена социал-демократии. Принятие лозунга «защиты отечества» — это ее вторая измена. Вступление в буржуазные правительства— это третья вопиющая измена социализму, ибо менее чем когда-либо можно было в этот период участвовать в буржуазном правительстве. Четвертая измена — это голосование за военные кредиты. В правительство вступили социалисты Франции, Бельгии, Англии и — под конец — Германии. Почти во всех воюющих странах социалисты голосовали за военные кредиты. Голосование за военные кредиты, вступление в буржуазные министерства и принятие лозунга «защиты отече-

ства» — все это было прямым нарушением постановлений мировых конгрессов.

Своеобразную позицию вначале заняли русские меньшевики. Вследствие слишком открытой реакционности русского царизма они не решались во всем подражать европейским социал-демократам. Одна часть меньшевиков в Думе голосовала против военных кредитов, но другая часть заявила, что меньшевики *не противодействуют* войне, что они против поражения царизма в войне. Но чем дальше, тем откровеннее они *содействуют* войне. Это содействие наиболее ярко выявилось в участии меньшевиков в военно-промышленных комитетах. Здесь меньшевики осуществляли прямое сотрудничество с воинствующей буржуазией и царизмом. А когда революция, вопреки воле меньшевиков, уничтожила царизм, меньшевики стали действовать по образцу европейских меньшевиков, т.-е. вошли в буржуазное правительство, голосовали за военные кредиты, повели армию в наступление во имя старых империалистских целей войны.

Большевики и война

Единственная партия, которая не изменила социализму, была наша большевистская партия. Она в своем манифесте, опубликованном в ноябре 1914 г., дала точную характеристику войны и наметила задачи революционного пролетариата. Она указала, что началась подготовлявшаяся давно *империалистская война*, вскрыла измену международной социал-демократии, конкретно установив все факты ее предательства. Наша партия заявила, что дальнейшее движение пролетариата вперед возможно в той мере, в какой он освободится от шовинистического угара и восстановит свою международную организацию, создав новый действительно революционный Интернационал. Партия большевиков выдвинула лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, призывая революционные партии каждой страны бороться против своего правительства, хотя бы они тем самым содействовали его поражению, ибо без поражения данного правительства невозможно его революционное свержение. Отсюда задача российской, немецкой, английской, французской и т. д. революционных партий, каждой в отдельности и всех вместе, — звать пролетариат не защищать свое отечество, а по-

вернуть штык против «своей» буржуазии. Особенно опасным признавалось нами усиление в результате военной победы самого реакционного, самого варварского царского правительства. Отсюда лозунг: не поддерживать его, а всячески использовать кризис, вызванный войной, для подготовки революционного крушения царизма...

Но желать поражения царизма не значило подрывать мосты, спиливать телеграфные столбы, поступать в контрразведку противной страны. Лозунг пораженчества означал, что революционная партия должна исполнить свой долг — *каждая в своей стране*. Революционеры каждой страны должны были подать *пример беззаветной борьбы,* на деле показывая, что эпоха империалистской войны значит — эпоха мировой революции, что *национальная ограниченность преодолена,* что более чем когда-либо верен лозунг: «пролетариат не имеет отечества», пока у власти стоит буржуазия. Примеру революционной борьбы большевики во главе с Лениным придавали величайшее значение, и когда во время войны левые меньшевики и Троцкий заявляли: «мы не можем стоять за «пораженчество», мы должны выдвинуть лозунг «ни побед, ни поражений», лозунг борьбы за мир, — Ленин ответил: «значит, вы не хотие революции, не хотите превращения империалистской войны в гражданскую. Революция означает поражение и распад России. Но если ты боишься поражения, боишься распада России, значит, ты не революционер, а просто шовинист, или, в лучшем случае, пустой болтун».

Каким путем пошла Россия? На основе военного поражения царизма и буржуазии произошла революция. На основе военного краха австро-германского империализма произошла революция в средней Европе. Социал-демократы говорили и говорят, что это плохая, «ненормальная» революция, ибо возникла она на почве войны. Вождь правого крыла русского меньшевизма Либер считал, что послевоенное революционное движение—не социальная революция, а социальный *распад*, разложение, которым пользуются большевики, чтобы захватит власть в руки. В этом утверждении сказывалось полное непонимание меньшевиками того, как вообще делается революция. Ибо что означает поражение, напр., российского правительства? Военный крах — это *банкротство* данного класса. Когда немцы и австрийцы разбили русскую

армию, то тем самым они разбили старую чиновно-дворянскую Россию, царизм, русскую буржуазию, тем самым эти классы проявили свою неспособность разрешить задачу империализма, т.-е. обанкротилась. В 1915 г., в период катастрофических неудач русской армии, Ллойд-Джордж в английском парламенте говорил: на полях российских бьют русское войско, это значит, что там бьют не только солдат, но бьют целую систему старой России. Так вот, именно старая Россия была разбита, потерпела поражение, обанкротилась. Рабочий класс воспользовался этим распадом и произвел революцию. В Германии, также на почве банкротства буржуазии, произошла революция. Там социал-демократия помогла имущим классам вернуть потерянное. Наши меньшевики тоже хотели помочь буржуазии поправиться и занять господствующее положение, но на этом они сломали себе шею. В Германии меньшевикам удалось помочь трижды обанкротившейся буржуазии снова очутиться во главе государства. Но задача революционной партии заключается не в том, чтобы помогать обанкротившемуся классу выпутаться из затруднений, а в том, чтобы, воспользовавшись его кризисом, его банкротством, произвести революцию.

Вот что означал лозунг «превращение империалистской войны в гражданскую», вот каков был смысл лозунга «пораженчество». Не стесняться тем, что прокламации с призывом к братанию, с призывом к революции могут ухудшить военное положение буржуазии, не бояться криков об «измене отечеству», ибо *капиталистическому, дворянскому, банкирскому отечеству нужно решительно и навсегда «изменить», чтобы доставить победу угнетаемым и подавляемым классам.*

Коммунистический Интернационал

В России всемирно-историческая задача свержения царизма и буржуазии была разрешена, потому что была налицо революционная большевистская партия. Эта революционная партия сложилась в течение полутора десятков лет в бешеной борьбе с меньшевизмом. Если бы у нас в 1917 г. было единство с меньшевистской партией, если бы мы к октябрьскому периоду подошли под руку с Мартовым и Даном, то нам, очевидно, не удалось бы провести нашу рево-

люцию победоносно, по крайней мере, без жесточайших кризисов, еще более жестоких, чем те, которые мы пережили. Почему? Потому, что меньшевизм *связан* с буржуазией и неизбежно должен *мешать* всякой серьезной борьбе с ней. Но у нас это генеральное размежевание с меньшевиками было проделано довольно основательно, мозги у нас были прочищены, кадр старой боевой партии был создан.

В Европе такого кадра не было. Между тем, рабочий класс Европы мог бы воспользоваться империалистическим кризисом, мог выполнить свою историческую задачу лишь при наличии настоящей революционной партии, которая разорвала бы всякую связь с меньшевизмом, которая не делала бы никаких уступок ни откровенному социал-патриотизму (Шейдеман, Эберт, Носке, Гендерсон, Потресов, Либер), ни прикрытому революционными фразами централизму (Каутский, Гильфердинг, Лонге, Мартов, Аксельрод). Отсюда задачи, которые выдвигают Ленин и большевики еще в 1914 году: в порядок дня ставится революция, а для этого необходимо создание *международной революционной партии*, создание боевого Интернационала, который решительно порвет с меньшевизмом. Что же такое *Циммервальдская* конференция с этой точки зрения? Это не ячейка будущей революционной партии, будущего Коминтерна. Циммервальдская конференция — это блок революционных и полуреформистских элементов. На Циммервальдской конференции присутствовали настоящие революционные элементы, прежде всего русские большевики, но они были в меньшинстве, а большинство составляли умеренные социалисты, сторонники прекращения войны, но без революции, без классовой войны. Это были меньшевики в лице Мартова и Аксельрода, эс-эры в лице Чернова и Натансона, левые немецкие социал-демократы в лице Ледебура и т. п. Эти люди не ставили вопроса о свержении буржуазии, они принимали только половину революционного лозунга, они были готовы воскликнуть: «Долой империалистскую войну». Но пусть ее прекращает сама буржуазия, пусть все будет так, как было до войны, пусть вернутся времена мирного демократического развития, когда не было ни войн, ни революций.

Однако необходимо подчеркнуть, что для сентября 1915 г., когда состоялась Циммервальдская конференция, об'единение рабочего класса даже вокруг такого половинча-

того лозунга, как лозунг «долой империалистскую войну», являлось шагом вперед, ибо тогдашняя обстановка характеризовалась почти полным господством идей самого оголтелого шовинизма и воинствующего империализма. Именно ввиду почти всеобщего помрачения, всеобщего шовинистического угара большевики пошли на блок с нереволюционными противниками войны, имея в виду необходимость нанесения первого серьезного удара идеологии войны и пробуждения в рабочих массах духа борьбы против империализма. Но блокируясь с непоследовательными врагами войны, большевики одновременно *отмежевались* от них, вместе с некоторыми другими группами из германской, польской и голландской партий, большевики выдвинули особую платформу и сплотились в особую группировку — «*циммервальдская левая*».

Вторая конференция, происходившая в Кинтале в апреле 1916 г., по существу не отличается от первой. В обеих этих конференциях мы имеем первую попытку об'единить передовые элементы рабочего класса на почве отрицания лозунга «защиты отечества», на почве отказа от вхождения в министерство, отказа от голосования военных кредитов. Однако все это — одна сторона дела. Необходимы действия в целях захвата власти пролетариатом. *Циммервальдская левая — первая ячейка будущего Коммунистического Интернационала — штаба мировой революции.* Когда в России пролетариат победил, когда в главнейших странах создались ячейки коммунистических партий, образование нового революционного Интернационала стало возможным и необходимым. Это было сделано 6 марта 1919 года в Москве. На исторической арене появилась партия мировой революции, партия мировой победы над империализмом.

Россия и мировая война

Вернемся к вопросу об участии России в войне, ознакомимся поближе с позицией различных партий и групп.

К началу XX века капитализм в России имел ту характерную особенность, что преобладающую роль в нем играл иностранный капитал. После революции 1905 года картина начинает меняться в том смысле, что, в значительной степени под влиянием революции, иностранный капитал все менее

охотно идет в Россию и значительно усиливается роль национального капитала. Уже накануне войны российский капитализм, российская буржуазия выглядели иначе, чем в конце XIX века. За 12—15 лет русская буржуазия экономически сильно укрепилась. Роль иностранного капитала все еще была значительна, но с конца XIX века она почти не увеличилась. Рост российского капитализма на протяжении первого десятилетия XX века — рост национальной буржуазии, рост главным образом национального капитала. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, когда мы говорим о роли русской буржуазии в империалистской войне. Уже накануне войны русская буржуазия заметно влияет на политику страны. С русской буржуазией считаются значительно больше, чем считались с ней в начале XX века. Русской буржуазии удается к кануну войны создать мощные экономические организации, укрепиться в городских и земских самоуправлениях, создать широкую периодическую печать, словом, завоевать ряд важнейших позиций. Русская буржуазия чувствовала свою силу, она имела своих признанных вождей: Гучкова, Рябушинского, Коновалова, Крестовникова. Это были вожди настоящей, коренной русской буржуазии. Такого типа вождей русская буржуазия в первую революцию не имела. Русской буржуазией в первой революции руководили, главным образом, лица свободных профессий, а теперь она выделяет своих вождей из своей собственной среды.

Накануне войны буржуазия в Государственной Думе вела довольно резкую борьбу с царизмом по вопросу о власти. Энергичнее, чем в 1905 г., она ставила вопрос *о разделе власти с царизмом.*

Пролетариат ставит вопрос о революционном *свержении* царизма. За несколько дней до мобилизации на улицах столицы рабочие воздвигают баррикады и в течение нескольких дней ведут борьбу с полицией, жандармерией и войсками царизма. Движение было задавлено. Через несколько дней началась война.

Какой характер принимает политическая борьба во явления войны, созывается Государственная Дума, которая время войны? 26 июля 1914 года, неделю спустя после об'- за несколько недель перед тем почти целиком была настроена против царского правительства. Все буржуазно-помещичьи фракции Думы принимают лозунг «защиты отечества»,

об'единяются вокруг престола, об'являют о прекращении внутренней борьбы до победы над внешним врагом. Социал-демократы, — меньшевики и большевики, — выступают с декларацией, в которой вскрывают империалистский характер войны и заявляют, что пролетариат не может нести ответственности за эту войну. Трудовики в лице Керенского выступают с декларацией, в которой довольно туманно говорится об империалистских целях буржуазии и, в общем, содержится очень много уступок патриотизму.

За «вторую отечественную войну», за победу над германским империализмом! — таков господствующий лозунг всех имущих слоев России. Пролетариат придавлен. Его организации разрушены, печать задушена, тюрьмы переполнены. Весь 1914 г. в стране царит «гражданский мир».

В начале 1915 г. положение на фронте меняется к худшему. Русская армия терпит поражение. Либералы начинают беспокоиться, открывается тайное совещание членов Государственной Думы с правительством. На этом тайном совещании либералы просят правительство сообщить, каково положение дел, есть ли снаряды, пушки и т. д. Буржуазии дают некоторые «успокоительные заверения», и в стране снова полная тишина. Либералы настроены настолько патриотично, что левые депутаты не могут внести запрос в Государственную Думу по поводу ареста думских депутатов-большевиков, — кадеты не дают требуемых для внесения запроса подписей [1]).

Но чем дальше, тем все хуже. Поражение следует за поражением. Буржуазия приходит в состояние сильной тревоги, она начинает понимать, что правительство не годится даже для ведения войны. Тогда она приступает к частичному *замещению* правительства. Она создает земский и городской союзы и добивается того, что этим союзам передается дело помощи больным и раненым воинам. Далее буржуазия фактически прибирает к рукам дело снабжения армии. Создаются военно-промышленные комитеты, задача которых — мобилизовать всю промышленность страны в интересах снабжения армии. Созываются с'езды промышленников, земств и горо-

---

[1]) Запрос правительству можно было внести лишь за подписью 30-ти депутатов. После ареста большевиков в Думе осталось около 20-ти меньшевиков и трудовиков. Без согласия десятка „соседей справа“ они не могли пред'явить запроса правительству.

дов. На этих с'ездах буржуазия организуется на почве войны, организуется в *политическую* силу и выдвигает целую систему политических реформ, требует создания правительства, пользующегося доверием буржуазии и «прогрессивных» помещиков. В августе 1915 г. создается думский «прогрессивный блок». В этот блок входят все партии Думы, начиная от кадетов и кончая черносотенцами типа Шульгина, т.-е. партии буржуазии, дворянства, высшего чиновничества. Фактический руководитель блока — кадетский лидер Милюков.

Прогрессивный блок фактически требовал создания таких условий, которые существовали во время войны во всех почти воюющих странах. Буржуазия, в сущности, настаивала на очень скромных реформах. Она понимала, что без таких реформ вести войну нельзя, что царское правительство ни к чему не способно, что армия не снабжается, что продовольствия на фронте нет, нет его и в тылу, и что всюду царит разруха транспортная, финансовая и экономическая.

Либералы были убеждены, что если им удастся создать блок, то царь пойдет на уступки буржуазии. Большинство царских министров высказалось за них. Но меньшинство во главе с председателем совета министров Горемыкиным отвергло всякие уступки. Царь решил никаких уступок не делать. 3 октября Государственная Дума была распущена. Это означало, что попытка либералов мирным путем разрешить вопрос о власти потерпела крах.

Но снизу поднимается революционная волна, встает красный призрак. Рабочий класс постепенно ломает давивший его лед реакции. Данные о *забастовках* дают ясное представление о постепенном росте активности пролетариата. В течение семи предвоенных месяцев 1914 года бастовало 1.330.000 чел., в течение шести военных месяцев 1914 г. бастовало всего лишь тринадцать тысяч чел. Миллион триста тысяч и тринадцать тысяч, — эта гигантская разница в количестве стачечников ясно говорит о том положении, в котором очутился рабочий класс на другой день после войны. Он был закован, обезглавлен, дезорганизован, зажат в тиски военного положения. На предприятиях значительная часть рабочих была переведена на солдатское положение, вообще на фабриках и заводах был установлен военно-полицейский режим. Малейший протест со стороны рабочих оканчивался отправкой их на передовые позиции — в самое пекло войны.

Так было пока царские войска шли победоносно вперед. Победа укрепляла прежде всего царское правительство и давала ему возможность держать в руках своего опаснейшего врага — пролетариат. Поражения на фронте наносили удар прежде всего царизму. Его аппарат управления, — насилия и порабощения, давал первые трещины. Пользуясь ослаблением своего непримиримого врага, пролетариат постепенно расширял фронт борьбы. *В 1915 году бастовало 540.000 чел.*, из них в *политических* стачках участвовало 155.000 чел. *В 1916 году бастовало 1.086.000 чел.*, из них *в политических* стачках участвовало 310.000 чел.

Какие причины толкали рабочих к политическим и экономическим стачкам? Война, гнет царизма, ухудшение материального положения. Буржуазия, пользуясь режимом военной диктатуры, прикрываясь лозунгом «защиты отечества», значительно усилила эксплоатацию пролетариата. Война вызвала бешеный рост дороговизны, от которой неизменно отставал рост заработной платы. Уже в 1915 году цены повысились на 53,3%, а заработная плата — только на 19%, при чем это повышение платы целиком шло за счет *увеличения производительности труда*. (См. Прокопович: «Война и народное хозяйство», стр. 25.) Жить становилось все труднее и труднее. Даже царское правительство вынуждено было обратить внимание на невыносимое положение пролетариата. Свои «заботы» оно выражало в том, что усиленно насаждало кооперативы и рабочие столовые и одновременно усиливало аресты и высылки. Но все это были пустяки: основное зло заключалось в том, что продолжалась война, и всевластие капиталистов, загребавших огромные прибыли, оставалось нетронутым. Поэтому революционное движение росло и вширь, и вглубь.

Буржуазия очутилась перед лицом революции, и это толкнуло ее руководителей на отчаянные действия: 1 ноября 1916 года открывается Государственная Дума. С обвинительной речью против царизма выступает Милюков. Каждый пункт своего обвинения он оканчивает вопросом: «Что это — глупость или измена?» Но царь непреклонен. Тогда вожди буржуазии вместе с группой военных организуют *заговор* против царя, подготовляют *дворцовый переворот* сверху, чтобы избегнуть революционного переворота снизу.

Однако буржуазия опоздала со своими планами. Массы поднялись раньше, чем этого хотели вожди российского империализма. *В январе 1917 г. бастовало 246.000 чел.*, из них в *политических* забастовках участвовало 162.000 чел. *В феврале 1917 г. бастовало 432.000 чел.*, из них в *политических* забастовках участвовало 412.000 чел. Только 20.000 чел. бастовало в месяце свержения царизма по экономическим причинам. Пролетариат бил по *основному*, он решал судьбу свою и всего народа России. По большевистскому способу он *превращал империалистскую войну в войну гражданскую, революцией он наносил смертельный удар царизму, тягчайший удар — буржуазии.*

Военные группировки российского меньшевизма

Вопрос об отношении к войне разделил российский меньшевизм на *пять* групп.

На *крайне правом* фланге стояли Плеханов и Алексинский. Они открыто высказывались за всемерную поддержку царского правительства в войне, требовали, чтобы думские социал-демократы голосовали за военные кредиты и т. д. Вместе с группой крайне правых эс-эров Плеханов и Алексинский издавали в Париже шовинистскую газету «Призыв», а в России на страницах буржуазных газет защищали лозунги «защиты» царского «отечества».

Правый фланг меньшевизма занимала группа журнала «Наша заря» (руководители: Потресов, Маслов, Маевский, Засулич, Левицкий). Эта группа фактически ничем не отличалась от группы Плеханова. Но у нее вначале нехватало решимости открыто занять боевую социал-патриотическую позицию. Когда Вандервельде — «социалистический» министр короля бельгийского — просил русских социал-демократов поддержать царя в «справедливой» войне, группа «Нашей Зари» ответила в том смысле, что мы, мол, рады бы поддерживать правительство, но оно ведет себя так скверно, что открыто солидаризоваться с ним и взять на себя ответственность за ведомую царем войну невозможно. Но — говорили правые русские меньшевики—так как царь все же участвует в войне справедливой, то мы, дескать, войне *не противодействуем.* Ясно, раз война была «справедливой», обещанный

«нейтралитет» должен был быть *благожелательным*. И он именно таким и был вначале. А дальше «нейтралитет» превратился в прямое *содействие* царизму и буржуазии в ведении «справедливой» войны.

Центральную позицию в русском меньшевизме занимали организационный (Центральный) Комитет (О. К.) и думская фракция (руководители: Чхеидзе, Дан, Церетели). В начале войны — как указано выше — думская фракция меньшевиков вместе с большевиками выступила с декларацией против войны. Впоследствии она присоединилась к Циммервальду. Но ни единого решительного шага против царизма и буржуазии, ни одного действительно революционного выступления О. К. и думской фракцией предпринято не было. Мало того: центр меньшевизма прикрывал собою правых, оправдывал их поведение, *позволял правым выступать от имени всего меньшевизма*. Ответ Вандервельде с заявлением о «непротиводействии» войне правые дали с молчаливого согласия О. К. и думской фракции. Вся вообще социал-патриотическая работа правых ни разу не встретила отпора со стороны центра. В военно-промышленных комитетах участвовали все меньшевики, при чем *руководство* принадлежало *правым* — Гвоздеву, Маевскому и др.

Левую фракцию меньшевизма составляла группа Мартова-Мартынова. Она решительно критиковала социал-патриотизм, вскрывала все предательство, всю позорную измену вождей международной социал-демократии. Мартов не щадил даже Каутского, поведение которого он считал позорным и изменническим. От него доставалось, особенно в начале войны, всем социал-патриотам, в том числе и русским правым меньшевикам. Но вместе с тем Мартов стоял за единство с социал-патриотическими изменниками социализма, двусмысленное поведение О. К. и думской фракции Мартов считал образцом социалистической борьбы за мир. Далее Мартов решительно выступал против лозунга превращения империалистской войны в войну гражданскую, боролся против лозунга пораженчества и т. д. Наиболее правильным он считал лозунг борьбы за мир — без революций, без восстаний. По сути дела позиция Мартова совпадала с позицией Каутского: *не революционная, а «демократическая» ликвидация войны, не движение вперед — от империализма к социализму, — а движение назад — от империализма к «нормальному», «мир-*

ному» капитализму. Это была позиция столь же *утопическая,* сколь *реакционная.*

На *крайне левом* фланге меньшевизма стояла группа тов. Троцкого. С самого начала войны тов. Троцкий занял позицию против империализма, социал-патриотизма, против лживых лозунгов «защиты отечества», против легенды о «последней», «справедливой» войне. Но тов. Троцкий не проявлял необходимой революционной решительности и последовательности. Он высказывался против лозунга превращения империалистской войны в гражданскую, против пораженчества, против окончательного разрыва с социал-патриотизмом. Вместе с Мартовым и другими представителями социал-демократического центра главным лозунгом пролетариата он хотел сделать лозунг борьбы за мир. В основе своей этот лозунг подразумевал ликвидацию войны самими правительствами, без революционного вмешательства пролетариата.

Февральская революция произвела следующие перегруппировки в меньшевизме.

Крайне левое крыло (группа Троцкого) летом 1917 г. слилось с большевистской партией.

Правая и центр образовали *оборонческий блок,* руководимый Либером и Даном («Либердан»). Лозунги блока: «справедливый», «демократический» мир, но пока «доблестные союзники» не согласились на такой мир,—продолжение войны «в полном согласии с союзниками». Внутри страны — коалиция с буржуазией, «гражданский мир» между классами.

Левая меньшевизма выделилась в особую группу *меньшевиков-интернационалистов.* Руководитель этой группы Мартов в своей критике политики оборонческого блока почти целиком совпадал с большевиками. Но разорвать окончательно с оборонцами и слиться с партией большевиков Мартов и его сторонники не решались. Октябрьский переворот, революционная ликвидация войны бросила Мартова и его группу в об'ятия Либер-Дана. «Единый» меньшевизм без различия фракций вел бешеную борьбу против пролетарской революции.

Крайне правое крыло меньшевизма (Плеханов-Алексинский) образовало самостоятельную *организацию «Единства».* Эта группа с первых же дней февральской революции вместе

с самыми реакционными силами капиталистической реакции, вместе с военщиной вела беспощадную борьбу с большевизмом. Алексинский не останавливался ни перед какой гнусностью, чтобы дискредитировать боевую партию пролетариата. В вопросах войны у группы «Единство» не было политики, кроме той, которую занимала воинствующая империалистская буржуазия.

Империализм и большевизм

Прошло десять лет с начала войны. Буржуазия превратила целые страны в развалины. Мир стонет от ужасных последствий войны. Мир стонет от того, что нет мира, нет уверенности в завтрашнем дне, что готовятся новые чудовищные войны.

Около 10 миллионов убитых, 24 миллиона раненых, свыше 600 миллиардов рублей военных издержек, расходов, убытков от разрушений. Нерешенная «проблема восстановления», нерешенная «проблема мира», нерешенные вопросы: национальный, колониальный, социальный. Не *уменьшение, а рост всяческих противоречий,* рост нищеты, злобы, ненависти во всем мире. Вот основные итоги десятилетия войны и мира.

Буржуазия изменилась за эти 10 лет в том смысле, что стала еще более алчной, еще более кровожадной, тупой и ограниченной. В слепой безумной ярости она мчится в пропасть и тянет за собою все человечество.

Социал-демократия изменилась за эти 10 лет в том смысле, что она открыто стала кровавой собакой империализма, что она не останавливается ни перед какой гнусностью, ни перед каким преступлением, лишь бы отвести от буржуазии занесенный над ее головой кулак. Когда нужно и можно — обманом, когда необходимо — кулаком, но всегда за капитализм и против революции, — вот сущность политики меньшевизма. Нет в мире партии, которая открыто смела бы агитировать за войну. Социал-демократия, — та прямо борется против войны резолюциями, манифестами, угрозой всеобщей стачки. Но нет в мире партии, которая смогла бы сравняться с социал-демократией в деле обмана масс, и первые часы новой войны застанут эту изменническую партию с патриотическим барабаном за плечами. Буржуазным партиям массы давно уже не верят. Социал-демократии еще не

все отвыкли верить. Вот почему она оказывает неоценимые услуги умирающему империализму, вместе с которым умирает и сама.

Но прошедшее десятилетие, это—эпоха не только войн, но и революций, не только империализма, но и большевизма. Империализм гонит народы в пропасть, большевизм поднимает народы из ужаса тьмы и нищеты и двигает их вперед, к новой жизни. Безнадежным, кошмарным было бы положение человечества, если бы за эти 10 лет оно не прошло через ряд революций, если бы не было Коммунистического Интернационала, если бы не было республики Советов, если бы народы не знали, что из созданного империализмом ада есть выход в революции, в диктатуре пролетариата.

Но из капиталистических войн выходят пролетарские революции. *Ленин говорит:* «Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

Вспыхнувшая десять лет назад война не была «последней» войной, — вышедшая из этой войны большевистская революция не будет последней революцией. Революцию питает не только империалистская война, но и империалистский мир. Ее питает вся политика буржуазии: национальная, колониальная, социальная. Ее питает неспособность капитализма справиться с присущими ему противоречиями.

Человечество не хочет погибнуть под ярмом империализма. Но спастись оно может только под знаменем большевизма.

ФАШИЗМ - МЕНЬШЕВИЗМ - РЕВОЛЮЦИЯ

(О некоторых иллюзиях и пророчествах Л. Д. Троцкого.)

Две системы буржуазного господства

Социал-демократия пытается «поразить» сознание пролетариата наступлением «чуда» — «мирной», «демократической» эпохи. Кончились военные и послевоенные испытания, приходит конец буржуазной реакции, капитализм добровольно идет на серьезные уступки пролетариату, — без восстаний, без революций, без диктатуры рабочий класс постепенно завоюет в своем отечестве подобающее ему положение. Правы были социал-демократы, а не коммунисты: плоды сотрудничества классов уже налицо. Впереди — совсем уж прекрасные безмятежные перспективы.

Политическим простакам в самом деле может показаться, что Эррио-Макдональд и формальный автор плана экспертов генерал Дауэс творят небывалое чудо.

Увы, в этом «чуде» нет ничего чудесного и небывалого. Просто буржуазия, в борьбе за сохранение своего господства, предпринимает *очередной маневр, очередную перегруппировку сил.* В декабре 1910 года в газете «Звезда» в статье о разногласиях в европейском рабочем движении В. И. Ленин писал:

> «Буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает *две системы управления,* два метода борьбы за свои интересы и отстаивание своего господства, при чем эти два метода то *сменяют* друг друга, то *переплетаются* вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод *насилия,* метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод *поддержки* всех старых и *отживших* учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова *сущность*

консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все более становится одной из разновидностей общебуржуазной политики. Второй метод — *метод «либерализма»,* шагов в сторону развития политических прав, в сторону *реформ, уступок и т. д.».*

«Две системы управления» — консервативная и либеральная, насильническая и реформистская — *постоянно* находятся в арсенале мирового капитализма, и применяются в зависимости от *конкретных* условий и конкретной обстановки.

Но и насильническая и реформистская системы служат одной основной цели — сохранению капиталистического господства. В рядах рабочего движения никогда не было недостатка в людях, которые буржуазный реформизм готовы были выдать за мирную «эволюцию» капитализма в сторону социализма. И революционные марксисты неуклонно разоблачали этот обман оппортунистов и вбивали рабочему классу в голову то сознание, что буржуазный реформизм представляет собой особое, более тонкое, более обманчивое средство для сохранения капитализма... Ленин продолжает:

«Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны... истории всех европейских стран за последние полвека, при чем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов...».

Англия, указывал Ленин, преимущественно практикует систему либерально-реформистскую, Германия 70 и 80-х г.г. по преимуществу применяла систему консервативно-насильническую. 1909—1910 г.г. как раз являлись периодом особого расцвета английского либерального реформизма. В политической области это выражалось в некотором ограничении прав палаты лордов, в социальной области — в ряде либеральных законов по рабочему вопросу, проводимых по инициативе Ллойд-Джорджа.

Какую специфическую цель преследует буржуазия своим реформизмом в отношении рабочего класса? Ленин цитирует книжку А. Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении», вышедшую в 1909 году. Паннекук писал:

«Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии есть *введение в заблуждение рабочих*, *внесение раскола* в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного, якобы-реформаторства».

Ленин признает взгляды Паннекука «вполне правильными» и от себя замечает:

«Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики... Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. *Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении* и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола». (См. соч., т. XI, ч. II, стр. 136—137.)

Расколоть рабочий класс буржуазии удается тем, что она всяческими путями подкупает, ставит в привилегированное положение его верхушку, создает, по выражению Каутского, «процветающую часть пролетариата» и при помощи этой «процветающей части» обманывает и подчиняет своему влиянию порою большинство рабочего класса. Сознательное революционное меньшинство оказывается изолированным, — раскол класса налицо.

Социал-демократия обвиняет коммунистов в раскалывании пролетариата. На деле раскалывает пролетариат буржуазия при помощи социал-демократии. Пролетариат перестанет быть расколотым, когда коммунистам удастся *ликвидировать* влияние меньшевизма и сплотить рабочий класс под революционным, антибуржуазным знаменем.

«Зигзаги буржуазной тактики,—указывает Линин,—вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении». Причина ясна: несознательные массы, направляемые социал-демократией, проникаются доверием к «доброй воле» буржуазии, проникаются *иллюзиями* насчет возможности улучшения своего положения без тяжелой борьбы. Это, основанное на несознательности, на непонимании тактики буржуазии, доверие меньшевизм переводит на политический язык ревизионизма.

Теория соглашательства, теория «мирного сотрудничества классов», мирного разрешения социальных конфликтов отвечает на определенный период настроениям массы. В результате «зигзаги буржуазной тактики» приводят к желанной для имущих классов цели: массы с доверием взирают на реформистский либерализм,—ревизионизм, оппортунизм и меньшевизм усиливаются.

Но буржуазное реформаторство «всегда бессильно и эфемерно», ибо даже самая либеральная буржуазия неспособна существенно затронуть интересы капиталистического класса, а без решительнейшего нажима на капитализм, без реального сокращения капиталистических прибылей и аппетитов никакое серьезное улучшение положения пролетариата невозможно. Иными словами, реформистские обещания никогда не реализуются в сколько-нибудь существенных размерах, если пролетариат не производит энергичнейшего *революционного* нажима на буржуазию. Пассивное, доверчивое выжидание реформ никогда не даст пролетариату полезных для него реформ. Реформы — учит ленинизм на основании опыта всемирного и российского рабочего движения, — реформы суть *побочный продукт* революционного рабочего движения.

Для буржуазии обещания реформ — тактический ход, маневр, «зигзаг». Но пролетариат эти обещания принимает всерьез, и когда обман раскрывается, когда иллюзии рассеиваются, он берется за оружие революционной борьбы. Если эпоха реформизма усиливает меньшевизм, то эпоха революции ослабляет, раскалывает, распыляет его и усиливает, сплачивает, укрепляет коммунизм. Руководимый своей революционной партией, пролетариат производит все усиливающийся нажим на буржуазию, имея в виду ее *свержение*. Буржуазия пытается «откупиться» от революции реформами, «демократизирует» свои правительства и одновременно приводит в движение все свои боевые силы, чтобы со всей беспощадностью обрушиться на революцию.

Как в течение последнего десятилетия применяются эти две системы господства буржуазии?

Эпоха войны. Повсюду господствует система грубейшего насилия, которому с благословения социал-демократии подвергается пролетариат. «Гражданский мир» при военно-полицейской диктатуре явился именно выражением беспрекослов-

ного подчинения рабочего класса насильнической системе господства буржуазии. Либерализм, демократизм, пацифизм в эпоху войны сохраняются только в министерских речах и газетных статьях. На практике буржуазия правит по методам консерватизма и реакции.

1918 — 1920 г.г. Война расшатала буржуазный аппарат правления. Массы ставят в порядок дня ликвидацию буржуазного господства. Господствующие классы почти повсеместно применяют, главным образом, «мирные», «демократические» методы управления, идут на уступки своему рабочему классу. Этим путем они пытаются предотвратить внутреннюю революцию. Но с тем большим ожесточением мировая буржуазия набрасывается на внешнюю революцию, на республику Советов, применяя здесь жесточайшие методы реакционного насилия над революционной страной. Идя на уступки своему рабочему классу, буржуазия одновременно организует и укрепляет свой государственный аппарат и приступает к созданию *новой буржуазной партии,* вызываемой к жизни новыми усилиями борьбы, — к созданию *фашизма.*

1921 — 1923 г.г. Буржуазия переходит в наступление. В странах, непосредственно угрожаемых революцией, она уже имеет новую фашистскую партию. Центр тяжести повсеместно переносится на реакционно-консервативную систему управления. В одних случаях к власти формально и фактически приходит фашистская партия (Муссолини — в Италии, ген. Сект — в Германии), в других случаях старые буржуазные партии действуют «новыми» методами военно-фашистского подавления. И в том и в другом случае социал-демократия постепенно переходит в лагерь фашистской реакции. Как и во время войны, она пытается уговорить пролетариат подчиниться буржуазному господству.

Нынешняя эпоха отличается несомненно некоторыми особенными чертами. Период «чистого» насилия кончился или вернее кончается. Эпохи «чистого» демократизма нет и не будет. Утверждение, будто Европа целиком перешла на новые демократические рельсы, будто меньшевизм сменил собой фашизм, не соответствует действительности. Система «чистого» насилия кончилась. Системы «чистого» демократизма нет. Пред нами своеобразное положение. Перед нами, говоря словами Ленина, «переплетение» двух систем: фашистской и «демократической».

Что такое фашизм?

В 1921—1923 г.г. капиталистическая Европа стоит под знаком фашизма, под знаком контр-революционного наступления капитала. Какова судьба фашизма в новую «демократическую» эпоху? Но прежде всего, что такое фашизм? Тов. *Троцкий* в своей речи на с'езде работников лечебного и ветеринарного дела (21 июня 1924 года) говорил:

> «*Фашизм есть боевая организация буржуазии на время и для надобностей гражданской войны.* Вот что такое фашизм. Он играет для буржуазии *такую же роль,* какую *организация вооруженного восстания—для пролетариата.* Рабочий класс готовится к вооруженному восстанию, перестраивает соответственно свою организацию, создает ударные сотни, вооружает динамитом своих боевиков и т. д. Может ли такое положение длиться вечно? Очевидно, нет: либо рабочий класс победит, и тогда он создаст регулярную армию, либо его натиск будет отбит, и тогда сойдет на-нет, по крайней мере на ближайшее время, организация вооруженного восстания. Опять начинается эпоха политической агитации, собирания сил и проч., которая длится некоторое время, и лишь затем, через несколько лет (после 1905 г.), а иногда и десятков лет (после Парижской Коммуны), подготовляется новое восстание пролетариата. Мы уже сказали, что *фашизм есть непосредственная ударная боевая организация буржуазии, которой уже не хватает* старого государственного аппарата связанного легальностью и демократией, когда ей нужно *силою отбиваться от напирающего пролетариата,* — и вот она создает *боевые банды, готовые на все,* попирает свою легальность, свою демократию, чтобы отстоять свою власть. *Может ли фашизм длиться долго? Нет.* Если буржуазия удержится у власти, как это было в Италии в 1920 году, как это было в Германии в прошлом году, тогда она, использовав кровавую работу фашизма, старается расширить свою базу, опереться на среднюю и мелкую буржуазию и снова восстанавливает легальность. *Жить долго в условиях фашизма буржуазия не может,* как пролетариат не может годами находиться в состоянии вооруженного восстания [1]).

[1]) См. Л. Троцкий: „Запад и Восток", стр. 123.

Мы не можем признать правильным то определение, которое дает фашизму тов. Троцкий. Неверно, что фашизм есть только лишь «боевая организация буржуазии на время для надобностей гражданской войны». Сказать так, значит свести фашизм к военно-техническому аппарату. Фашизм, когда нужно выполняет военно-технические функции, но это не только боевая организация, не только боевая банда.

Фашизм, это—политическая партия буржуазии, вызванная к жизни новой эпохой войн и революций. На стороне пролетариата эта новая эпоха вызвала необходимость существования большевистской коммунистической партии. На стороне буржуазии эта эпоха *вызвала необходимость создания фашистской партии.* Возникновение и рост этой партии зависит от революционного движения. Страны, которые запаздывают с пролетарской революцией, запаздывают с возникновением сильной коммунистической партии, естественно будут запаздывать и с возникновением чисто фашистских партий. В Англии, например, буржуазия может еще известное время обходиться старыми партиями — консервативной, национал-либеральной (Ллойд-Джордж) и независимой либеральной (Асквит), внося в их практику те или иные фашистские «коррективы», смотря по надобности. Но в странах, где пролетариат, несмотря на отдельные неудачи, несмотря на временные отступления, непосредственно борется за власть, в этих странах буржуазия обходиться без фашистских партий не может. *Буржуазия сможет отказаться от фашизма в том случае, если она окончательно, не на годы, а на десятилетия, раздавит сопротивление пролетариата и у ближайшего поколения выбьет даже всякую мысль о борьбе за власть, или когда она сама потерпит жесточайший разгром и потеряет всякую надежду вернуться к власти.*

Поэтому совершенно неправильно считать, что функции фашизма ограничиваются только ведением военных операций в пользу буржуазии. Это так же неверно, как было бы неверным утверждать, что коммунистическая партия нужна рабочему классу только в момент восстания, в момент непосредственной войны против буржуазии. Бесспорно, коммунистическая партия более всего необходима пролетариату именно в эти тяжелые моменты его жизни. Коммунистическая партия в недели и месяцы вооруженного восстания применяет *особые методы*, вплоть до милитаризации собственных рядов,

отмены всяческого внутрипартийного демократизма и т. д., она создает *дополнительные* организации, технические комиссии, ударные отряды и т. д. и т. п. Все это так; но ограничивать значение коммунистической партии ее ролью в вооруженном восстании — значит вообще не понимать значения партии для класса.

Когда тов. Троцкий *сравнивает* фашизм с организацией пролетарского *восстания,* то он явно *не дооценивает* роли фашизма для буржуазии, как *не дооценивает* он *значения пролетарской революционной партии до и после восстания.*

Суть вопроса заключается в том, что пролетариат, вступая в *эпоху* борьбы за власть, создает *новую партию,* которая долгой, упорной, многосторонней борьбой и работой *подготовляет* революционное восстание, проводит его и дальше ведет неустанную борьбу и работу *по закреплению* одержанной победы, по строительству новой жизни. Для этой новой партии организация восстания дело не всей ее жизни, а дело временное. Пролетариат, — говорит тов. Троцкий, — одержав победу, создает регулярную армию. Пролетариат одержав победу, делает больше, — создает государственный аппарат. Но, создавая все это, *партия остается партией,* она остается и в случае победы и в случае поражения.

Что мы видим на стороне буржуазии? Пролетариат наступает на нее. Старые нормальные методы парламентаризма, старые партии, приспособленные к парламентаризму, оказываются неспособными защищать буржуазию. Она создает новую партию. Эту новую партию буржуазия создает не только для того, чтобы она руководила временными боевыми столкновениями с пролетариатом, — эту новую партию буржуазия создает для того, чтобы она дала отпор рвущемуся к власти пролетариату *на протяжении целой эпохи.* Буржуазия прекрасно понимает, что одним, двумя, тремя сражениями вопрос о власти не решается, что одна, другая неудача пролетариата обескуражить не может, что даже ряд тягчайших поражений не заставит рабочий класс отказаться от борьбы за власть. При этих условиях *фашистская партия становится для буржуазии такой же нормальной партией, как коммунистическая партия является нормальной партией пролетариата, стремящегося к революционному свержению буржуазии.*

Тов. Троцкий дает узкое, ограниченное и потому неверное определение задач фашизма и попутно задач пролетарской партии. По Троцкому выходит, что, когда кончается период непосредственных боевых действий то буржуазия может уж совершенно распустить свою боевую партию и, следовательно, и пролетариат может распустить свою революционную партию.

«Может ли фашизм длиться долго?»—спрашивает тов. Троцкий и отвечает категорическим «нет». Троцкий ссылается на пример Италии и Германии. Он говорит: «Если буржуазия удержится у власти, как это было в Италии в 1920 году, как это было в Германии в прошлом году, — тогда она... снова восстанавливает легальность. *Жить долго в условиях фашизма буржуазия не может,* как пролетариат не может годами находиться в состоянии вооруженного восстания». Это утверждение неверно: пример Германии и Италии целиком говорит *против* Троцкого.

В самом деле. Осенью 1920 года итальянская буржуазия «удержалась у власти». Преданный своей партией, пролетариат отступил без боя. Наступает «демократический» период либеральных правительств Нитти, Бономи, Факта. Но буржуазия чувствует крайнюю шаткость своего положения, несмотря на то, что пролетариат находится в состоянии тяжелого политического кризиса. Крупный капитал и крупное землевладение выдвигают, материально и морально питают фашизм, который беспощадно бьет *отступивший* уже пролетариат. Практика итальянского фашизма решительно опровергает утверждение Троцкого о том, что «фашизм есть *непосредственная ударная, боевая организация буржуазии*», чтобы «*силой отбиваться от напирающего пролетариата*». Муссолини *напирал* на *отступающий пролетариат,* и осенью 1922 года, — *два года спустя* после того, как итальянская буржуазия «удержалась у власти», — фашистская партия стала правительством Италии. Если бы фашизм был только «бандой», созданной буржуазией для того, чтобы она могла «силой отбиваться от напирающего пролетариата», то он нужен был итальянской буржуазии осенью 1920 года и только тогда, *а не после того,* как она уже без фашизма, при помощи социал-демократии, «удержалась у власти». Фашизм пришел к власти тогда, когда пролетариат «не напирал», когда буржуазии «отбиваться» от своего смертельного врага

не приходилось. Этот бесспорный исторический факт решительно ломает концепцию тов. Троцкого. Остается только удивляться, как он мог ссылаться на Италию.

Перейдем к Германии. Здесь буржуазия «удержалась у власти» в октябре—ноябре 1923 г., главным образом, при помощи социал-демократии. А фашистский режим фактически сохраняется, «легальности» фактически нет, беспрерывный натиск на отступивший пролетариат продолжается, в этом натиске прямое участие принимает социал-демократия. *Диктатура буржуазии осуществляется руками фашистского генерала Секта и социал-демократического фашиста Эберта.* Только филистеры могут убаюкивать себя и других иллюзиями насчет возможности режима «чистой демократии», режима парламентской «легальности» в Германии.

Тов. Троцкий игнорирует то существеннейшее обстоятельство, что *решение вопроса о власти дело не момента, а целой эпохи,* что класс, желающий сохранить господство или *завоевать* господство, должен создать партию, способную осуществлять политику данного класса на протяжении целой *эпохи.* Такую партию буржуазия выдвигает в лице фашизма, пролетариат — в лице большевизма. Фашизм и большевизм могут менять тактику, методы, организационные формы, но свою главную сущность при всяких условиях сохраняют. Вот почему на вопрос: «Может ли фашизм длиться долго», мы, вопреку Троцкому, отвечаем: Да, может. Окончание непосредственных боевых столкновений между классами ни в коем случае не означает ликвидации фашизма — на стороне буржуазии, ликвидации коммунизма — на стороне пролетариата. Кризисы при этом возможны и даже неизбежны, но не ликвидация.

Подчеркиваем, фашизм — это не временная, ударная банда капитализма, а серьезная партия буржуазии для ведения *длительной* оборонительной и наступательной борьбы с пролетариатом. Фашизм располагает не только бандами для поджогов, но прежде всего программой, тактикой, крепко сколоченной *партийной* организацией. Фашизм имеет идеологию, основанную на своеобразной смеси из реакционно-националистского романтизма, антисемитской демагогии, зубатовской «рабочей» политики. Эта партия мобилизует для защиты капитализма все силы — от попа до громилы, от генерала до меньшевика включительно. Фашизм — это слож-

ная всесторонне подкованная партия умирающей буржуазии. Фашизм — живое свидетельство того, что капитализм легко со своим господством не расстанется.

Задача коммунистов заключается вовсе не в том, чтобы сеять иллюзии, будто возможна мирная ликвидация фашизма, будто «жить долго в условиях фашизма буржуазия не может». В «нормальных», «мирных» условиях капитализму действительно необходимы «парламентаризм» и «демократия». Но «мирную» эпоху сменила эпоха войн и революций, которая будет длиться до ликвидации капитализма, т.-е., повидимому, достаточно «долго», и столь же «долго» буржуазия вынуждена жить в «условиях фашизма». Это отнюдь не означает, что будут происходить непрерывно бесчинства «боевых банд, готовых на все». Это означает только то, что «готовая на все» буржуазия имеет политическую *партию* на-ряду с министрами, депутатами и журналистами, располагающую и «боевыми бандами, готовыми на все», во имя защиты капитала.

Не филистерские иллюзии нужно распространять о возможности мирной ликвидации фашизма, а строить революционную партию, способную ликвидировать фашизм. Нужно строить большевистскую партию, всесторонне подкованную, с четкой идеологией, последовательной тактикой, стальной организацией, — партию смелую и отважную, которая была бы способна расшибить фашизм и сокрушить империализм.

Смена фашизма меньшевизмом или переплетение фашизма с меньшевизмом?

Через какой этап мы проходим, через какой этап проходит Европа? — спрашивал тов. Троцкий в речи на с'езде лекпомов и ветеринаров и отвечал следующим образом:

> «*После* эпохи империалистской войны, колоссальных потрясений, небывалых стачек, революционных столкновений, восстаний, когда все это оказалось недостаточно для победы, и пролетариат временно отступил от передовых позиций, — а это произошло — тогда буржуазия на-ряду с экономической ищет и политической устойчивости и с этой целью начинает опираться на промежуточные классы средней и мелкой буржуазии. *Она призывает не фашиста, а меньшевика* и говорит ему: затри кровавые пятна, лей на раны бальзам утешения, успокаивай,

обманывай, натягивай цветную паутину демократии. Эта смена, следовательно, не случайна, а закономерна» [1]).

В следующей своей программной речи, произнесенной 28 июля на собрании, устроенном обществом друзей физико-математического факультета I М. Г. У. [2]), тов. Троцкий по тому же вопросу говорил:

«На смену фашистам пришли пацифисты, демократы, меньшевики, радикалы и прочие партии мещанства». Итак, фашизм получил «отставку», его «сменили», его за ненадобностью устранили с исторической сцены. «Фашистская глава» уничтожена и вместо нее в исторической «книге судеб» снова появилась глава нормального буржуазного «порядка». Верно ли все это? Нет, не верно. Никакой «смены» фашизма нет, и ни о какой мирной ликвидации фашизма не может быть речи. Что же в действительности происходит? Перед нами *«кризис фашизма, кризис фашистско-реакционной, консервативной, керзоно-пуанкаристской политики*. Это несомненно.

Кризис итальянского фашизма наиболее ярко обнаружился во время убийства фашистами социал-демократа Маттеоти. Буржуазные оппозиционные партии произвели на правительство Муссолини энергичный *парламентский* натиск. Этот натиск совпал с внутренними колебаниями фашизма. Муссолини зашатался, но пока удержался. Однако состояние кризиса продолжается. На заседании национального фашистского совета Муссолини говорил, что «среди некоторых фашистов наблюдается отход от фашизма». «Отходят элементы, настаивающие на «умиротворении» страны, считающие, что фашизм уже сыграл свою роль. Муссолини с своей стороны заявлял, «что фашизм не должен действовать насилием», что лозунгами фашизма будто бы являются «мир, общее согласие и нормализация государственного порядка».

Бесспорно, что фашизм производит сложные маневры. На заседании фашистского совета Муссолини заявил, что «фашизм должен сделаться по преимуществу деревенским явлением». Одновременно он бранит капиталистов и заигрывает с рабочими. Проводится «конституционализация» фашистской милиции, т. е. из чисто партийной организации она превращается формально в государственную организацию.

---

[1]) Л. Троцкий, „Запад и Восток“, стр. 125.
[2]) „Правда“, 5 августа 1924 года.

Все эти факты свидетельствуют о том, что Муссолини под влиянием новой социально-политической обстановки пытается несколько «демократизировать» фашизм. Но так как рабочий класс политически оживает, и коммунисты снова поднимают голову, то одновременно, вперемежку с заявлениями о «нормализации», бесчинства фашистов в провинции продолжаются в широких размерах, а в центре действует новый «закон о печати»... Перед лицом всех этих фактов нужно слишком жаждать мира и покоя, чтобы кризис фашизма принять за его мирную ликвидацию.

Если мы обратимся к Германии, то и здесь, бесспорно, в среде фашизма можно обнаружить известный кризис. Раздаются голоса в пользу отказа от идеи насильственного переворота, высказываются за республику и т. д. Одновременно происходят отколы и расколы. Но тем не менее фашизм остается в качестве одного из важнейших факторов политической жизни страны, фашизм накладывает свой резкий отпечаток на направление государственной политики, фашисты занимают важнейшие места в государственном аппарате, прежде всего, в армии, затем в суде и полиции.

Кризис фашизма не есть гибель фашизма, — ее не допустит буржуазия. Отдельные политически ограниченные, пацифистски-настроенные представители буржуазии могут считать роль фашизма оконченной. Но как класс в целом, буржуазия не может не помнить, что это было еще вчера, когда пролетариат шел на штурм, и судьба капитализма висела на волоске. Фашизм для буржуазии не мавр, который «сделал свое дело и может уйти». Дело еще не сделано. Пролетариат не раздавлен. В 1924 году он сильнее, чем был в 1922—1923 г.г. Активность его увеличивается, а не уменьшается. Главные бои еще впереди. Обстоятельства вынуждают буржуазию несколько сократиться, свои грубые орудия отодвинуть на второй план, по возможности замаскировать. Поэтому фашистскую собаку капитализм сажает на цепь, но собака остается на дворе, и в любой момент может спустить ее с цепи.

Вернемся теперь к заявлениям тов. Троцкого относительно «смены фашизма меньшевизмом». Прежде всего вызывает недоумение фраза: «*После* эпохи империалистской войны, колоссальных потрясений, небывалых стачек, революционных столкновений, восстаний...». Как, разве эпоха войн и

революций, эпоха «колоссальных столкновений», даже «небывалых стачек» — кончилась? Как, разве наступила *эпоха* «мирного», «демократического», «нормального» капитализма? По всей видимости тов. Троцкий так именно и думает, иного вывода из приведенной фразы, из всех вообще его построений сделать нельзя, хотя прямо об окончании эпохи войн и революций он и не говорит. Но в таком вопросе недоговоренности не должно быть места. Если тов. Троцкий имеет фактические данные, подтверждающие радикальную перемену исторической обстановки, он должен эти данные привести и свое заключение точно формулировать. А факты, которыми к данному времени располагает Коммунистический Интернационал, говорят об одном: эпоха войн и революций продолжается, и *в рамках* этой эпохи буржуазия пытается проделать весьма трудные для нее маневры под знаменем «демократизма» и «пацифизма».

«Буржуазия,— говорит тов. Троцкий, — *призывает не фашиста, а меньшевика,* меньшевизм «сменяет» собой фашизм, «смена эта» не случайна, а закономерна». *Противопоставление фашизма* и меньшевизма неверно; фашизм фактически на деле *не вытесняется* меньшевизмом, а меньшевизм *сочетается* с фашизмом. Это сочетание неизбежно вытекает из того факта, что эпоха войн и революций изменила характер взаимоотношений между буржуазией и меньшевизмом. 12 декабря 1914 г. Ленин писал:

> «При всяком кризисе буржуазия *всегда будет помогать оппортунистам, подавлять, ни перед чем не останавливаясь, самыми беззаконными, жестокими военными мерами подавлять революционную часть пролетариата.* Оппортунисты, это — буржуазные враги пролетарской революции, которые в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса *сразу* оказываются открытыми союзниками *всей* об'единенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей, до религиозной и клерикальной. Кто не понял этой истины *после* переживаемых нами событий, тот безнадежно обманывает и себя, и рабочих». («Против течения», стр. 37.)

Фашизм, это — политическая партия буржуазии, военно-политический аппарат империализма, созданный для того, чтобы совместно с меньшевиками, при их поддержке, самыми беззаконными, жестокими военными мерами подавлять революционную часть пролетариата. Фашизм и меньшевизм не сменяют, а *дополняют* друг друга, *переплетаются* друг с другом. Так происходит повсюду, так прежде всего происходит в стране наибольшего обострения классовой борьбы — в Германии. Всякому известно, что в Германии именно меньшевизм, именно Эберты, Носке, Зеверинги, *совместно* с фашистами, совместно с военщиной подавляли, подавляют и будут подавлять «революционную часть пролетариата», пока сами не будут подавлены, придушены, уничтожены пролетарской революцией.

Фашизм и меньшевизм дополняют друг друга. Меньшевизм повсюду, где только пролетариат начинает войну с буржуазией, действует против восставших, восстающих революционных масс по-фашистски, мерами «беззаконного» военного подавления. Так было в России, в Германии, Польше, Болгарии, так будет повсюду, где рабочий класс откроет фронт против буржуазии. Социал-демократия стала фашистской. Фашистское перерождение мирового меньшевизма было неизбежно, ибо своей основной целью он считает защиту капитализма, а для этого в нашу эпоху сплошь да рядом необходимо прибегнуть к фашистскому, т.-е. «беззаконному», конституцией не предусмотренному, подавлению «революционной части пролетариата». Ленин в 1914 году *предвидел* это неизбежное превращение меньшевизма в кровавую собаку империализма, Троцкий и в 1924 году *не видит* фашистского перерождения меньшевизма.

Фашизм и меньшевизм дополняют друг друга, переплетаются друг с другом, но это не значит, разумеется, что фашисты и социал-демократия одна партия. Нет, это две партии, между ними происходит взаимная борьба. Порою эта борьба по ряду причин может принять весьма резкие формы. Фракционная и порой весьма жестокая борьба происходит и *внутри* фашизма и *внутри* меньшевизма. Но эта взаимная партийная и фракционная борьба не мешает тому, что фашизм и социал-демократия сообща применяют «самые беззаконные, жестокие военные меры подавления революционной части пролетариата». Кто этого не понял в итоге десяти

лет войн и революций, — «тот безнадежно обманывает и себя, и рабочих».

Переплетение фашизма с меньшевизмом наиболее ярко проявляется в Германии, где на основе самой демократической конституции происходит систематическая борьба с коммунизмом. Летом 1924 года республиканские суды приговаривают десятки и сотни революционеров к каторжным тюрьмам от 6 до 7 лет. В этих судах участвуют и несут ответственность за мстительный буржуазный приговор социал-демократы, — среди них такие видные деятели этой партии, как Гейне, Виссель, Брандес и др. Социал-демократ Эберт назначает лютого врага пролетариата, фашиста Ниднера, президентом имперского суда. Коммунистические газеты закрываются пачками, собрания запрещаются, демонстрации разгоняются... Фашизм и меньшевизм дружно и согласованно спасают республику крупного капитала. И тут, как злая насмешка звучат слова Троцкого:

«Буржуазия призывает не фашиста, а меньшевика и говорит ему: затри кровавые пятна, лей на раны бальзам утешения, успокаивай, обманывай, натягивай цветную паутину демократии»... Это эбертовская социал-демократия «затирает кровавые пятна, льет на раны бальзам утешений» — каторжными приговорами? Это полиция социал-демократа Зеверинга «успокаивает» пролетариат? Или, быть может, принятие плана экспертов несет измученному рабочему классу «бальзам утешения»? Увы, германская буржуазия, а вместе с ней и германская социал-демократия вовсе не настроены лазаретно-демобилизационно. Вместе с фашизмом, меньшевизм продолжает политику классовой войны, а не мира.

Что же касается Италии, то Муссолини в телеграмме с'езду фронтовиков напоминает, что он в 1920 г. был «*сторонником соглашения между социалистами, пополяри и фашистами*». Муссолини заявляет, что он и сейчас за соглашение на основе взаимности. Вождь фашизма мог еще напомнить, что он в 1923 году *предлагал министерские посты вождям итальянского меньшевизма*. Тогда сделка не состоялась, в скором времени сделка, вероятно, состоится. Муссолини несколько «смягчит» свой режим, — он вынужден считаться с изменением общеевропейской обстановки. Фашизм «демократизируется», и тогда не будет причин, которые могли бы поме-

шать официальному блоку между правым, фашистским и левым, меньшевистским, крылом итальянской буржуазии. Но никто о «бальзаме утешений» не вспомнит, никто «кровавых пятен» затирать не будет. Не до того, не такая эпоха.

Итак, вредной иллюзией является утверждение, будто фашизм ликвидируется мирным парламентским путем. Фашизм переживает кризис, который не может быть для него смертельным, если не развернется в общий революционный кризис всего капитализма. Возможно, что буржуазия временно отодвинет фашизм от власти, но в этом случае *фашизм сохранится, как партия, как движение* — для постоянной, всесторонней борьбы с пролетариатом, для постоянного давления на государственный аппарат, в целях обеспечения *устойчивости реакционного курса.*

Переплетающиеся друг с другом фашизм и меньшевизм составляют двуединую опору империализма. Всех их ликвидирует *только* революция.

Основные причины «левого» курса

Смены фашизма меньшевизмом нет, но есть бесспорное ослабление правого, фашистского, фланга буржуазии и столь же бесспорное усиление ее левого — меньшевистского, демократического, соглашательского, фланга. Чем об'ясняется этот несомненный факт? Сила или слабость империализма кроется в этой новой передвижке политических сил? Об'яснение, даваемое тов. Троцким, сводится к тому, что буржуазия одержала решительную победу, сомнений в прочности своего положения у нее нет, — поэтому она и позволяет себе роскошь либеральничать. Фашист сделал свое кровавое дело,—он получает отставку, — социал-демократии поручается разливать по миру «бальзам утешения». В речи на собрании, организованном Обществом друзей физмата I М. Г. У., 28 июля, тов. Троцкий говорил:

> «Смена фашистской главы главою нормального буржуазного «порядка» предопределялась тем, что атаки пролетариата, и первая (1918 — 1921 г.г.) и вторая, (1923 г.) были отбиты. *Буржуазное общество устояло,* и к нему вернулся известный *прилив самоуверенности.* Буржуазия не так угрожаема сегодня в Европе непосредственно, чтобы вооружать и пускать в действие фашистов. Но она

чувствует себя недостаточно твердо, чтобы править от собственного лица. Вот почему *между двумя действиями исторической драмы, — для заполнения исторического антракта, — и нужен меньшевизм»* [1]).

Вспомним, что говорил т. Троцкий в речи на с'езде лекпомов и ветеринаров: «эпоха империалистской войны, колоссальных потрясений, небывалых стачек, революционных столкновений, восстаний» — кончилась, победы пролетариата нет, буржуазия приобрела и экономическую, и политическую прочность. О перспективах германской революции т. Троцкий говорил в самых безнадежных тонах: там дело решительно проиграно. Ну, если дело так обстоит, если окончился период даже «небывалых стачек», то чем, в самом деле, рискует буржуазия? Почему ей не перейти к «нормальному» режиму — с «бальзамом утешения», с «цветной паутиной демократии»?

Две атаки, — говорит тов. Троцкий, — отбила буржуазия. Однако вот что заслуживает серьезнейщего внимания. После периода 1918 — 1921 г.г. буржуазия, как только почувствовала, что «устояла», сразу *перешла в наступление,* повсеместно усилилась политическая и экономическая реакция, массы были приведены в состояние пассивной обороны, вернее, дезорганизации и деморализации. Что мы видим в 1924 г., — после того, как буржуазия вторично «устояла»? Она не решается повторить опыт наступления 1921—1923 г.г., наоборот, на первый план выдвигает меньшевизм, демократию, сама приходит в состояние обороны. Почему это происходит? Да потому, что *европейская буржуазия не чувствует себя победительницей,* что она стоит перед огромными затруднениями, с которыми справиться фашистско-пуанкаристскими способами оказалось делом невозможным. Если бы буржуазия чувствовала себя сильной, она прежде, чем «отпустить» фашизм, нанесла бы окончательный удар революционным силам пролетариата, *закрепила* бы свою победу и уже после известного промежутка времени подумала бы о «нормальном режиме». Буржуазия не хочет обманывать себя, в 1924 г. она чувствует себя слабее, чем в 1921—1923 г.г. — в период «наступления капитала». В 1924 году широкие пролетарские и мелко-буржуазные массы производят энергичное,

---

[1]) „Правда", 5 августа 1924 г.

пока парламентское, давление на империализм. Умный вождь русской буржуазии Милюков предвидит, что в скором времени парламентский нажим перейдет в непарламентское наступление на капитализм. Буржуазия, очевидно, не желает ускорения того момента, когда ей придется выдержать новую, быть может, решающую, атаку масс, поэтому идет пока на некоторые уступки, призывает демократические правительства и т. д.

По Троцкому фашизм отступил потому, что пролетариат на долгий ряд лет, если не на десятилетия, побежден, что первая эпоха революций окончилась в пользу буржуазии. В действительности фашизм отступает потому, что буржуазия *не победила,* рабочий класс напирает, кризисы, противоречия, бесчисленные не решенные проблемы создают невозможное положение, что революционная эпоха продолжается.

Троцкий думает, что буржуазия, окончив классовую войну победоносно, *разоружается,* «демобилизует» свою главную политическую силу — фашизм. В действительности буржуазия не разоружается, ибо она прекрасно знает, что выиграла только первые частичные сражения, а главные бои еще впереди. В ожидании этих главных боев, буржуазия *маневрирует,* отводит главные силы в ближайший тыл для *перегруппировки.* Тов. Троцкий маневры смешивает с радикальной переменой стратегической обстановки, временное затишье принимает за окончание войны.

Буржуазия взяла курс на «демократию», призвала снова меньшевиков не от большой самоуверенности, а от неуверенности и неустойчивости. Тов. Радек в своей статье «Барометр выборов» («Красная Новь», июнь — июль 1924 г.) подтверждает именно такой вывод. Главное значение выборов во Франции Радек видит в том, что «массы устали» от империализма, сдвинулись влево, *«перестали быть базой для политики авантюр».*

Массы повернули налево, база под империализмом несколько сузилась, он испытывает затруднения, ибо должен делать свою разбойничью политику руками левого блока, в значительной степени зависящего от полевевшей рабочей и мелко-буржуазной массы. Стало быть, перед нами сдвиг не в сторону реакции, а *от реакции,* от 100%-ного империализма.

Каково положение в Италии — в стране классического фашизма? Здесь,—говорит т. Радек,—«*выборы показали силу,*

направленную против фашизма. Это — сила рабочего класса и мелкой буржуазии». Фашизм и здесь вынужден уступать давлению слева, со стороны масс. И здесь мы имеем сдвиг не в сторону реакции, *а от реакции.* И здесь Муссолини левеет не от того, что чувствует «прилив самоуверенности», а от того, что положение его под давлением масс заколебалось.

«Барометр выборов» показал полевение масс не только во Франции, Италии, но и в Англии. Радек продолжает: «И Франция и Англия — это доказали выборы — находятся в процессе *глубокого брожения. Контр-революционные силы в них очень ослабли,* но силы революции только начинают организовываться». Итак, поворот налево во Франции, Англии и Италии является следствием не упрочения буржуазного господства, не результатом уверенности в себе со стороны капитализма, как это кажется тов. Троцкому, — поворот налево произошел от того, что силы контр-революции в этих странах «очень ослабли».

Это признание тов. Радека тем ценнее, что он — единомышленник Троцкого и к революционным перспективам относится так же скептически, как и тов. Троцкий. Вместе с тов. Троцким он переоценивает размер кризиса фашизма, когда говорит о «начале процесса *распада* фашизма» в Италии, хотя одновременно относительно Германии он указывает, что там процесс консолидации «еще не завершился». Троцкий говорит о «смене» фашизма меньшевизмом, Радек говорит о «чередовании фашистского и демократического движения»; как и тов. Троцкий, он не видит переплетения фашизма с меньшевизмом. Но Радек оперирует *фактами,* и это обстоятельство заставляет его построить несколько иную схему, чем строит тов. Троцкий, который, как общее правило, конкретных фактов текущей политики не касается, а декларирует общие отвлеченные положения насчет того, что могло бы быть и чего, вероятно, не будет...

«Через какой этап мы проходим?»

Вернемся к основному вопросу современности: «через какой этап мы проходим?». Является ли *предреволюционной* или *пореволюционной* наступившая «демократическая эра?». И тут мы подходим к одному интересному пророчеству тов. Троцкого. К своей книжке «Запад и Восток» т. Троцкий

приложил *девять* выдержек из своих прежних речей и статей. Первая выдержка относится к 16 июня 1921 года (речь на заседании И. К. К. И.), последняя — к 30 ноября 1922 г. (статья «Политические перспективы»). Выдержки приложены с единственной целью показать, что тов. Троцкий что-то предвидел и предвиденье его блестяще оправдалось. Что же предвидел тов. Троцкий?

14 июля 1921 г. Письмо к Кашену и Фроссару.

Троцкий предсказывает:

«У вас явно надвигается *эпоха керенщины,* режим радикально-социалистического блока, как первая смутная реакция против военной эпохи... Французская керенщина будет означать чрезвычайную расшатку государственного аппарата. Между империалистскими кликами и их кандидатами на роль Галифе, с одной стороны, и наступающей пролетарской революцией, с другой, станет *временно,* в *виде буфера, беспомощный блок радикалов и социалистов* — Кайо, Лонге и компании. *Это будет великолепное вступление в пролетарскую революцию».*

2 марта 1922 г. Статья об едином фронте:

«Идея «левого блока» висит во французской политике. Весьма вероятна *пацифистская реакция* в широких кругах буржуазного общества, т.-е. прежде всего среди мелкой буржуазии».

3 ноября 1922 г. Статья «Противоречия» советской политики»:

«Новая *эпоха реформистско-пацифистских иллюзий,* после иллюзий войны и победы, неизбежна во Франции и может стать *прологом пролетарской революции».*

15 ноября 1922 г. Поправка к проекту тактической резолюции IV Конгресса Коминтерна:

«В *Англии* предстоит, и притом в близком будущем, *эра демократически-пацифистских иллюзий...* В лице Ллойд-Джорджа потерпела крушение шарлатанская попытка «левого» империализма сыграть на дипломатическом поле полупацифистскую комедию... *Подлинный расцвет пацифистских иллюзий только еще предстоит».*

17 ноября 1922 г. Доклад на IV Конгрессе Коминтерна:

> «*Методы открыто империалистские, агрессивные* — методы Версальского мира, Фоша, Пуанкарэ, Керзона — явно *упирается в тупик*... Накопляются реформистско-пацифистские настроения».

30 ноября 1922 года. Статья «Политические перспективы»:

> «Перелом внутренней политики во Франции и Англии, если он произойдет *до победы коммунистов* в Германии, может на известное время *окрылить германскую социал-демократию*. Шейдеман может снова притти к власти, — но это будет уже *прямым вступлением к революционной развязке*. Ибо совершенно очевидно, что *бессилие реформистско-пацифистского режима* в условиях нынешней Европы обнаружилось бы не в течение лет, а в течение месяцев и недель».

Каков основной смысл всех этих предсказаний т. Троцкого, *которые в основном одновременно были предсказаниями и Коминтерна?* Политика империалистского грабежа и насилия, политика Керзонов и Пуанкарэ потерпит крах. Тогда буржуазия попытается укрыться под сень демократии и реформизма. *Массы заставят* Керзона и Пуанкарэ отступить. *Под давлением масс* наступит «эпоха реформистско-пацифистских иллюзий». От иллюзий, связанных с империалистской политикой, массы перейдут к иллюзиям, связанным с реформизмом. Но реформизм обанкротится еще быстрее, чем обанкротился «чистый» империализм. Иллюзии изживутся. Перед рабочим классом и мелкой буржуазией не будет иных путей к спасению, кроме пролетарской революции. Реформизм, который наступит после краха империалистской политики, будет режимом *предреволюционным*, режимом капиталистической неустойчивости, неуверенности, колебаний, шатаний. Этот режим неизбежно будет питать пролетарскую революцию.

Оправдались ли эти предсказания? Да, оправдались. Макдональд, Эррио, Стаунинг (Дания), Давидович (Юго-Славия) пришли к власти в результате краха политики Керзонов и Пуанкарэ, они были выдвинуты на первый план недовольством масс. Фашистский режим в Италии колеблется под влиянием подземных, отчасти и надземных толчков пролетариата и мелкой буржуазии. Активность пролетариата во Франции,

Англии, Италии, Чехо-Словакии, на Балканах, в Польще растет. Крестьянство на Балканах, в Чехо-Словакии, в Польше, во Франции все больше поворачивается лицом к пролетариату и спиною к империализму. Влияние коммунистов во всей Европе растет. Во Франции, Англии, Чехо - Словакии, коммунисты одержали ряд серьезных политических побед. В десятилетнюю годовщину войны коммунизм выступил в качестве единственной революционной, антивоенной, антиимпериалистской партии. Политическая кампания коммунистов против войны, с большим успехом проведенная в ряде стран и прежде всего во Франции, привела в бешенство империалистскую буржуазию.

Несмотря ни на что, революционное движение неуклонно поднимается в гору. «Пацифистски-демократическая эра» выступает перед нами, как эра *предреволюционная, открывающая дорогу к власти рабочему классу*.

Предсказания оправдались, но... когда они оправдались, *тов. Троцкий отрекся от них*. Он предсказывал демократический режим, как режим *предреволюционный*. Но когда этот режим установился, тов. Троцкий об'явил, что перед нами — режим *пореволюционный*. Власть Эррио-Макдональда — именно потому не керенщина, что «керенщина означает период агонии буржуазного государства», а сейчас этой агонии нет. Пролетариат Европы потерпел «тяжкое поражение»... в Германии [1]). Буржуазия укрепилась, она идет к полному «нормальному» господству, но не сразу: «Между двумя действиями исторической драмы,—для заполнения исторического антракта, — и нужен меньшевизм» [2]). Между первым, революционным актом «исторической драмы» и вторым, контрреволюционным актом этой драмы — «для заполнения исторического антракта» — буржуазия ввела либерально-демократическо-пацифистский режим. Этот режим служит прологом *не* к пролетарской революции, а к чистой, «нормальной» капиталистической диктатуре. Революционное движение идет не в гору, а под гору. Буржуазия революции не боится, она распускает «фашистские банды», она спокойно и уверенно

---

[1]) Л. Троцкий, „Запад и Восток", стр. 142, примечание к приложению.

[2]) Доклад на собрании, организованном Обществом Друзей физмата I М. Г. У., „Правда" от 5 августа.

идет к своему полному господству. От режима Эррио-Макдональда переход не к революции, а к реакции.

Вот как, оказывается оправдалось пророчество тов. Троцкого. Он ожидал *пролога* к революции, получил *эпилог* революции. Но пророком он себя все-таки считает, — не даром же приложил к своей книге девять выдержек. Пророком он продолжает себя считать, ибо партия Макдональда стоит у власти, и партия Кайо в лице лионского мэра Эррио возглавляет Францию в коалиции с партией Лонге. *Формально* Троцкий пророк. Но по существу, но фактически, не с точки зрения перемещения политических фигур, а с точки зрения установления тенденций исторического развития, своему пророчеству т. Троцкий придал более чем странный характер. С 16 июня 1921 г. по 30 ноября 1922 года он предсказывает *предреволюционный* режим. В девяти выдержках он документирует свои предсказания. А в примечании от 15 июля 1924 г. нонпарелью, мельчайшим в природе шрифтом, заявляет, что пророчество сбылось «немножко наоборот»: вместо предсказанного предреволюционного режима, наступил режим *пореволюционный*, вместо пролога получился эпилог.

Но, может быть, мы ошибаемся, может быть, мы неправильно толкуем т. Троцкого? Может быть, мы не так поняли напечатанное мельчайшим в природе шрифтом? Проверим себя, обратимся к речи т. Троцкого от 28 июля, произнесенной на собрании, организованном О-вом друзей физмата I М. Г. У.

В речи 28 июля тов. Троцкий ставит вопрос о том, что такое керенщина и отвечает:

> «Такое наименование мы условно давали ожидавшемуся нами пришествию реформизма около трех лет тому назад, *ожидая совпадения парламентских перемен влево во Франции и Англии с революционными переменами в Германии*. Этого совпадения не получилось вследствие поражения немецкой революции осенью прошлого года. Когда определение керенщины повторяют иногда и теперь в применении к левому блоку или макдональдовщине, то это свидетельствует о *непонимании обстановки* и о злоупотреблении привычными словами».

К заявлению тов. Троцкого мы должны сделать одну весьма существенную фактическую поправку. Он уверяет,

будто наступление керенщины у него связывалось «с революционными переменами в Германии». Это неправда. Утверждаем категорически: *наступление керенщины Троцким ожидалось вне зависимости от «революционных перемен в Германии»*.

17 ноября 1922 года в докладе на IV конгрессе Коминтерна тов. Троцкий говорил:

> «Наступление реформизма во Франции и Англии неизбежно вызвало бы *в Германии новый прилив соглашательских и пацифистских надежд*: с демократическими правительствами Англии и Франции можно договориться, можно получить отсрочку по платежам и даже скидку, можно при их содействии получить *заем в Америке* и пр. *А кто же более приспособлен для соглашения с французскими радикалами, социалистами, как не германские социал-демократы?*» [1]).

Кажется ясно? В Англии и во Франции у власти радикалы и меньшевики, в Германии это вызывает «новый прилив соглашательских и пацифистских надежд», в Германии принимаются за маклерскую работу «спецы» по этой части — «германские социал-демократы». *Наступление англо-французской керенщины связывается не с «революционными переменами в Германии, а, наоборот, справедливо ожидается новый прилив соглашательских и пацифистских надежд» в Германии, как результат англо-французской керенщины.*

Так или иначе, но «демократическо-пацифистский» режим, установившийся в ряде стран, т. Троцкий отказывается принять за керенщину. Почему? Обстановка радикально изменилась, «привычные слова» решительно нужно оставить, ибо немецкая революция потерпела поражение. А каково положение в других странах? В речи 28 июля т. Троцкий говорил:

> «Силы английской коммунистической партии не таковы, чтобы можно было говорить в сколько-нибудь близкой перспективе о захвате власти... Макдональд, по всей вероятности, на этот раз пока еще не *уступит место консерваторам или либералам в парламентском порядке.*

[1]) Л. Троцкий, „Запад и Восток", стр. 146, 1-й абзац сверху.

Во Франции ни состояние государственного аппарата, ни силы коммунистической партии не таковы, чтобы предполагать непосредственное и быстрое развитие режима левого блока в пролетарскую революцию».

Словом, мы наблюдаем *антракт,* через короткое время на сцену выступит неприкрытая капиталистическая реакция. Не пролог к революции, а эпилог революции. А тов. Троцкий все же бесспорный... пророк.

Какой же, все-таки, режим установился в Европе? «Что такое этот период межеумочного реформизма»? — спрашивает тов. Троцкий в речи 28 июля и, прежде чем на это ответить, замечает:

> «Такой вопрос не может разрешиться только в плоскости суб'ективной, т.-е. в плоскости наших желаний, одной нашей готовности изменить обстановки. И здесь, как всегда, *об'ективный анализ, учет того, что есть,* учет того, что *изменяется,* что *становится,* должен быть предпосылкой нашего действия».

Тов. Троцкий переходит к «учету того, что есть», и вот его выводы. «Реформизм» и «демократизм» в политике не сопровождаются реформизмом в социальной области: например, о 8-часовом рабочем дне говорят больше всего в антиреформистском духе: в смысле его отмены. Но за это стабилизируется валюта, и тем самым стабилизируется заработная плата — «одна из важнейших основ нынешней реформистско-пацифистской эры». Разумеется, вопрос о стабилизации зарплаты — весьма важный вопрос. Но ведь еще важнее вопрос об ее *размерах.* Между тем нынешний «реформизм» характеризуется не только отменой 8-часового рабочего дня, но и повсеместными попытками *понизить* заработную плату. Это важнейшее обстоятельство т. Троцкий упускает из виду.

Вторая «основа нынешней реформистско - пацифистской эры», по мнению т. Троцкого, это — упрочение хозяйственного равновесия Европы. Как в этом отношении обстоит дело? В Европу пришла Америка, которая является «хозяином капиталистического человечества». Этот всесветный хозяин Европу сажает на «паек». Европа упирается, но уйти из-под американской диктатуры не может. «Европейская

социал-демократия становится на наших глазах политической агентурой американского капитала». Социал-демократия требует, чтобы европейская буржуазия выполняла волю «хозяина капиталистического человечества». При этих условиях «шансы европейского реформизма» зависят от шансов американского «пацифизма», от того, насколько Америке удастся провести свой «пайковый» план.

Но «что такое этот период международного пацифизма»? Прямого ответа на этот вопрос тов. Троцкий не дает. Мы знаем только, что это не «керенщина», не предреволюционая форма власти, что это просто «антракт», после которого окончательно упрочится реакция. Во время «антракта» за кулисами, очевидно, американский капитал «монтирует» второй акт «исторической драмы»... Вот «через какой этап мы проходим».

Тов. Троцкий дает схему, внешне весьма стройную и безупречную, но внутренне совершенно пустую, бессодержательную. Европа *превращается* в американскую колонию, — точнее — полуколонию. Это бесспорно. Но это превращение дело не месяцев, а длительного периода, во время которого *самостоятельные социально-политические и экономические факторы Европы продолжают действовать — усложнять запутывать, обострять*. Приход Америки, между прочим, сам является одним из элементов обострения положения. Затем, Америка диктует, но Европа далеко не во всем подчиняется и подчиняться не может, — лондонская конференция (июль—август 1924 г.) показала, что при всей зависимости от Америки, Франция смогла отстоять перед лицом англо-американского блока свою позицию в рурском вопросе. Вопреки воле Америки и Англии, на целый год Франция остается в Руре, и английская либеральная газета «Манчестер Гардиан» вынуждена с величайшим огорчением заявить:

«*Новая борьба начинается в тот самый день, как закончилась конференция*. Правительство Эррио, без сомнения, будет действовать честно, но год — долгий срок для французской политики. Сколько правительств мы еще увидим во Франции раньше, чем этот год кончится!».

Это было бы очень просто и очень недурно для мирового капитализма, если бы Америка могла в приказном порядке решать судьбу Европы. Но этого нет и этого не может быть.

В Европе «новая борьба начинается в тот самый день, как закончилась конференция», — конференция, «контролируемая» могущественным «пацифистским» американским империализмом.

Подойдем к вопросу с другой стороны. Европа становится полуколонией Америки, Россия была полуколонией Антанты. Это значит, что европейский пролетариат будет испытывать *двойную* эксплоатацию, как испытывал двойную эксплоатацию российский пролетариат. Но полуколониальное положение Европы не помешает пролетариату произвести революцию, как не помешала зависимость России от Антанты большевикам произвести революцию. Наоборот, двойная эксплоатация ставит перед пролетариатом категорическое требование: либо революционным путем сбросить с себя отечественное и чужеземное капиталистическое иго, — либо погибнуть. К европейской революции американский капитал имеет то отношение, что он эту революцию ускоряет, делает ее неизбежной. Тов. Троцкий на словах это признает, на деле в его схему «хозяин капиталистического человечества» входит, как фактор, на неопределенное время эту революцию откладывающий.

Германская революция

Осеннее (1923 г.) поражение германского рабочего класса тов. Троцкий считает *катастрофой* для всего европейского пролетариата. «*Срыв* германской революции, — говорил он в речи 28 июля,—открывает *новый период в развитии Европы* и отчасти — всего мира... На смену фашистам пришли пацифисты, демократы, меньшевики, радикалы». Как и почему это случилось, — мы уже знаем: буржуазия победила, начинает либеральничать. Поражение германской революции для тов. Троцкого является решительным, окончательным. Вот что он говорил в речи 28 июля:

> «Более благоприятных предпосылок для революции пролетариата и для захвата власти история не создавала и вряд ли когда-либо создаст. Если бы *заказать молодым нашим марксистским ученым придумать обстановку более благоприятную для захвата власти пролетариатом, то я думаю, что они не придумают,* если, разумеется, захотят

оперировать с реальными, а не сказочными, фантастическими данными. Но не хватало одного. Не хватало такой степени закала, дальновидности, решимости и боеспособности коммунистической партии, чтобы эти качества могли обеспечить своевременное выступление и победу».

Если германские коммунисты — напрашивается само собой вывод — не смогли использовать такую исключительно благоприятную неповторяемую обстановку, то что же они могут сделать при иной, заведомо худшей обстановке? Нет, их положение безнадежно, тем более, что зарплата стабилизировалась и американский капитал берет в свои руки судьбу Европы...

Обстановка была благоприятная, даже «молодые наши марксистские ученые лучшей не придумают». «Но не хватало одного...» Вот если «ученым» давать такие странные «заказы», то они, вероятно, неповторяемую «обстановку» дополнили бы прежде всего тем, чего только и не хватало. Ибо ведь недальновидная, нерешительная партия является составной частью неповторяемой обстановки. Ведь эта партия не с неба свалилась, — она выросла на той же германской земле, на которой создалась благоприятная для революции обстановка.

Что же касается самой «обстановки», то неужели она так-таки и неповторяема? В чем состояло существо этой обстановки? В полном экономическом и политическом банкротстве буржуазии, в растерянности, в распаде, разложении ее *старых* партий, в частности, в расщеплении социал-демократии. Что тут неповторяемого? В какой из этих областей германская буржуазия сотворила чудо? Какую из стоящих перед ней основных проблем разрешила она?

Но нам повторения «обстановки» и не нужно, ибо она не была идеальной. Если на почве этой обстановки вожди компартии действовали архи-неумело, то зато новая фашистская партия буржуазии действовала весьма энергично, армия была на ее стороне. Мы будем просить наших «ученых» «придумать» новую революционную обстановку, с ослабленным фашизмом, разложившимся рейхсвером.

Тов. Троцкий стоит на той точке зрения, что пролетариату только раз в жизни улыбается счастье, только раз история ему преподносит «благоприятные условия» для своей

революции. Если он прозевал, — все тогда кончено. В речи на с'езде лекпомов и ветеринаров тов. Троцкий сказал:

> «Нельзя себе представить дело так, что история механически создает условия революции и преподносит их затем, по востребованию партии в любой момент на блюде: получай и распишись в получении. Этого не бывает. Класс *должен* в длительной борьбе выковать такой авангард, который сумеет разобраться в обстановке, который *узнает* революцию, когда она постучится в дверь, который *в нужный момент сумеет понять задачу восстания*, как задачу искусства, выработать план, распределить роли и нанести буржуазии беспощадный удар».

Словом, суб'ективный фактор революции должен быть готов тогда и в такой мере, когда и в какой мере готов фактор об'ективный. «*Класс должен* в длительной борьбе выковать такой авангард...» Ну, а если класс, угнетенный, находящийся в материальном и духовном плену у буржуазии, *не смог* к «подходящему» моменту «выковать» такой авангард?» Что же, история отсрочки не дает? Второй раз она «условия революции» уже не «преподносит»?

Каким безнадежным делом была бы пролетарская революция, если бы рассуждения тов. Троцкого были верны. К счастью, они совершенно не верны. История не так «строга», не так безжалостна к пролетариату, как это изображает тов. Троцкий. История дает угнетенному классу отсрочку и не одну. Ибо после того, как пролетариат не смог использовать благоприятный момент, основные проблемы, вызвавшие кризис буржуазии, сохраняются. В эпоху войн и революций новые кризисы нарастают и разражаются быстро.

Упустить момент—это не значит погубить все дело революции. Поэтому не прав т. Троцкий, когда он в своей книге о Ленине заявляет: «Если бы мы не взяли власть в октябре, мы бы не взяли ее совсем». В марте 1924 года он написал эти слова для того, чтобы сказать: раз немецкие коммунисты не взяли власть в октябре 1923 года, они «не возьмут ее совсем».

Однако даром упущение подходящей обстановки не проходит. Инициатива переходит к противнику, который начинает наносить пролетариату серьезные удары. Что обяза-

тельно в этот период для класса и его партии, — так это *учиться на уроках, не впадать в панику и неуклонно готовиться к новым боям.* В эпоху войн и революций обстановка меняется быстро.

В тоне полной безнадежности говорит т. Троцкий о германской революции. В этом отношении прямо-таки тягостное впечатление производит его речь на с'езде лекпомов и ветеринаров. Произошло «*роковое* упущение». В результате всех неудач, «внезапное отступление с первоклассных позиций без боя — *самое жестокое из всех возможных поражений*». Мы не входим сейчас в рассмотрение вопроса о том, правильно ли поступила германская компартия, отступив без боя. Но почему вообще отступление без боя считается самым жестоким из всех возможных поражений? — В июле 1917 г. наша партия по существу отступила без боя. Движение началось стихийно, столкновения произошли стихийно, но сознательно партия боя в тот момент не хотела и она от боя уклонилась. Общего между российским июлем 1917 г. и германским октябрем 1923 года то, что и в том, и в другом случае партия отступила без боя, и в том, и в другом случае отступление в общем было проведено в порядке, и в том, и другом случае аппарат партии и живые силы революции были сохранены, перестроены и подготовлены к новым боям. Почему *такое* отступление является «самым жестоким из всех возможных поражений»? — К чему такое чудовищное преувеличение, которое граничит с *паникой?*

«В конце 1923 года, — продолжает т. Троцкий, — коммунисты потерпели в Германии *величайшее поражение, никак не меньшее, чем наше поражение в 1905 году*».

Что означает поражение 1905 года? — Активные силы пролетариата разбиты, партия разгромлена, в стране действуют военно-полевые суды, черносотенные банды бесчинствуют повсюду, — победа царизма полная, решительная. Разгон 2-й Госуд. Думы и изменение избирательного закона (3/16 июня 1907 г.) формально закрепляет победу царско-помещичьей реакции. Революционная обстановка в России исчезает, — укрепление реакции в России сопровождается усилением реакции во всей Европе. Наступает *эпоха реакции.*

Разве что-либо подобное мы видим в настоящее время в Германии, — разве пролетариат разбит, разве его партия разгромлена, разве буржуазия одержала полную решительную

победу? — В 1907 — 1910 г.г. российский пролетариат *не мог подняться,* так как он был обескровлен, обезглавлен, парализован. Перед ним стояла несокрушимая *внешняя* сила. Германскому пролетариату никакая внешняя сила не помешает подняться к решающей борьбе. Он обладает гигантской всесокрушающей силой, которая еще не была пущена в ход, не была испробована как следует быть.

Троцкий напоминает, что российскому пролетариату понадобилось 12 лет, чтобы совершить вторую революцию. Германский пролетариат, — говорит он, — потерпел «величайшее поражение», ему нужен известный и притом *значительный промежуток* времени, чтобы переварить это поражение, усвоить его урок и оправиться от него. «Сколько понадобится времени? — Пять лет? — Двенадцать лет? — Никакого точного ответа на этот вопрос дать нельзя». Тов. Троцкий справедливо указывает, что «темп развития в смысле радикального изменения политической обстановки стал после войны гораздо более быстрым, лихорадочным, чем до войны». Отсюда, несколько неожиданный после об'явления прошлогоднего поражения катастрофой вывод: «торжество контр-революции в Германии не может быть длительным».

Суть вопроса заключается в том, что в Германии, как и во всей Европе, *не решен вопрос о власти,* нет прочного «торжества контр-революции». В Германии, как и во всей Европе, у власти стоит блок срединных, промежуточных партий, одновременно применяющий фашистские и «демократические» способы борьбы с рабочим классом в целях спасения капитализма. Дело не в том только, что в наше время «темп развития» иной, чем был до войны, — дело в том, что наше время — время *революционной неустойчивости* во всей Европе, в отличие от 1907 — 1910 г.г., когда мы имели период *реакционной* устойчивости.

Пролетариат не сказал еще решающего слова в Европе,— не сказал его и в Германии. Сегодня он своим неоформленным движением, не всегда отчетливым давлением держит буржуазию в состоянии колебаний и шатаний, — в историческое завтра он вступит с капитализмом в решающую борьбу. Не назад, к реакционному «порядку» и покою идет рабочий класс Запада, а вперед, к революционным бурям и волнениям.

Над взбаламученным морем Европы вновь поднялись буревестники. Только слепые их не видят, только глухие их не слышат.

Самый опасный вид реформизма

Тов. Троцкий подвергает критике европейскую социал-демократию. В речи на собрании, организованном О-вом друзей физмата I М.Г.У. 28 июля, он говорил:

> «Европейская социал-демократия становится на наших глазах политическим агентством американского капитала. Ожиданно это или неожиданно? Если вспомнить, — тут и вспоминать нечего, — что социал-демократия есть агентура буржуазии, то станет ясно, что социал-демократия должна была логикой своего политического вырождения стать агентурой самой сильной, самой могущественной буржуазии, буржуазии всех буржуазий. Это и есть американская буржуазия».

Европа становится американской колонией, как Россия была колонией буржуазной Европы. Европейская социал-демократия, совершенно естественно, «из роли американского капитала в Европе делает новую религию». Точно также российская социал-демократия из роли англо-французского капитала в России делала «новую религию». Но это не только не мешало, но прямо толкало русских меньшевиков и эс-эров к всемерной поддержке российского капитализма, тесно связанного с англо-французским [1]). И т. Троцкий ошибается, когда он думает, что служение американской сверх-буржуазии вызовет оппозиционность европейской социал-демократии в отношении собственной буржуазии. Америке европейские меньшевики служить будут, но пре-

---

[1]) Кстати. Относительно российских меньшевиков и эс-эров тов. Троцкий в речи от 21 июня высказал прямо поразительную мысль. Говоря об английских рабочих лидерах, которых очень хвалит английская буржуазия, т. Троцкий замечает:

„*У нас в рабочем классе лидеров, которые бы заслужили такие похвалы буржуазии, нет и не бывало*. даже если мы вспомним о том, что у нас в известный период эс-эры и меньшевики играли не малую роль, потому что *наша буржуазия*, за вычетом наиболее острых и решающих моментов, когда приходилось очень уж туго, *даже эс-эрами и меньшевиками была недовольна*".

небрегать интересами «родного» капитализма не посмеют, не станут, хотя бы потому, что он тесно связан с капитализмом заокеанским и банкиры Америки заинтересованы в прочности буржуазных устоев в Европе. Нельзя распространять иллюзий относительно характера деятельности европейской социал-демократии. А тов. Троцкий этим занимается. В речи от 28 июля он говорил:

> «Услуга за услугу. Меньшевики при этом сами не мало выигрывают. В самом деле, германской социал-демократии на-днях еще, в периоды острой гражданской войны, приходилось брать на себя прямую вооруженную защиту своей буржуазии, той самой, которая шла рука об руку с фашистами. Носке является ведь символической фигурой для послевоенной политики германской социал-демократии. А сегодня? Сегодня у нее роль иная. Сегодня германская социал-демократия позволяет себе роскошь оппозиции».

Вчера *воевали* за буржуазию, сегодня в оппозиции. *А факт переплетения меньшевизма с фашизмом смазан.* Отмечается, что кровавый Носке более не военный министр, но забывается, что кровавый Зеверинг — усмиритель мартовского восстания 1921 года — теперь прусский министр полиции. Забывается, что вся внутренняя и внешняя политика Германии, целиком направленная против рабочего класса, осуществляется при непосредственном участии социал-демократии. Забывается, что социал-демократический президент Эберт не может быть элементом серьезной оппозиции против возглавляемой им самим буржуазной республики, а Эберт от социал-демократии неотделим.

Но еслиб даже тов. Троцкий дал правильную критику меньшевизма, то это не имело бы слишком большого значения. Суть вопроса заключается в том, что *в наше время наибольшую опасность для революции представляет реформизм не меньшевистский,* а... коммунистический. Да, да,

---

Странно слышать такие утверждения от тов. Троцкого. Ибо кому неизвестно, что таких лидеров меньшевизма, как Плеханов, Дан, Гвоздев, Потресов, Маслов, Церетели, всегда хвалила буржуазия в лице Изгоевых, Струве, Милюковых, — хвалила за „умеренность", за „европеизм", за склонность к соглашениям и компромиссам... Об эсэровских лидерах и говорить не приходится: это были вовсе уж „свои люди" для буржуазии.

самый опасный вид реформизма, это — реформизм, поднимающий голову внутри коммунизма, это «правый уклон» в Коминтерне.

Меньшевистский реформизм — да его по сути дела нет в природе! *Меньшевистская партия из реформистской стала консервативной, реакционной, фашистской, охранительной.* Партия, предающая 8-часовой рабочий день, не имеет права называться даже реформистской партией. Во всяком случае это партия *не рабочего, а буржуазного реформизма.* И еще вопрос, кто пойдет дальше по пути реформ: буржуа Асквит и Ллойд-Джордж или «социалист» Макдональд. Во всяком случае английский консерватор Гарвин имеет все основания заявить: «Я за рабочее правительство, ибо оно лучшее консервативное правительство»[1]). Социал-демократический реформизм опасен постольку, поскольку опасен буржуазный реформизм вообще, меньшевистская партия опасна постольку, поскольку опасна всякая буржуазная партия, проникающая в ряды рабочего класса. Из числа буржуазных партий меньшевистская наиболее, пожалуй, опасная, ибо это наилучше приспособленная для обмана пролетариата партия. Но при всем том *меньшевизм—внешний, а не внутренний враг пролетарской революции,* он давно уже стоит по ту сторону классовой баррикады.

С точки зрения революционной консолидации рабочего класса, с точки зрения укрепления, расширения и превращения в решающую силу коммунистической партии, *опасен именно реформизм внутренний, коммунистический,* опасно воспроизведение под флагом коммунизма старого классического социал-демократизма, с его марксистской словестностью и революционной фразеологией, но без революционной воли и, главное, без организационного централизма. Это полуменьшевизм, представляющий собой наиболее трудно поддающийся разоблачению и, следовательно, наиболее вредный вид оппортунизма и реформизма. Словом, более всего опасен тот уклон, который пытается внести теорию и практику реформизма *в революционную партию.*

Находящаяся в затруднении буржуазия, пытаясь «заговорить зубы» пролетариату, убирает на время наиболее не-

---

[1]) См. К. Радек, „Барометр выборов", „Красная Новь", июнь—июль, 1923 г., стр. 267.

навистные массам фигуры, укрощает на время наиболее строптивых, шумит о мире, о демократии, о сотрудничестве классов. Но кулак она все время держит наготове. Одновременно, усыпляя меньшевистским ядом бдительность пролетариата, она сама лихорадочно перестраивает, приумножает реальные боевые силы. Крича об окончании эпохи войн и революций, буржуазия неустанно готовится к классовой войне, крича о реформах, — подготовляет беспощадную контр-революцию.

Есть одна партия в мире, которая говорит рабочему классу правду, разоблачает лживые речи буржуазии и меньшевизма о «мире» и «демократии», будит классовое сознание и зовет к бдительности пролетариат. Это — коммунистическая партия, единственная гарантия того, что рабочий класс победит, единственная его надежда и спасение. И вот, если внутри этой партии укрепится реформизм, если из ее рядов будут распространяться «демократические иллюзии», если оттуда будут раздаваться голоса насчет «успокоения» и «бальзама утешения», если и коммунизм будет ослаблять бдительность пролетариата, — тогда его величайшее поражение обеспечено, тогда капитализм заранее может праздновать уже не мнимую, в усталом воображении Троцкого родившуюся, победу, а настоящую историческую победу над рабочим классом на многие годы и десятилетия.

Вот почему не может быть никакой идейно-политической пощады внутреннему реформизму,— самому вредному, самому опасному реформизму.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ» и БОЛЬШЕВИСТСКОЕ РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

(Свидетельство кадетского публициста.)

— «Очевидный для всех принцип лежит в основе той программы, которая была мною здесь изложена. Это — *принцип справедливого отношения ко всем народам и национальностям и их праву на существование в одинаковых условиях свободы и безопасности* в отношении друг к другу, все равно, принадлежат ли они к числу сильных или слабых народов. *Если этот принцип не будет положен в самую основу международных отношений, то никакого международного права и справедливости быть не может*».

Так мило говорил 8 января 1918 г. американский президент Вудро Вильсон, излагая в конгрессе «условия всеобщего мира» — знаменитые «14 пунктов». К речи Вильсона немедленно и целиком присоединились британский и французский премьер-министры. Декларация Вильсона, это была декларация всех союзников, несколько месяцев спустя одержавших решающую победу над «прусским милитаризмом».

Началась работа по изготовлению «справедливого», «демократического» мира. Человечество получило образцовый для империализма документ — Версальский договор.

Вильсон уехал в Америку, а его речи, являвшиеся *векселем* всех союзников, были забыты, как были они забыты и самим Вильсоном. Победоносная Антанта разрешила национальный вопрос так, что количество угнетаемых, подавляемых, преследуемых национальностей, количество конфликтных узлов во много раз *увеличилось* по сравнению с довоенным временем. На Балканах, в Польше, Чехо-Словакии, Германии десятки миллионов «малых» народностей стонут от гнета и насилий. И величайшим издевательством над обману-

тыми народами звучат ныне слова о «справедливом отношении ко всем народам и национальностям». Только слепые могут теперь не видеть того, что речи Вильсонов и Ллойд-Джорджей были необходимы империализму для *политики войны,* а *политику мира* он делает на основании иных речей, программ и «пунктов».

На-ряду с империализмом национальный вопрос решала революция в лице Республики Советов. К десятой годовщине войны мы можем сравнить два способа решения национального вопроса — «демократический» и большевистский. Сравнение это мы можем произвести, целиком опираясь на свидетельство нашего непримиримого врага — сотрудника газеты «Последние Новости», редактируемой гр. Милюковым.

В номере от 8 июля т. г. «Последние Новости» поместили большую статью о политических партиях и настроениях Польши. Автор статьи выясняет положение национального вопроса в Польше и отношение национальных меньшинств Польши к Советскому Союзу. В итоге мы получаем не лишенный интереса материал для выяснения того, каким способом можно разрешить национальный вопрос — большевистским или «демократическим».

Начнем с вопроса о положении не-польских национальностей Польши. Сотрудник «Последних Новостей» приводит следующие характерные заявления государственных деятелей и чиновников «державной» польской нации.

Президент республики Войцеховский: «В Польше *один народ хозяин — польский.* Поляк-хозяин никого не обидит, но под условием, что только он будет в польском государстве *господином,* только он будет *управлять,* только он будет *начальствовать».*

Премьер-министр Грабский: «В границах Польши нет украинского народа, а есть *«людек» (людишки)* без стремления к своей государственности, без данных для культурного развития».

В Белоруссии польская учительница, вполне в духе президента и первого министра, заявляет: «*Белоруссы не народ, а свиньи.* Я так их *ненавижу,* что охотно подпалила бы их с двух концов, а приходится обучать это хамье».

Во Владимире-Волынске староста по адресу украинцев провозглашает: «*Вы быдло. Вам надо морды бить,* ибо хотите самостийности Украины».

Даже «левые» крестьянские демократы, вроде Тутута, — сообщает кадетский публицист, — проводят политику подавления «инородцев». В результате, национальные «меньшинства стали видеть *спасение в распаде Польши*». В результате, как чуть ли не ежедневно сообщают телеграммы из Варшавы, — даже мелко-буржуазные представители белоруссов и украинцев в польском сейме открыто заявляют о решимости представляемых ими масс революционным путем добиться свержения ига польских националистов и фактического осуществления права на самоопределение.

Центральное место в статье кадетского публициста отведено вопросу о положении *Восточной Галиции*. Подавляющее большинство населения Галиции все время решительно боролось против польской оккупации за независимость, в крайнем случае, за широкую автономию. Автор констатирует, что на Антанту галичанами в этом смысле возлагались «наивные и странные» надежды: декламации Вильсона и Ллойд-Джорджа мелко-буржуазные политики Галиции принимали за чистую монету.

Но вот 14 марта 1923 года конференция послов признала присоединение Галиции к Польше. Это решение вызвало раскол в главной галицийской партии трудовиков. Меньшинство партии во главе с Петрушевичем выделилось в самостоятельную «независимую» группу и стало проповедывать «образование Галицко-Волынской независимой республики, связанной союзным договором с Советской Россией». Понятно, что эта республика могла стать фактом в результате срыва решения конференции послов.

Однако, — сообщает сотрудник кадетской газеты, — «огромное большинство трудовиков и вся почти украинская интеллигенция считали, что пока в России и Украине власть находится в руках большевиков, присоединение Восточной Галиции к последней привело бы лишь к гибели украинской интеллигенции и вызвало бы жесточайшую гражданскую войну». Мелко-буржуазные вожди Галиции решили признать решение конференции послов и добиваться «национально-территориальной автономии всех украинских земель Польши (Галичины, Волыни, Подляшья и Холмщины) с обеспечением полноты прав украинской нации в пределах этих земель». Как польские националисты реагировали на эту попытку разрешить воспрос вполне «конституционным»,

совершенно «демократическим» путем? Кадетский публицист сообщает:

«Польские партии упорно отклонялись от всяких переговоров, а правительство Витоса не только не ослабило, а усилило гонения на украинцев. Тайный украинский университет во Львове был окончательно закрыт; украинские лицеи превращены в польские; конфискация украинских газет стала повседневным явлением; украинские чиновники и железнодорожники уволены и т. д., и т. д. Гонения на украинцев и украинскую культуру, злоупотребления польской администрации и вся вообще *шовинистическая окраинная политика Витоса выбивали почву из-под ног сторонников соглашения с поляками и усиливали влияние независимой группы и непримиримых противников Польши. Позиция сторонников советской украинской ориентации усилилась особенно после декретирования советской властью национализации государственных учреждений и школ на Украине»*. В самый короткий срок «*от польской ориентации в Восточной Галиции не осталось и следа»,* орган трудовой партии «*Дило*» «*совершенно прекратил выпады против москалей и защищает теперь об'единение Восточной Галиции с Советской Украиной»*.

Итак, перед нами яркая картина краха мелко-буржуазной, «демократической», империалистской национальной политики и блестящая победа большевистской национальной линии. Конференция послов, оставаясь верной принципам империалистского грабежа и насилия, санкционирует захват Галиции буржуазной Польшей. Мелко-буржуазные политики Галиции в своем подавляющем большинстве склоняются перед волею империалистских хозяев мира и возлагают свои надежды на «конституцию». Буржуазная Польша записывает в «приход» Галицию и начинает насаждать в ней польскую «культуру и государственность».

Итог: мелко-буржуазные соглашательские иллюзии разбиты, решение конференции послов морально-политически крахнуло, политике панской Польши об'явлена война, ибо это — политика непереносимого национального подавления. Но выход где? Кадетский публицист сообщает:

«*Былой ненависти к России нет; напротив, замечается увлечение всем русским: русским языком, русской литературой, русским искусством* и т. д., *и соединение с Россией, т.-е. не только с Украиной, а и с Великороссией, на началах феде-*

рации является теперь чаянием и идеалом огромного большинства галицко-украинского населения. Задача украинской интеллигенции в Галиции сводится сейчас к подготовке к будущему, *неизбежному об'единению с Россией через Украину, ибо единственное спасение украинского народа только в России».*

Запишем эти ценнейшие признания, как один из юбилейных итогов, как яркое доказательство полнейшего банкротства национальной политики империализма и победы национальной политики большевизма. Но банкротство империалистской (т.-е. на русском политическом языке — кадетской, милюковской) политики есть одновременно крах национальной политики *меньшевизма,* ибо кто не знает рабской зависимости всей, в том числе и национальной, политики меньшевизма от политики империализма? Кому неизвестно, что эс-эро-меньшевистский, мелко-буржуазный шовинизм является просто более тупой, более крикливой разновидностью шовинизма «чисто» империалистического?

«Былой ненависти к России нет». А *какая* Россия вызывала ненависть у всех угнетенных народов? Почему этот важнейший вопрос обходит молчанием сотрудник милюковской газеты? Мы ответим за него: недоверие, вражду, ненависть у «малых» народностей вызывала Россия царская, потом *Россия февральская*—«демократическая», эс-эро-кадето-меньшевистская Россия Керенского — Львова — Милюкова. Какую национальную политику вел гр. Милюков в 1917 году в качестве члена Временного Правительства и лидера кадетской партии? — *Великодержавную, шовинистскую, империалистскую.* В частности, он саботировал попытки сговориться с Украиной, хотя бы на компромиссной формуле. Революционный стране он пытался навязать грабительские империалистские планы.

Его, Милюкова, Россия заслуживала всяческую ненависть со стороны всех угнетенных. Но *большевизм реабилитировал Россию,* ибо перестроил ее с верху донизу, из тюрьмы народов превратив в свободный союз народов. И «увлечение русским языком, русской литературой», это есть «увлечение» не языком Милюкова, а языком Ленина, «увлечение» литературой не русского либерализма, а страны, произведшей величайшую в мире революцию.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

В воззвании к рабочим и работницам всех стран Лондонский и Амстердамский Интернационалы заявляют:

«Война никогда не должна повториться. Для устранения войн недостаточно одного отвращения к ним: необходимо еще, чтобы народы осознали их причины. Именно поэтому недостаточно проклясть тех людей, вина которых без всякого сомнения установлена в их же собственных официальных документах, — мы должны *устранить то устроиство общества, при котором неизбежно появление новых и новых подстрекателей к войне, и которые являются постоянной угрозой возвращения первобытных ужасов*».

Воззвание мировой социал-демократии констатирует рост милитаризма, крах идей о «последней войне», карикатурность Лиги Наций и т. д. Воззвание заявляет, что «капиталистические интересы всегда стоят в противоречии с идеей мирного сожительства народов», что именно поэтому «опасность войны неизбежна до тех пор, пока существует капиталистическое устройство общества».

Что же думает предпринять Интернационал социал-демократии против грядущих войн? Воззвание гласит:

«Мы будем бороться против военных умонастроений, против тайной дипломатии, за всеобщее разоружение, за мирное соглашение и международные третейские суды. Мы хотим об'единиться в международном масштабе, чтобы *общими усилиями всех народов подготовить отпор во всех его формах, вплоть до всеобщей стачки*».

Однако социал-демократия вынуждена признать, что все предпринимаемые ею меры «только уменьшат опасность войны, но не устранят ее». Социал-демократия вынуждена сказать народам ту правду, что «*милитаризм обладает огромным аппаратом власти*», что капиталистические силы имеют

полную возможность пускать этот аппарат в ход по своему усмотрению, что трудящиеся массы «обречены быть жертвами войн». Все это бесспорно, и вывод (на словах, конечно), к которому приходит социал-демократический Интернационал, тоже бесспорен. Единственный правильный путь, говорит воззвание, это вырвать с корнем возможность новых войн, а для этого «мы должны *устранить капиталистическое устройство общества. Переход власти в руки пролетариата во всех странах положит конец не только эксплоатации, но и войнам*».

Совершенно правильно, единственно правильно, скажет всякий сознательный рабочий. Пока власть находится в руках буржуазии, пока «милитаризм обладает огромным аппаратом власти», пока пролетариат является об'ектом для воздействия имущих классов, — всякие меры борьбы с войной могут только «уменьшить опасность войны, но не устранить ее». Возможность капиталистических войн можно устранить вместе с устранением капиталистических государств, вместе с переходом власти в руки пролетариата. Сказано все это очень хорошо. Но что делается социал-демократией для того, чтобы приблизить момент крушения капитализма? Практическая часть воззвания Лондонского и Амстердамского Интернационалов гласит:

«Мы зовем вас путем мощных демонстраций привести человечество к сознанию того, что оно все еще стоит у той же *пропасти безумия и преступления, как и в июле 1914 года*».

Картина ясна. При капитализме войны неизбежны. Даже всеобщие забастовки могут только уменьшить опасность, но не устранить их. Как и десять лет тому назад, человечество стоит у «пропасти безумия и преступления». Как и накануне мировой войны, социал-демократия *декламирует* о «войне против войны».

Но на деле, как себя ведет социал-демократия? Почти во всех странах она находится в *коалиции* с буржуазными партиями, — либо возглавляет буржуазные правительства, либо поддерживает буржуазные правительства. Повсеместно она *голосует за военные кредиты,* повсеместно она *фактически поддерживает военщину,* поддерживает беспрерывные *вооружения,* вместе с буржуазией, вместе с милитаристскими шайками еще ближе придвигает человечество к «пропасти безумия и преступления».

Социал-демократия говорит о «подготовке отпора во всех его формах, вплоть до всеобщей стачки». Разумеется, все это бесстыднейшая ложь от начала и до конца. Ни одного серьезного шага против войны социал-демократия не делает и не сделает. Она идет, и впредь пойдет, тем путем, какой укажет ей буржуазия. Если судьба мира будет зависеть от социал-демократии, то он в любой момент может быть взорван и человечество может очутиться на дне «пропасти безумия и преступления».

Серьезную борьбу против войны может вести только революционная пролетарская партия. Такой партией является мировая коммунистическая партия. *Социал-демократия давно перестала быть партией не только социалистической, не только революционной, но и просто демократической партией.* Ныне это — партия буржуазного консерватизма и даже буржуазной реакции. Ныне это — партия монархической реакции там, где есть монархия, республиканской реакции — там, где есть республика, буржуазного господства, буржуазной диктатуры — повсеместно.

Борьбу против империализма и его войн, борьбу за свержение капитализма, за переход власти в руки пролетариата, борьбу за спасение человечества от нового безумия и новых преступлений может вести и ведет только мировая коммунистическая партия. От силы мирового коммунизма зависит вопрос о том, будет ли избавлено человечество от нового военно-империалистского кошмара путем революционной ликвидации европейской буржуазии, или мир снова будет брошен капитализмом в чудовищное пекло войны.

Социал-демократия вынуждена признать, что спасение — только в переходе власти в руки пролетарита. Для прихода к власти пролетариата, для отнятия у милитаризма «огромного аппарата власти», для сокрушения империалистской диктатуры есть только один путь — путь Ленина, путь большевизма, путь пролетарской революции.

Центральный орган партии меньшевиков — «Социалистический Вестник» — в номере от 24 июля посвящает статью «Кровавому юбилею»—десятилетию мировой войны. В статье отмечается, что в конечном результате войны потерпела поражение вся Европа, что главные победительницы — Англия и Франция — вышли из войны «внутренне ослабленными, обремененными громадными долгами, с расстроенной промышлен-

ностью, с жгучей тревогой за завтрашний день». Меньшевики констатируют «процесс деградации Европы» и подчеркивают, что этот процесс должен развиваться, поскольку хозяином останется капитализм.

«Социализм — единственный выход из тупика, в который загнала Европу империалистская война». Вот вывод, к которому приходят русские меньшевики. *«Борьба за социализм,*— говорят они, — принудительно *навязывается пролетариату* всем ходом послевоенного развития, как его *непосредственная очередная задача».* Для меньшевиков это несомненно, как несомненно и то, что *«только социализм может обеспечить столь необходимый Европе мир».*

Мирные пацифистские тенденции, о которых много говорят за последнее время, мало утешают меньшевиков. «Социалистический Вестник» пишет:

«События самых последних дней достаточно убедительно показали, как *непрочны мирные тенденции на основе капиталистических антагонизмов,* как ежеминутно грозит срыв всей «мирной» политики; как «соглашение» достигается лишь при помощи эластичных словесных формул, оставляющих на деле простор возобновлению политики неприкрытого насилия. И в «мирной» стадии своего развития капиталистическая Европа пребывает в состоянии *крайне неустойчивого равновесия,* которое в любую минуту может быть нарушено толчком извне».

И далее еще раз меньшевистский орган подчеркивает:

«Социализм становится вопросом не только классового освобождения пролетариата, но вопросом самосохранения цивилизованного человечества». К борьбе за мир, — говорит «Соц. Вестник», — пролетариат должен подходить *«без всяких иллюзий насчет возможности действительно незыблемо обеспечить его, пока над судьбами народов царит капитал».*

От этой жестокой правды меньшевистский орган впадает в лиризм:

«Красным заревом окрасила война европейский небосклон. Быть может, — то вечерняя заря, за которой мраку ночи суждено спуститься на напоенную кровью землю Европы. Или другое. То — заря предутренняя, предвещающая *восхождение социалистического солнца, к которому тянутся руки десятков миллионов людей, потому что в нем их единственная надежда, в нем их спасение и освобождение. Третьего не дано».*

«Третьего не дано!» Даже социал-демократические ослы, так долго и так охотно издевавшиеся над нами за то, что мы держали и держим курс на социалистическую революцию в Европе—даже эти социал-демократические носильщики буржуазии вынуждены теперь признать, что руки десятков миллионов людей тянутся к социалистическому солнцу, что в социализме их единственная надежда, их спасение, что социализм становится вопросом «самосохранения цивилизованного человечества».

А социал-демократия, что она делает? Она десятки миллионов пролетариев обманывает. Она декламирует о мире и... подготовляет войну. Она доказывает необходимость ликвидации капитализма и... всеми силами поддерживает устои капитализма. Она провозглашает необходимость перехода власти в руки пролетариата и... убивает в пролетариате дух борьбы за эту власть, за эту победу.

Но долго этот обман, это чудовищное предательство, долго это неслыханное издевательство над стоящим у пропасти человечеством продолжаться не может. Социал-демократия лицемерно болтает о социализме, но пролетариат всеми фибрами своей души предан социализму, ибо в нем его спасение. Пролетариат медленно, но неуклонно пробуждается к новой борьбе, собирает силы для этой новой борьбы. Пусть на первых порах этим неполным еще пробуждением пользуется социал-демократия. Рабочий класс не остановится там, где захочет его остановить мировой меньшевизм. Пролетариат сметет все препятствия, уничтожит все партии, которые станут ему на пути его действительного движения к действительному социализму. Он сметет с своего пути и безжалостно раздавит социал-демократию, которая *говорит* о социализме, а *служит* капитализму.

* * *

Меньшевистский орган переходит к задачам, стоящим перед российским пролетариатом. Оказывается, десятилетие войны перед русским рабочим ставит те же задачи, что и перед пролетариатом всего мира. Разницы никакой. В России у власти находится социалистическое правительство, во всем остальном мире — капиталистические правительства. Но факт существования советского социалистического прави-

тельства ничто не меняет в концепции меньшевизма. С большевистским правительством, по мнению меньшевиков, необходимо бороться так же, как и против капиталистических правительств. Но против капиталистических правительств меньшевизм не ведет никакой борьбы, с капиталистическими правительствами меньшевизм находится в неразрывном союзе — зато против пролетарского правительства борьба всеми силами меньшевизмом ведется и будет вестись.

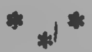
«Советское правительство — утверждает меньшевистский орган—представляет колоссальную опасность для мира. Дело, оказывается, в том, что происходит «перерождение» большевистской диктатуры в диктатуру бонарпатистскую». Этот процесс еще не окончен, «цикл перерождения не закончился», и все-таки меньшевики считают, что «большевистское правительство ищет выхода... на пути внешних авантюр». Оказывается, «политика бонапартистски перерождающегося большевизма» грозит делу мира «непосредственной опасностью». Оказывается, что «дальнейшее сохранение большевистской диктатуры в России является и прямой, и косвенной угрозой сохранению мира, источником военной опасности, способной дать последний смертельный толчок Европе».

Ну, что можно ответить на эту бессовестнейшую ложь и клевету прожженных негодяев меньшевизма? Не империалистская Франция, Англия, Америка, Япония, беспрерывно увеличивающие свои вооружения на суше, на воде и в воздухе, не Макдональды, Эррио и Юзы, строящие тысячи новых аэропланов, десятки новых судов, вводящие в свой арсенал новые чудовищные средства уничтожения, отравления, разрушения, — не безумствующий империализм, а советская республика, доведшая свою армию до минимума,—эта, окруженная со всех сторон капиталистическим зверьем, республика труда способна дать «последний смертельный толчок Европе».

Тут перед нами не очередная, более или менее невинная, меньшевистская пакость, а величайшее преступление перед мировым пролетариатом, которого *імпералізм* собирается ввергнуть в кошмар новой войны, а ему говорят, будто единственное в мире честное и мирное государство подготовляет эту войну! Этот обман является тем более чудовищным, тем более отвратительным, что он совершается во имя... «социализма». Проповедуя необходимость ликвидации большевизма, меньшевистский орган вместе с тем провозглашает:

«*Социализм, мир, демократия в России*, — эти три лозунга должны быть непрерывно связаны в сознании пролетариев всего мира в день кровавого юбилея, в десятилетие того дня, повторение которого было бы позором и гибелью человечества».

Во имя социализма ликвидировать единственное в мире социалистическое правительство! Во имя мира, ликвидировать правительство, которое одно только выступает все время с инициативой сокращения вооружений, которое одно только на практике провело в жизнь это сокращение, которое одно только на деле вело и ведет истинную политику мира! Во имя социализма и мира погасить взошедшее над Россией «социалистическое солнце», к которому «тянутся руки десятков миллионов людей»!..

Когда социал-демократы произносят «левые» фразы о социализме, это свидетельствует не о том, конечно, будто эта изменническая партия стоит за социализм, а о том, что в настроении рабочих масс, после годов европейской реакции, происходит *перелом,* что пролетариат серьезно готовится к постановке вопроса о социализме и революции.

Социал-демократия, неразрывно связанная с капитализмом, со всеми его «мирными» и военными планами, действует по-фашистски, вместе с фашистами и *одновременно* декламирует о социализме. Это бьющее в глаза противоречие об'ясняется *особенностями* текущего момента, когда под пока-что парламентским давлением пролетариата и мелкой буржуазии «чистая» неприкрытая реакция кончилась или кончается, а «чистого» демократизма нет и не может быть, когда фашистская и демократическая система буржуазного господства *переплетаются.*

Даже меньшевики вынуждены признать, что этот своеобразный фашистско-«демократический» переходный период ни в малейшей степени не ослабляет империалистского милитаризма, не разрешает противоречий, не гарантирует от войн. Переходный период подготовляет новые войны и революции, подготовляет победу мирового большевизма.

РЕАКЦИОННАЯ ЕВРОПА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ АЗИЯ

Европа — родина революций — стала очагом реакции. Азия, всегда олицетворявшая собою отсталость, косность, реакцию, стала очагом новых грандиозных революций.

Эта перемена ролей между Европой и Азией произошла уже сравнительно давно. 8 ноября 1912 года *Ленин* в статье: «Обновленный Китай», писал:

«Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая... Чем же об'ясняется это равнодушие Европы? Тем, что *повсюду на Западе царит империалистическая буржуазия, на три четверти уже сгнившая,* готовая продать любому авантюристу всю свою «цивилизацию» за меры «строгости» против рабочих или за лишний пятак на рубль прибыли. На Китай эта буржуазия смотрит *только* как на кусок добычи...». (Сочинения, т. XIX, стр. 20.)

7 мая 1913 г. Ленин пишет уже о «пробуждении Азии». Он констатирует пробуждение Китая, Турции, Персии, он говорит о брожениях в английской Индии, о начале революционного движения в голландской Индии и т. д. Ленин говорит:

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию... Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию. Рабочие передовых стран мира с интересом и воодушевлением следят за этим могучим ростом мирового освободительного движения во всех частях света и во всех формах. *Буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, бросилась в об'ятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия,* но на смену этой, заживо гниющей, буржуазии идет *пролетариат европейских стран и молодая, пол-*

ная веры в свои силы и доверия к массам, демократия азиатских стран». (Там же, стр. 25.)

Через несколько дней — 18 мая 1913 г. — Ленин возвращается к затронутой теме в статье: «*Отсталая Европа и передовая Азия*». Сопоставление этих слов—говорит Ленин— кажется странным: «все» привыкли считать Европу передовой, а Азию отсталой. Но «горькая правда» — говорит он — заключается именно в том, что Европа уже отстала, а Азия становится на путь движения вперед. В чем дело? Ленин отвечает:

«В цивилизовнной и передовой Европе, с ее блестяще развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда *командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство.* В передовой Европе командует поддерживающая все отсталое буржуазия. Европа является передовой в наши дни не *благодаря* буржуазии, а *вопреки* ей... В «передовой» Европе *передовым* классом является только пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство». (Там же, стр. 29—30.)

Таково положение в Европе. А что происходит в Азии? Ленин пишет:

«В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию! А «передовая» Европа? Она грабит Китай и помогает врагам демократии, врагам свободы в Китае!... *Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия в союзе со всеми силами реакции и средневековья в Китае*».

* * *

Буржуазная Европа боролась против освободительных движений на Востоке не одна. До 1917 г. она действовала в этом отношении в полном контакте с русским царизмом.

Персидская революция в 1909 г. была задушена совместными усилиями царской России и империалистской Англии. Первый персидский парламент был расстрелян из пушек русским полковником Ляховым, разумеется, с благословения «демократической» Великобритании.

Турецкая революция 1908 года могла быть побеждена реакцией только потому, что эта реакция опиралась на прямую поддержку англо-французского капитала.

Китайская революция 1911—1912 г.г. была задушена диктатурой Юаншикая только потому, что этот последний нашел всестороннюю поддержку у мирового капитала. Главное — Юаншикаю был дан крупный заем, который позволил ему восстановить разрушенное революцией господство реакционных классов.

Словом, повсюду, на каждом шагу, передовые элементы Азии сталкивались одновременно с врагами внутренними и внешними. Империалистский капитал Европы стоял на страже реакции и застоя. В полуколониальных странах (Китай, Персия, Турция) — по преимуществу путем поддержки, поощрения, руководства внутренними силами реакции, в колониальных странах (Индия, Египет, Марокко) — путем непосредственной военно-полицейской борьбы с революционными и прогрессивными элементами. Но и в том, и в другом случае империалистский капитал стремился к одной и той же цели — *к задержке развития стран Востока.*

Почему буржуазная Европа действовала именно так, почему она не могла действовать иначе?

Этот вопрос выяснил Ленин: империалистская буржуазия «на три четверти уже сгнила», «командующая буржуазия из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое», капиталистическое рабство гибнет, и «буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления».

Капиталистическое рабство держится на эксплоатации: а) пролетариата, б) колониальных и полуколониальных народов. Империализм может быть ликвидирован *комбинированным ударом* революционного пролетариата и угнетенных народов Азии и Африки. Отсюда — величайшее значение вопросов национального и колониального для революционного пролетариата. Отсюда — необходимость для буржуазии всеми

силами мешать революционизированию отсталых колониальных и полуколониальных стран.

Но это — линия политическая. Соображения *экономического* характера также заставляют империалистскую буржуазию всемерно бороться против развития отсталых стран. Борясь против европейского, американского, японского империализма, революционно-прогрессивные элементы стран Востока тем самым борются за развитие, расширение и укрепление *национального капитализма,* стало быть за *сужение* сфер влияния европейско-американского и японского капитала.

Победа революции на Востоке будет означать гигантскую *индустриализацию* этих стран. Эта индустриализация, несмотря на всяческие препятствия, уже происходит. В период войны, когда промышленность Европы и Америки почти целиком была занята изготовлением пушек, снарядов и винтовок, в странах Востока (Индия, Китай, Египет и т. п.) начала укрепляться собственная туземная индустрия. Колониальные рамки страшно стесняют ее. Борьба за национальную независимость — это есть одновременно борьба за экономическое высвобождение стран Востока из-под власти европейско-американского империализма.

В частности, интересы экономического развития Китая требуют не только свержения гнета англо-франко-американского капитала, но и фактического *об'единения Китая в единое государственное целое,* с единой внешней, внутренней, экономической политикой.

Но гниющая буржуазная Европа желает иметь Китай в виде об'екта эксплоатации — поэтому она всячески препятствует такой элементарно-необходимой с точки зрения прогресса и цивилизации мере, как об'единение страны. Раздробленность Китая, хозяйничанье в нем различных, друг с другом соперничающих, генералов наиболее отвечает интересам реакционного, исторически отжившего европейского капитализма.

Все прогрессивное, революционное, все живое в Китае поднимается против иноземных и отечественных сторонников империализма. Выдающуюся роль в борьбе играет молодой *рабочий класс* Китая: 10 — 12 лет тому назад пролетариат в политической жизни Китая не имел никакого серьезного значения. Ныне положение иное, в Китае существует проле-

тариат, который сегодня еще слишком слаб для того, чтобы непосредствнно взять в свои руки гегемонию в освободительной борьбе, но достаточно силен для того, чтобы основательно влиять на ход и исход этой борьбы. Еще совсем юная китайская коммунистическая партия в рядах возглавляющей революционное движение партии Гоминдана занимает виднейшее место.

Все реакционное, отсталое, косное в Европе и Америке ведет фактически войну против Китая и всего революционного Востока. Пролетариат Запада в значительной своей части идет за социал-демократией и, следовательно, поневоле *соучаствует* в разбойничьей политике своего империализма.

Девять месяцев Макдональд — вождь II Интернационала — возглавлял британскую империю, и «традиционная» политика английского империализма ни в чем существенном не была изменена. Борьба против революционных движений, поддержка всех сил реакции продолжалась. При Макдональде обострилась борьба в Китае, начались поддержанные англичанами восстания реакционеров в Афганистане и в Персии. При Макдональде воздушные эскадрильи британской империи бомбардировали революционные города и села в Месопотамии.

Мировая социал-демократия целиком ответственна за внешнюю политику империализма. В итоге — *все партии, от фашистов до социал-демократов включительно, составляют реакционную Европу, борющуюся против революционной Азии.* Только коммунисты, пока только меньшинство рабочего класса, и в этом случае идет против империализма и протягивает братскую руку угнетенным народам Востока.

А между буржуазной Европой и борющимся Востоком стоит великий Советский Союз, уже сломавший целый ряд звеньев и беспрерывно ломающий все новые звенья цепи, которой мировой империализм сковывает народы Азии и Африки.

* * *

Буржуазная Европа и Америка реакционны, буржуазно-демократический колониальный и полуколониальный Восток революционен. Отсюда — *ленинская восточная политика*

Коминтерна. Поддержка национально-революционного движения Востока означает борьбу против европейско-американской реакции. Коммунисты поддерживают национальных революционеров Сун-Ят-Сена и Кемаль-пашу против Керзона и Пуанкаре. Социал-демократия пытается изобразить эту политику коммунизма, как поддержку «азиатчины» против «прогресса» и «демократии». На самом деле коммунисты поддерживают азиатское прогрессивное, революционное движение против империалистской реакции. Кемаль-паша, — не говоря уже о Сун-Ят-Сене — *прогрессивнее* не только Керзона, но и Макдональда, ибо Макдональд всеми силами укреплял и укрепляет устои британского империализма, а Кемаль-паша эти устои подрывал. Роль Кемаля об'ективно революционна, роль Макдональда — реакционна.

Когда вождь грузинского меньшевизма Жордания провозглашал: *«Предпочитаю империалистов Запада фанатикам Востока»* — тем самым он кратко и выразительно формулировал позицию мировой социал-демократии: она—с капиталистической реакцией Запада против национально-демократической революции Востока.

Коммунисты «предпочитают» революционеров («фанатиков») Востока реакционерам («империалистам») Запада. Коммунизм стремится связать воедино и направить против главного врага человечества — европейско-американского империализма — три основных силы: революционный пролетариат Запада, угнетенные народы Востока и Советский Союз. Комбинированный удар этих трех основных революционных сил должен решить — и решит! — судьбу мирового империализма.

БОРЬБА КЛАССОВ В АНГЛИИ

Накануне мировой войны грандиозные стачки английских рабочих — горняков, транспортников, железнодорожников — потрясли социальный организм британской империи.

В период войны вожди рабочей партии устанавливают «классовый мир» с буржуазией и в интересах «защиты отечества» входят в правительство империи.

По окончании войны пролетариат дает ряд серьезнейших политических и экономических битв капитализму. Высшая точка политической борьбы — создание, под давлением масс, комитетов действия летом 1920 г. Высшая точка экономической борьбы—стачка горнорабочих в апреле 1921 г. Пролетариат терпит неудачу, буржуазия переходит в наступление.

Со второй половины 1923 г. намечается поворот. Активность рабочего класса усиливается. Реакционная политика Керзона-Болдуина переживает кризис. В результате — осенние (1923 г.) выборы приводят к власти Макдональда. Начинается «новая эра». Мировая социал-демократия празднует «великую», «бескровную», «демократическую» «революцию».

Меньшевики всех стран снова глядят именинниками. Еще бы! Вождь второго Интернационала возглавляет Британскую империю и еженедельно произносит по паре речей о «вечном мире», Лиге Наций и «вечно юной свободе». В воззвании по поводу 60-летия I Интернационала меньшевистский «рабочий» Интернационал заявляет:

> «Сегодня шлет нашему торжеству свой привет председатель рабочей партии, *премьер-министр Британской мировой державы,* сегодня рабочий класс находится у порога политической власти и во многих других странах».

Все эти замечательные победы одержаны не путем какой-нибудь большевистской диктатуры, а посредством приличней-

шей демократии. Коммунисты посрамлены. И тут же, не теряя времени, меньшевики принимаются за очередные похороны коммунизма. И в самом деле: к чему «насильнический» большевизм, когда мирным, демократическим путем «председатель рабочей партии» стал «премьер-министром Британской мировой державы»?!...

А буржуазия тихо посмеивается над макдональдовской «революцией», весь государственный аппарат попрежнему держит в руках, за каждым шагом «рабочего» правительства внимательно следит и при первой же его попытке «ослушаться» немедленно сваливает Макдональда. «Бескровная революция» испаряется, макдональдовский «конструктивный» — творческий, созидательный, мирный «социализм» отцветает, не успев расцвесть. «Председатель рабочей партии» с позором прогнан с поста «премьер-министра Британской мировой державы».

Октябрь 1924 г. проходит под знаком небывало острой избирательной борьбы классов. Рабочая партия *выигрывает* миллион с лишним голосов и все-таки уступает власть консерваторам. Это поражение английского рабочего класса несомненно открывает собою новую эпоху в борьбе классов в Англии. В чем основной смысл той борьбы за власть, которая окончилась решительной парламентской победой консерваторов?

* * *

Нынешние выборы будут борьбою рабочего класса против капиталистов — так говорилось в предвыборном манифесте английской коммунистической партии.

Выборную кампанию со стороны пролетариата проводила не революционная коммунистическая, а реформистская, соглашательская, примиренческая рабочая партия. Вожди этой партии — все эти Макдональды, Гендерсоны, Сноудены — менее всего хотели настоящей классовой борьбы. И тем не менее заявление английских коммунистов было бесспорно: происходившая в Англии избирательная борьба была классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. Макдональды этой борьбы не хотели. Но они связаны с рабочим классом и они являлись орудием рабочего класса в его борьбе с капитализмом.

Макдональд все время шел и дальше хотел итти путем обслуживания буржуазии. Пролетариат надавил на него и сделал его своим орудием в деле Кемпбелля и англо-советского договора. Орудие это, что и говорить, весьма ненадежное. Компартия явилась бы — и явится — единственно надежным орудием в руках ведущего решающую борьбу с капитализмом рабочего класса. Но английский рабочий еще недостаточно созрел политически для того, чтобы вооружиться таким острым оружием, как коммунизм. Пока что он идет *вперед*, заставляя Макдональдов причинять неприятности буржуазии.

И буржуазия, со своей стороны, вынуждена была всю силу своей классовой ненависти к пролетариату обрушить на бедного Макдональда, который ведь никакой революции, никакого коммунизма, никакой серьезной борьбы с капитализмом не хотел и не хочет. Буржуазия бешено нападала на Макдональда, которого она хорошо знает, которому *лично верит*. Но буржуазия *не верит рабочему классу*, буржуазия видит, что Макдональд в значительной мере связан все более левеющим пролетариатом.

Лидер консерваторов Болдуин накануне выборов заявил: «*Рабочая партия никогда не сможет быть патриотической и конституционной партией, пока она не очистит себя от крайних элементов*». Но «крайние элементы» рабочей партии это есть именно те элементы, которые непосредственно отражают недовольство, ненависть, решимость пролетариата бороться с капитализмом. «Крайние элементы»—это вся масса рабочей партии, которая пока мирится с Гендерсоном и Макдональдом, но навязывает им свою волю. Не забудем: в 1920 году английский пролетариат заставил своих реформистских вождей стать во главе *комитетов действия*. Это был шаг ужасно «непатриотический» и «неконституционный», но только таким путем английские рабочие помешали Керзону и Ллойд Джорджу открыто стать на сторону белой Польши против Советской России...

Так вот, Макдональды и Гендерсоны весьма «патриотичны», весьма «конституционны», но поддерживающие их массы этими симпатичными для буржуазии чертами не обладают — вернее, обладают в недостаточной (с точки зрения капитализма) степени. Буржуазия эти массы должна разбить. Они делают Макдональда своим орудием. Они серьезно хотят видеть у власти действительно рабочую партию, выполняю-

щую волю не буржуазии, а пролетариата. Они, эти «непатриотические» и «неконституционные» массы, входят во вкус властвования. Этого буржуазия допустить не может. *Как можно скорее* и как можно дальше рабочий класс должен быть отброшен от власти. Раз Макдональд поддается влиянию «крайних элементов» — он должен быть убран прочь. Ведя решительную борьбу с рабочим классом, буржуазия вынуждена была бешено нападать и на Макдональда.

Буржуазная печать от крайне правой до крайне левой производила неслыханную травлю вождей рабочей партии. Консервативный «Таймс» о предвыборных речах Макдональда говорил: «Это были *истерические излияния,* лишенные всякого достоинства, здравого смысла и общепринятых приличий». Орган «левого» либерала Асквита «Дейли Ньюс» речи Макдональда считал «пьяными и неврастеническими». «Крайне левая» либеральная «Манчестер Гардиен» по поводу выступления Макдональда философствовала: «Когда пророки становятся *нахальными,* они теряют свой сан».

Макдональд тоже не уступал в резкости своим противникам и выступления Ллойд-Джорджа и Болдуина сравнивал с *лаем собак.*

Весь этот нобычайный для «степенных» англичан букет ругательств отражал собою *небывалую остроту политической борьбы.* Суть вопроса заключалась в том, что осенние (1924 г.) выборы в Англии — это была *классовая борьба* между пролетариатом и буржуазией. Капитализм пытался *выравнить* свое пошатнувшееся положение, *упрочить* поколебавшееся господство. Тут она должна была не только лаяться, но и *кусаться* по-собачьи. И все это было только начало, только *начало* гигантской *войны* классов в Англии.

Главные бои происходили между консерваторами и рабочей партией. Пролетариат атаковала главная партия капиталистической реакции. Буржуазия отодвинула либералов на задний план и своим боевым авангардом сделала партию лорда Керзона. В ряде мест консерваторы и либералы шли в блоке. Во всех сомнительных случаях либеральные голоса были отданы консерваторам.

Перед нами выступила *об'единенная буржуазия* против политически отсталого, возглавляемого Макдональдами, пролетариата. Победила буржуазия, капиталистичоская реакция вернулась к власти. Но решающее значение имеет тот факт,

что *пролетариат стал на путь классовой борьбы.* Не забудем: ряд поколений английских рабочих воспитывался в духе классового мира и сотрудничества. Макдональды и сейчас поют старую песнь о классовом мире. Но жизнь стихийно толкает пролетариат к борьбе. Кусающаяся по-собачьи буржуазия каждодневно своим поведением вбивает в голову рабочих ту мысль, что только знамя революционной борьбы несет им избавление от ига капитала.

* * *

— За или против Советского Союза? За или против англо-советского договора? За или против рабочего класса? Вот основные вопросы избирательной кампании.

Буржуазия единым фронтом выступала против Советского Союза, против англо-советского договора, против рабочего класса Англии, России, всего мира.

Восстановить против республики Советов, против большевизма избирателей—это значило для буржуазии нанести удар «своему» рабочему классу. *Англо-советское пролетарское дело сливалось воедино.* Вот почему с начала избирательной кампании капиталистическая печать, капиталистические ораторы пускают в ход все старые гнусные клеветы на республику Советов, прибавляют к ним новые, чтобы оглушить избирателя и заставить его голосовать против кандидата рабочего класса. Извлекли даже из архива давно, казалось, забытую гнусность насчет «социализации женщин» в республике Советов. Если — говорили вожди буржуазии английскому мещанину — если не хочешь большевистской «социализации женщин» — голосуй против... Макдональда!..

Но всего этого буржуазии показалось мало. Положение слишком серьезное. Победа рабочей партии — даже макдональдовской рабочей партии грозит капитализму неисчислимыми бедствиями. Нужно победить непременно, какими угодно средствами. Нужно заставить обывателей голосовать за буржуазию. А для этого необходимо привести его в состояние *паники.* Если нет действительных фактов, могущих это паническое состояние вызвать, нужно что-либо *сочинить, выдумать.*

В результате — нота правительства, подписанная чиновником Макдональда Грегори, нота, в основу которой поло-

жено *подложное* «письмо» Зиновьева. Коминтерн подготовляет восстание в английской армии и флоте! Коминтерн создает английскую Красную армию! Империи грозит гибель! Голосуйте против Макдональда! Голосуйте за Керзона — отечество будет спасено! Для этого буржуазия сочинила «письмо» Зиновьева.

Подлог нужен был на время и для целей избирательной кампании. Подлог нужен был для победы над Макдональдом. А Макдональд? Как он реагирует на этот гнусный *избирательный маневр* буржуазии? Макдональд ставит на подлог штемпель своего правительства! Это — уже *победа* буржуазии. Это—уже *капитуляция* Макдональда. Это—нож в спину борющемуся рабочему классу. Буржуазия вонзила нож — «рабочее правительство» всадило его глубже.

Как все это могло случиться? Разве Макдональд, разве вожди рабочей партии такие дураки, что они не могли отличить подложный документ от подлинного? Разве «рабочее правительство» не имело возможности навести справки у Раковского? Разве оно не было обязано эту справку навести, если у него были сомнения?

Как — спрашиваем мы — все это могло случиться? Рабочий класс и буржуазия решительно столкнулись. Борьба приняла небывалые формы и размеры. Борьба началась не на шутку. Буржуазии грозит гибель. И тут вожди рабочей партии *испугались возможной победы рабочего класса, испугались возможности собственной победы.* Очутившись между молотом и наковальней, между рвущейся к власти реакцией и поднявшим голову рабочим классом, *Макдональды испугались, растерялись, отступили перед буржуазией, позволили ей использовать государственный аппарат в целях избирательной кампании, тем самым предали рабочий класс.*

Это было чудовищно! Вся бесчисленная капиталистическая печать в первый же день подняла дьявольский шум вокруг подложного документа. А единственная газета рабочей партии — «Дейли Геральд» — позорно молчала. Это было предательство, это был нож в спину рабочему классу!

Но этого мало. В заявлении рабочей партии говорилось, что «вопрос о подлинности документа не может быть установлен до окончании выборов». Это — именно то, что нужно было капиталистам. До окончания выборов важно было им кричать, что документ подлинный, что коммунисты хотят

сокрушить империю, что рабочая партия не в состоянии оградить отечество от смертельной опасности. И рабочая партия это отравленное оружие в руках буржуазии оставила! Это — именно то, что нужно было Керзону. Рабочий класс трусами и приживальщиками буржуазии бесчестно и подло был предан!

Победа рабочего класса при всех этих условиях была невозможна, победа Керзона была обеспечена. Но это—*победа обреченных на гибель!* Парламент, избранный на основе лжи, обмана, подлогов, трусости и предательства, вызовет лишь презрение у пролетариата, который, ведь, только ввязывается в грозную историческую борьбу. Добившись победы средствами лжи и подлогов, буржуазия собственными руками разоблачила себя, скомпрометировала режим парламентаризма, *убила свое собственное будущее...*

Однако, вернемся к той неслыханной роли, которую сыграл Макдональд в истории с «письмом Зиновьева». С большим опозданием он выступил с «раз'яснениями». Что же поведал миру Макдональд?

Оказывается, пресловутое «письмо» получил он еще 14 октября и сразу усомнился в его подлинности. Но вместо того, чтобы непосредственно обратиться за раз'яснением к Раковскому, Макдональд подготовляет ноту, а установление подлинности «письма» поручает чиновникам.

Далее Макдональд, оказывается, знал, что «накануне выборов взорвется мина, подложенная» под рабочую партию. По характеру всей избирательной кампании, по тому, какие средства борьбы применяла буржуазия, Макдональд должен был знать, что консерваторы не остановятся ни перед чем. Он, оказывается, действительно подозревал, что «письмо Зиновьева» именно имеет отношение к избирательной кампании. И все же он идет обычным, «нормальным», дипломатическим путем! Он оставляет судьбу подозрительного документа в руках своих чиновников, которых он знал очень хорошо, как злостных врагов рабочего класса.

Чиновники министерства иностранных дел сделали то, что нужно было буржуазии: за 4 дня до выборов они опубликовали ноту, основанную на явно сомнительном документе. *Макдональд позволил буржуазии использовать аппарат министерства иностранных дел в целях бессовестного нападения на рабочий класс Англии, на республику Советов.* И Макдо-

нальд смиренно заявляет, что он «ни на кого не жалуется». Даже больше: он берет под свою защиту чиновников своего министерства, этих агентов буржуазии. Он говорит:

> «В министерстве *предположили,* что будут действовать соответственно моим желаниям, если немедленно предадут гласности это дело, и *добросовестно верили,* что данный документ является подлинным».

На каком основании говорит Макдональд о добросовестности людей, публикующих документ, подлинность которого вызывает сомнения? Ведь мало верить, нужно знать, что документ подлинный. Этого знания не было и быть не могло.

Так могли действовать прожженные негодяи, бессовестнейшие лакеи капитала. Почему же, однако, Макдональд считал добросовестными явных негодяев? Потому, что он *боится буржуазии,* он не смеет по достоинству оценить поведение слуг капитала.

Макдональд понимал, что чудовищный шум, поднятый буржуазией вокруг подложного письма, являлся «попыткой в последнюю минуту перед выборами *запутать нас в сети, окутать страну в день выборов облаками подозрения*». Он говорил о «*политическом заговоре*», он подозревал, что черносотенная газета «Дейли Мейль» причастна к подлогу.

И при всем том Макдональд не посмел сделать ни одного решительного шага, чтобы выбить из рук буржуазии отравленное оружие, чтобы рассеять «облака подозрения», чтобы разоблачить и ликвидировать «политический заговор».

Перед нами — проявление полнейшего политического ничтожества! Такой «вождь» только позорит тот класс, представителем которого он является.

По стопам Макдональда пошла и газета рабочей партии «Дейли Геральд». Она писала:

> «Если бы у буржуазных партий имелась хоть капля честности, они должны были бы с облегчением узнать, что *Макдональд даже к явно подложному документу не относится с ироническим презрением.* Они должны были бы приветствовать его ноту, требующую об'яснения».

Это чудовищно! Макдональд, вместо того, чтобы обрушиться на буржуазию за подделку, вместо того, чтобы раз-

облачить провокаторов и тем открыть глаза избирателям — вместо всего этого он явно подделанный документ кладет в основу ноты и создает конфликт с Советским Союзом. Разве можно придумать что-нибудь более глупое, более преступное? А «Дейли Геральд» в восторге от такого поведения Макдональда. Конечно, буржуазия будет смеяться, будет издеваться над таким «вождем». Конечно, для рабочего класса такие «вожди», такие газеты — подлинная трагедия.

Ведь подумать только: «Дейли Геральд» хочет пристыдить черносотенную печать за то, что она преждевременно распубликовала ноту! Черносотенные газеты, изволите ли видеть, «совершенно не подумали о том, какая *дипломатическая некорректность* публиковать ноту, прежде чем дать время ответить на нее». Буржуазия ведет бешеную борьбу за власть, а презренные меньшевистские тупицы болтают о «дипломатической некорректности»! Ведь еще большая «некорректность» совершить подлог, но эта «некорректность» была совершена именно для того, чтобы подделку пустить в ход во время избирательной борьбы...

* * *

Что означает поражение рабочей партии в стране, где рабочие составляют не менее 70 проц. избирателей? То, что значительная часть рабочего класса находится под прямым воздействием буржуазии, то, что политическое, идеологическое влияние капитализма на миллионы пролетариев еще чрезвычайно сильно.

Ничего удивительного в этом факте нет. Ведь совсем еще недалеко то время, когда рабочий класс Англии не имел своей партии, когда он *целиком* шел за буржуазией, голосуя то за одну буржуазную партию, то за другую. Первые представители рабочего класса вошли в английский парламент 20 лет тому назад, и до самого последнего времени рабочая фракция составляла в нем небольшую группу. Ныне, даже после избирательного поражения, представители рабочего класса составят в парламенте вторую по величине и единственную оппозиционную партию. С точки зрения исторического движения английского пролетариата вперед результаты выборов последних лет означают крупный успех рабочего движения.

За 15 — 20 лет пройден длинный путь. Об этом необходимо помнить, когда мы даем политическую оценку итогам последних выборов. Буржуазия победила, но безвозвратно прошло время, когда она одна находилась на политической арене, когда она могла менять, смотря по надобности, консервативные и либеральные методы управления. Теперь этой *свободы маневрирования* у буржуазии нет.

Когда либеральные и консервативные правительства сменяли друг друга, это означало *перемещение власти внутри буржуазии*. Ныне либеральная партия ликвидирована, буржуазия сконцентрировалась вокруг одной консервативной партии, против нее стоит одна лишь партия рабочего класса.

Перемещение власти отныне возможно от буржуазии к пролетариату. Линия классовой борьбы обнажена. Капиталист и рабочий *политически* стоят друг против друга, как непримиримые враги. С точки зрения *конечной победы* пролетариата этот факт имеет величайшее значение.

Поражение рабочей партии для коммунистов не явилось неожиданным. Нынешняя английская рабочая партия не могла победить по той основной причине, что она действовала не как рабочая, а *как буржуазная партия*. Вся ее внутренняя и внешняя политика была насквозь буржуазной, империалистской. Даже в вопросе об англо-советском договоре Макдональд действовал, как буржуа. Он сам хотел действовать, как *реакционный* буржуа, рабочие заставили его стать на точку зрения *либерального* буржуа и подписать договор. Сравните англо-советский договор с *раппальским* договором, и вы увидите, что немецкое чисто буржуазное правительство сделало в 1922 году значительно более радикальный шаг, чем английское «рабочее», «социалистическое» правительство в 1924 году.

Действуя по-буржуазному, Макдональд, естественно, *не мог вырвать из-под влияния буржуазии политически отсталые массы*. Наоборот, всеми своими действиями он *усиливал принципиальные позиции капитализма и неслыханно позорил социализм,* от имени которого выступал. 9-месячное правление Макдональда явилось убийственной компрометацией мирного, реформистского, меньшевистского «социализма». Ныне весь мир видит, что никакого по существу социализма у Макдональдов нет: вся их политика — ухудшенное издание трусливого либерализма.

Макдональд пришел к власти, как вождь партии парламентского меньшинства. Но если бы он действовал по-рабочему, по-революционному, если бы он просвещал и поднимал отсталые массы, он смог бы несказанно укрепить положение своей партии. Макдональд понимал, что это не утопия. Придя к власти, он заявил:

— *Власть — это великая возможность.*

Это бесспорно — у власти боевая, умная партия может необычайно укрепиться. Большевики показали, как власть, эту «великую важность», можно использовать для укрепления своего положения. *А Макдональд? Не он использовал власть в интересах пролетариата, а его использовали у власти в интересах буржуазии...*

Рабочий класс Англии значительно вырос за последние 15—20 лет, но у него нет еще партии, которая была бы достойна этого могучего класса. Такая партия растет в лице английского коммунизма.

* * *

С победой консерваторов в Англии и Америке человечество снова выбрасывается на линию обостреннейших классовых, колониальных, национальных войн. *Империя стерлинга и республика доллара выступают во всемирный поход*— против угнетенных классов и наций.

Керзон празднует победу. Однако, несомненно, одно: *избирательная победа более приближает историческое поражение керзонизма, чем это могло сделать избирательное поражение.* Рабочий класс с необычайной остротой почувствует свое поражение. Он займется беспощадной *самокритикой.* Он *пересмотрит* устаревшую идеологию и тактику, он *отбросит* негодных вождей, он *вооружится новым оружием борьбы с керзонизмом.*

Рост самосознания, рост революционности английского пролетариата будет происходить бурным темпом, ибо победившая реакция каждым своим шагом будет толкать его к мысли о необходимости непримиримой борьбы. *Новая глава в истории английского пролетариата открывается не со времени прихода к власти жалкого Макдональда, а со времени начала последней избирательной кампании, в которой рабочий класс, вопреки Макдональдам, выступал с сознанием не-*

обходимости ведения классовой борьбы, вместо классового мира.

Советский Союз, английский пролетариат, колониальные и полуколониальные народы — вот основная *восходящая* сила, которая противостоит реакционному, идущему по *нисходящей* линии, англо-американскому блоку.

Керзоны, Юзы, Чемберлены хотят борьбы, и они ее получат. Керзоны и Юзы сегодня празднуют свою эпизодическую победу — пролетариат завтра отпразднует свою окончательную победу над империализмом.

Ибо каковы *перспективы* той всемирно-исторической борьбы, которую форсирует капиталистическая реакция?

Консервативное правительство разорвало англо-советский договор и послало несколько грубых нот советскому правительству. Оно набросилось на Египет и Судан и поставило эти страны на колени. Оно усилило борьбу против освободительных движений на всем Востоке — прежде всего взяло «твердую линию» в Китае. Внутри страны оно подготовляет поход против профсоюзов. В отношении Германии консервативное правительство поворачивает назад: с эвакуацией кельнской зоны оно не торопится.

Правительство британской империи *одновременно* поднимает против себя гигантские силы, с которыми оно в прямой борьбе не справится. Политика консерваторов делает неизбежным *боевой блок английского пролетариата, Советского Союза и всех угнетенных народов Востока.* С *таким* «тройственным союзом» британской реакции не справиться. Эта реакция тупа и слепа, поэтому она не видит той ямы, которую сама себе роет.

На «твердую» политику британской реакции пролетариат Англии и Советского Союза ответил созданием *англо-советского рабочего союза.* К этому союзу будут примыкать постепенно все угнетенные классы и народы мира. Будущее именно *этому* союзу принадлежит. Нынешняя реакция не может быть длительной. Она уже получает отпор.

Мировой коммунизм будет готовить пролетариат к неизбежным революционным кризисам, взрывам, восстаниям. Срединная, промежуточная «демократия» отодвигается на второй план. Буржуазия и пролетариат открыто стоят друг против друга. Линии строго определены, ясность создана. Иллюзиям приходит конец.

КРАХ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭРЫ»

Провозглашение так называемой «демократической эры» усилило иллюзии не только среди широких рабочих и мелкобуржуазных масс. На макдональдовщину стали возлагать преувеличенные надежды не только меньшевики всего мира — *пацифистские иллюзии затронули даже кое-кого из членов коммунистических партий разных стран.*

Иллюзии поддался прежде всего тов. Троцкий, который поверил в серьезность и длительность макдональдовского режима. Тов. Троцкий заговорил о *смене* фашизма меньшевизмом, о том, будто буржуазия мирными парламентскими путями сама устраняет фашизм за ненадобностью, будто она на социал-демократию возлагает задачу умиротворения человечества.

Это была неправда. *Фашизм не ликвидировался, он только отводился на второй план. Меньшевизм оставался партией реакционной, фашистской. Не было никакой смены фашизма меньшевизмом — было лишь переплетение фашизма с меньшевизмом.* Тов. Троцкий не понимал, что в нынешнюю эпоху буржуазия не могла отказаться от услуг фашизма, а социал-демократия не могла оторваться от фашизма. Троцкий не понимал природы меньшевизма эпохи войн и революций. Он забывал, что меньшевизм, в нормальных условиях, являясь партией «демократического» *обмана* масс, в периоды классовой войны становится партией военно-полицейского *подавления* революционных масс. Вот почему в течение лета 1924 г. Троцкий в ряде своих докладов и статей систематически *прикрашивал меньшевизм,* систематически распространял иллюзии насчет *смены* фашизма меньшивизмом, в то время, как речь могла итти о некотором *перераспределении обязанностей* между фашизмом и меньшевизмом, — этими двумя, друг с другом неразрывно связанными, отрядами буржуазии.

В самый короткий срок *проверка наступила,* в самый жестокой форме *иллюзии разбиты.* Буржуазия произвела еще одну перегруппировку своих сил: одним движением своей властной руки она отодвинула меньшевизм на второй план и снова выдвинула вперед свое фашистское, консервативное крыло. В Англии у власти снова Болдуин-Керзон, в Италии парламентская атака на фашизм потерпела крах, в Юго-Славии слетел «демократический» кабинет Давидовича, во Франции, в Германии, Чехо-Словакии, Латвии, Эстонии, Финляндии натиск реакционно-фашистских сил необычайно усилился. От «демократизма» и «пацифизма» почти не осталось никакого следа.

А социал-демократия повсюду действует по-фашистски. По-фашистски действует та социал-демократия, которой летом 1924 г. буржуазия, по словам Троцкого, будто-бы говорила: «Затри кровавые пятна, лей на раны бальзам утешения, успокаивай, обманывай, натягивай цветную паутину демократии» (Л. Троцкий, «Запад и Восток», стр. 125).

Где же теперь «бальзам утешения»? Где «цветная паутина демократии»? Ее не было, ее не было летом 1924 г. — ее не могло быть, потому что социал-демократия сама была фашистской, она сама принимала прямое участие в кровавых актах империализма — против коммунистов, против революционных рабочих и крестьян, против колониальных и полуколониальных народов.

Но Троцкий всего этого не видел, потому что сам поддался демократически-пацифистской иллюзии.

Три «эпохи» за 9 месяцев

Ныне мир снова стоит под знаком очередного наступления фашистско-консервативной, империалистической реакции. Лживая, обманная «демократически-пацифистская эпоха» продолжалась всего девять месяцев. Какие, однако, короткие «эпохи» у издыхающей буржуазии! Как часто сменяет она систему своего господства! Как лихорадочно мечется она между реакционным бешенством и «демократическим» обманом! Как шатко и неустойчиво должно быть положение европейского капитализма, чтобы в течение девятидесяти месяцев трижды перескакивать от одного режима к другому!

Почему буржуазия так быстро убрала Макдональда? Почему она вернулась к режиму грубо-откровенной реакции?

Основная причина заключается в следующем. Буржуазия увидела, что меньшевизм не может служить надежным оплотом против все более левеющего рабочего класса, против все выше поднимающегося национально-революционного движения в колониях и полуколониях, против все усиливающегося Советского Союза.

На чем был свергнут Макдональд? На вопросе о Советском Союзе, на вопросе об английских коммунистах. *Судьба Макдональда была решена в тот момент, когда он уступил давлению левого крыла английского рабочего движения. Английский капитализм не мог позволить, чтобы через макдональдовщину прорвался сначала полубольшевизм, а потом и подлинный большевизм.* Он закричал о приближении большевизма уже сейчас, он нарисовал чудовищную картину краха империи — если Макдональд не будет убран, если власть не будет передана в «твердые», надежные руки.

Одновременно английская буржуазия сочла, что ее цель — внести замешательство в рабочее движение, скомпрометировать английскую рабочую партию — что эта ее цель в значительной степени достигнута.

В итоге — Англия, начавшая «демократистско-пацифистскую эру», возвращается к старому, керзоновскому курсу, и за ней к «старому курсу» быстро поворачивает вся Европа. В Англии *появились фашисты*, и во всей Европе фашизм снова собирает свои силы. Вместе с меньшевизмом он усиливает нажим на революцию.

Макдональдовщина крахнула в результате обострения борьбы по линии классовой и национально-колониальной. «Демократически-пацифистская эра» крахнула потому, что режим «демократии» начал уступать давлению рабочего класса.

Рабочая партия Англии отброшена от власти, несмотря на то, что она на выборах значительно усилилась. Основной смысл возвращения «старого курса» заключался в том, что *консерваторы поспешили вернуться к власти, пока они еще могли к ней вернуться.* Положение капитализма настолько угрожающе, что буржуазия вынуждена пускать в ход все средства, вплоть до гнуснейших и глупейших *подлогов,* чтобы какой угодно ценой вернуться снова к власти, целиком взять вновь в руки государственный аппарат.

Выборы в Англии прошли под знаком небывало острой классовой борьбы.

Никогда за последние десятилетия в Англии классы не стояли так резко друг против друга, как в октябрьскую избирательную кампанию. Никогда английский парламент не имел так резко выраженного классового характера, как в настоящее время. Подавляющее большинство депутатов консервативной партии — это рантье, торговцы, финансисты, владельцы фабрик, заводов, рудников. Среди 403 депутатов-консерваторов всего только 12 представителей умственного и физического труда — все остальные так наз. «деловые люди». Руководящая организация английского капитала — «федерация британской промышленности» — имеет в новом парламенте 74 своих сочленов, а в предыдущем парламенте их было 59. Далее, 414 депутатов парламента являются директорами разных торгово-промышленных предприятий — в прошлом парламенте их было только 240 чел.

Картина совершенно ясна. Для обывательских иллюзий остается все меньше места: новый парламент является прямым орудием в руках воинствующего английского капитализма.

Но против этого парламента стоит рабочая армия в 5½ милл. человек, голосовавших на выборах против буржуазных партий. Формально эта армия возглавляется такими гнилыми и трусливыми лакеями капитала, как Макдональд, Томас, Гендерсон. Но вожди английской рабочей партии никогда не смогут так «урегулировать» движение английского рабочего класса, чтобы оно не потревожило основы английского капитализма. 5½ милл. английских пролетариев не позволят буржуазии хозяйничать в стране так, как ей заблагорассудится. Рабочий класс Англии должен будет встать — и он неизбежно встанет — *на путь революционного, внепарламентского давления на буржуазию.* В парламенте организованный капитал имеет подавляющее большинство. Никакими *внутрипарламентскими* комбинациями правительство консерваторов свергнуть не удастся. Ждать новых выборов через четыре года английский рабочий класс не сможет — он не один раз будет вынужден прибегнуть к средствам революционного воздействия, чтобы добиться своего.

Это относится не только к Англии. *Основной смысл текущего политического момента заключается именно в том,*

что в странах консервативно-фашистской диктатуры обычные парламентские кризисы становятся невозможными. Если бы английскому капиталу не удалось «сделать выборы» в свою пользу, то, все равно, он наплевал бы на «волю народа», поставил бы в порядок дня штык, но власть прибрал бы к своим рукам.

Когда «социалисты» и «демократы» Италии попробовали свалить Муссолини легальным, парламентским путем, то из этого ровно ничего не вышло, и выйти никогда не может: итальянский фашизм может быть свергнут только в результате революционной борьбы рабочего класса.

Мы вступили в эпоху, когда *массы будут создавать не конституционные, не парламентские, а революционные кризисы.*

Основные черты текущего момента

Каковы основные черты текущего политического момента? Возьмем прежде всего *линию межгосударственных отношений.*

Если брать только так наз. «великие державы», то в отношениях между ними мы в данный момент не видим особенных обострений. *Репарационный вопрос* планом Дауэса считается благополучно решенным — к удовлетворению всех «великих держав». Но каковы перспективы? Виднейшие экономисты и политики буржуазии, освободившиеся от первого гипноза, связанного с планом Дауэса, отмечают ныне ряд роковых из'янов этого плана. Наиболее дальневидные политики буржуазии уже понимают, что на плане Дауэса невозможно построить будущее европейского капитализма, ибо план, как только начинается его осуществление, сразу же сталкивается с рядом неустранимых *противоречий.*

Первое и основное противоречие заключается в том, что осуществление плана Дауэса подразумевает сильнейшее *усиление германского экспорта,* а это создает величайшую опасность прежде всего для английской промышленности. Положение английского капитализма и без того крайне тяжелое. В двух основных отраслях английской промышленности — горной и металлургической — наблюдается резкий рост безработицы. В феврале текущего года в горной промышленности безработные составляли 2,4 %, к концу сен-

тября они составляли уже 8,1%. В металлургии процент безработных возрос с 16,7% до 24,6%.

Английский капитал чувствует прежде всего *американскую* конкуренцию, но уже дает о себе знать и *германская* конкуренция, которая неизбежно должна возрастать, если державы действительно хотят осуществления плана Дауэса.

Бывший министр торговли в кабинете Ллойд-Джорджа — Роберт Хорн — бьет в печати тревогу по поводу опасностей, связанных с осуществлением плана Дауэса для интересов британской промышленности. Германской конкуренции боится и Франция. С серьезной германской конкуренцией не захочет встретиться на мировых рынках и Америка. Интересы «отечественной промышленности» заставят «великие державы» фактически срывать осуществление всеспасающего плана Дауэса. На этом пути буржуазия свое положение не упрочит.

Величайшая опасность грозит плану Дауэса и со стороны *рабочего класса,* который со все возрастающей энергией должен будет бороться против этого проклятого плана. Германские рабочие в течение ноября 1924 г. начали широкую борьбу на экономическом фронте. Эта борьба неизбежно должна будет усиливаться и связываться с борьбой политической, ибо германская буржуазия может осуществить план Дауэса только ценою неслыханного ухудшения экономического положения германского пролетариата. Здесь по этой линии борьба только начинается.

Но против плана Дауэса неизбежно должны будут начать решительную борьбу и рабочие других стран, прежде всего рабочие Англии и Франции. Опасаясь американской и германской конкуренции, английская буржуазия уже ставит вопрос об ухудшении положения своих рабочих. Упомянутый выше Роберт Хорн говорит о необходимости *понижения себестоимости английских товаров,* что, разумеется, может быть достигнуто *понижением заработной платы*. Ряд торговых палат высказался в этом же духе. Лондонская торговая палата требует отказа от издания всяких новых законов, направленных к защите труда. Эти законы — заявляет палата — помешают развитию английской промышленности, ибо приведут к повышению себестоимости продуктов производства. К мнению лондонской палаты, разумеется, присоединился

и ряд других палат, прежде всего, Шеффильдская и Бирмингамская.

Словом, экономическое наступление капитала, связанное с планом Дауэса, уже начинается. Консервативное правительство Англии подготовляет широкий политический поход против профсоюзов. Никакие Макдональды, Томасы и Шейдеманы не удержат рабочий класс от решительнейшей борьбы против наступающего капитала, т.-е. в конечном счете против плана Дауэса. Этот план сорвется, его срыв будет сигналом обострения борьбы между «великими державами».

Буржуазия сама не верит в длительность сегодняшнего «мира» и «спокойствия». Англия вытесняется Америкой с ряда важнейших рынков. Франция горько «обижена» тем, что англо-французский капитал решительно подрезал крылья ее мечте о гегемонии над Европой. Германия приведена в состояние колонии и ждет только удобного часа, чтобы высвободиться из-под власти союзников. Ни у кого никакой уверенности в завтрашнем дне нет и быть не может.

Наиболее ярким выражением этой неуверенности, этой тревоги за день завтрашний являются беспрерывные *вооружения*. Победа консерваторов в Англии и Америке, возобновление «твердого» фашистского курса во всем мире, разумеется, еще более усилит размах и темп вооружений. Сильнейшее государство мира — Америка — стала самым милитаристским государством. Летом 1924 г. американская буржуазия провела день обороны — это был день величайшего шовинистского угара [1]). Флот американский почти сравнялся с флотом английским. Англия имеет небольшой перевес только потому, что ее флот вооружен более дальнобойными орудиями, чем флот американский. Но в декабре конгресс ассигновал 101 миллион долларов на *перевооружение военных судов* и на *постройку дополнительных судов*. Весною состоятся маневры американского флота. Уже на этих маневрах американский империализм выступит в качестве сильнейшей военно-морской державы.

До войны по Германии равнялись все в деле вооружения — *ныне равняются по Америке* и слепо мчатся к новой войне. Да, план Дауэса — никуда негодная опора капитали-

---

[1]) А тов. Троцкий в это время писал: „Политика Соединенных Штатов направлена на умиротворение Европы"!

стического мира. Основные вопросы империализма буржуазия будет решать новой войной — если ее не предупредит пролетарская революция.

* * *

Возьмем *линию классовой борьбы* в современной Европе. «Демократически-пацифистская эра» должна была внести мир не только между народами, но и между классами. «Демократически-пацифистская эра» крахнула в результате *обострения* прежде всего *классовой борьбы*. Фашистско-консервативный режим стоит под знаком *наступления на большевизм,* т.-е. на рабочий класс. Большевистская революция не стоит сегодня еще в порядке дня Англии и Франции. Между тем, буржуазия этих стран воет об опасности большевизма, ибо имеет перед собою *реальную опасность со стороны рабочего класса,* которого мучает безработица и экономическое положение которого находится под знаком дальнейшего ухудшения.

Характеризуя план Дауэса, мы уже указали, почему решительная борьба пролетариата совершенно неизбежна. Эта борьба уже ведется и будет вестись со все возрастающей энергией. *В отличие от капиталистического наступления 1921 — 1923 годов, нынешнее наступление капитала уже встречает отпор со стороны рабочего класса.* Если в 1921 — 1923 годах капитал наступал, а рабочий класс отступал, то в настоящее время пролетариат ведет встречные бои.

Желая сломить сопротивление рабочего класса, буржуазия обрушивается на коммунизм. Нигде в Европе коммунистические партии не имеют еще за собою большинства в рабочем классе, но повсеместно буржуазия в коммунизме видит своего главного врага и обрушивает на него жесточайшие удары. Орган Милюкова «Последние Новости» в номере от 25 ноября писали:

> «В одном отношении оценка большевизма никогда не вызывала и сейчас не вызывает никаких разногласий между его противниками и сторонниками. И те, и другие сходятся на том, что коммунизм — злейший враг демократии. Это признает не только та часть европейского

общественного мнения, которая вместе с нами считает необходимым изолировать большевизм, видя в нем угрозу мировой культуре. И те элементы европейской общественности, которые расходились с нами в вопросе о признании советского правительства — и они не думают отрицать противоречия интересов большевизма и мировой демократии. За примерами и доказательствами недалеко ходить. *Повсюду — во Франции, в Англии, в Германии, в Италии, на Балканах, в Скандинавии — все более и более обостряется борьба с коммунизмом не только со стороны государственной власти,* но и — *рабочего движения,* к разложению которого стремится армия III Интернационала во всем мире».

Почему именно теперь поставлен вопрос о борьбе с большевизмом? Разве он страшен европейскому капитализму? Разве буржуазные и социал-демократические партии не «похоронили» окончательно европейский коммунизм? Разве об отсутствии всякой почвы для «московских методов» не кричали со всех крыш защитники капитализма?

Так в чем же теперь дело? Почему «все более и более обостряется борьба с коммунизмом»? Потому, что капитализм обанкротился окончательно. Рабочий класс в своем большинстве этого *еще* не видит, не понимает, поэтому голосует за социал-демократию. Буржуазия хорошо видит слабость, неустойчивость своего положения, понимает, что завтра рабочий класс увидит всю *безнадежность* меньшевистского пути и неизбежно встанет на путь большевизма. Буржуазия видит, что уже сейчас коммунистические партии в ряде стран ведут за собою цвет рабочего класса. Предвидя, что завтра большевизм возглавит пролетарскую революцию, буржуазия сегодня пытается *предварительно* разбить его на голову.

Отсюда — небывалое обострение борьбы с коммунизмом со стороны буржуазии и социал-демократии. (На языке Милюкова борьба меньшевизма с европейским коммунизмом называется борьбой «рабочего движения» с большевизмом. Такой *подмен* со стороны кадетского публициста совершенно понятен.) Отсюда, с другой стороны, героические усилия лучших элементов рабочего класса сохранить, укрепить, расширить, большевизировать коммунистические партии.

Буржуазия и социал-дмократия не имеют никаких оснований праздновать победу над большевизмом. Несмотря на неслыханные в Европе репрессии, компартия останется на передовых боевых постах. Все силы германской реакции, от фашистов до социал-демократов включительно, обрушились на германскую компартию с целью разгромить ее окончательно на выборах 7 декабря. Задача не удалась. Компартия удержала около 3-х миллионов голосов и 45 мандатов. О французских коммунистах пусть расскажет газета гр. Милюкова. В номере от 28 ноября «Последние Новости» писали:

> «23 ноября состоялось перенесение праха Жореса в Пантеон. Этот день французские коммунисты избрали для того, чтобы произвести смотр своим силам. *В столице, пославшей в Палату чуть не всю коммунистическую фракцию этой Палаты, конечно, нетрудно было вывести на улицу сотню тысяч сторонников коммунизма.* Наглядное сопоставление этой *многочисленной толпы с ее знаменами, коммунистическими лозунгами, не уступавшими московским, и с не менее выразительными песнями и выкриками — и сравнительно жидких кучек официальных участников торжества* и их последователей, более дисциплинированных и менее шумных, не могло не дать впечатления полной победы подражателей большевистских приемов».

Компартии Италии, Чехо-Словакии, Польши, Юго-Славии при чудовищно трудных условиях борются со все возрастающей энергией против капиталистической реакции. Компартия Эстонии, выражая боевую решимость рабочего класса, восстала против капиталистического правительства. Восстание подавлено, буржуазия празднует победу, эстонских палачей приветствовали почти все европейские правительства. Европейскую буржуазию до смерти напугал *первый за последний год выстрел революции,* раздавшийся в Ревеле. Буржуазия знает, что главные бои впереди...

Коммунизм, несмотря на все старания социал-демократии, не изолирован от широкого массового движения. *Через левое крыло профдвижения* коммунисты открывают себе путь к завоеванию рабочего класса, к завоеванию большинства рабочего класса. С этой точки зрения создание *англо-советского рабочего союза* имеет величайшее значение. Создание

этого союза, братание представителей английского и советского профдвижения (Томский — на Гулльском конгрессе тред'юнионов, Персель — на VI с'езде профсоюзов), те величайшей важности *политические* заявления, которые были сделаны членами английской профсоюзной делегации во время их поездки по Советскому Союзу — все это было бы невозможно, если бы рабочие Европы, и прежде всего рабочие Англии, не были полны решимости бороться против мирового капитализма вместе с победоносным пролетариатом Советского Союза.

Консервативную роль играет *американский пролетариат*. Основная причина этого обстоятельства заключается в том же, в чем заключалась основная причина консервативности английского пролетариата на протяжении десятков лет: американская буржуазия является гегемоном на мировом рынке, она имеет возможность из получаемой сверх-прибыли подкупать определенный слой рабочего класса и тем дезорганизовать американское рабочее движение. Повидимому, в ближайшие годы большинство американского пролетариата не станет на путь серьезной революционной борьбы. Но пролетарии Европы, Азии, Африки не имеют иного пути, кроме пути решительнейшей революционной борьбы.

* * *

Перейдем *к линии колониальной борьбы*. Угнетенные народы Востока не имели никаких оснований проникнуться иллюзиями в связи с «демократически-пацифистской эрой». Подавление национально-революционного движения в странах Востока беспрерывно продолжалось. Макдональд ни в какой степени не ломал «традиционной» керзоновской политики.

Крах макдональдовщины служит сигналом к еще большему усилению нажима со стороны империализма на колониальные и полуколониальные народы. 7 ноября 1924 года «Таймс» писал:

> «Ввиду огромных потенциальных возможностей Китая, которые в это критическое время могут быть разрушены, *пора, чтобы британская политика в Китае стала более бойкой и решительной... С переменой правительства страна получила возможность более активно проявить свой интерес в китайском вопросе*».

Постановка вопроса ясна. Победа консервативно-фашистского курса означает еще более бешеный, чем раньше, натиск на колонии и полуколонии. Конец ноября 1924 г. дает образец проявления «нового курса» в колониальном вопросе. Воспользовавшись убийством командующего британскими войсками в Египте, генерала Ли-Стека, *английское правительство продемонстрировало «сильную власть» в Египте и Судане*. Эти страны снова становятся безвольными колониями английского империализма. Так же решительно думает консервативное правительство Англии действовать на всем Востоке.

Консервативная печать Англии говорит, что английское правительство приняло вызов, будто бы брошенный Египтом Великобритании. Но *поведение английских империалистов в Египте и Судане все угнетенное человечество будет рассматривать, как вызов, брошенный ему английскими империалистами.*

Борьба по этой линии обострится, как никогда, ибо по стопам Англии и по примеру Англии будут действовать и другие империалистические державы. Народы Китая, Индии, Египта, Судана, Персии, Турции имеют перед собою тот же самый путь к освобождению, как и рабочий класс — путь беспощадной революционной борьбы с империализмом.

Борьба эта уже происходит, и не всегда безуспешно. Марокканцы разбили на-голову испанских империалистов. Эта едва ли не первая в двадцатом веке победа колониальных рабов над империалистскими «господами» имеет величайшее значение. Этот *пример победы* сыграет на Востоке немалую роль. Народы Египта и Судана, только что подвергшиеся гнусному насилию со стороны Англии, знают теперь, каким путем итти.

Советский Союз и мировая реакция

Советский Союз концентрирует в себе все три линии борьбы: государственную, классовую, колониальную.

Мы — *государство,* которое хотят империалисты победить и расчленить. Мы — *страна,* которую хотят превратить в *колонию.* Мы — *рабочий класс,* который хотят раздавить. По всем этим трем линиям ведем мы борьбу против мирового империализма, и наши интересы в той или иной степени

9*

совпадают с интересами всех угнетенных государств, стран, классов.

Избирательная борьба в Англии происходила вокруг вопроса: за или против Советского Союза? Консолидация реакционно-фашистских сил идет под лозунгом борьбы с большевизмом. Империалистическое наступление на колонии и полуколонии имеет в виду и наступление против Советского Союза.

Германии уже навязан план Дауэса. Для Китая подготовляется план Дауэса. Для Советского Союза вслух мечтают империалисты о плане Дауэса.

Накануне выборов в Англии нас признала Франция. В ближайшее время, очевидно, признает Чехо-Словакия. Но во Франции уже началась борьба против левого блока. Падение Эррио, повидимому, вопрос ближайшего времени: в Лондоне Керзон, в Париже обязательно должен быть Пуанкарэ. Это значит, что реакционный фронт в Европе выравнится во всяком случае настолько, чтобы создать серьезную угрозу для Советского Союза.

Новые разговоры об интервенции уже начались. Более или менее открыто об этом заговорили в капиталистических кругах Америки, заговорили руководители эмиграции в лице Милюкова и Керенского. Вмешательство Лиги Наций в вопросе о Грузии, отказ Эррио *открыто* высказаться по грузинскому вопросу, какие-то подозрительные «секреты», которые оказались у «демократа» Эррио в данном вопросе — все это требует от пролетариата бдительности. *Может быть, скоро борьба по линии классовой и колониальной обострится настолько, что капитализм поставит все на карту и набросится на Советский Союз* — эту великую цитадель *всесторонней* борьбы с мировым империализмом.

Будем помнить: человечество вновь вступило в полосу *усиленной активности* насильничающего империализма, с одной стороны, угнетенных классов и народов — с другой.

Эпоха войн и революций, великая борьба за свержение капитализма, продолжается. Под знаменем большевизма, ленинизма, пролетариат победит!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

65 коп.

